АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АБДУРРАХМАН-И ТАЛИ'

ИСТОРИЯ АБУЛФЕЙЗ-ХАНА

Перевод с таджикского, предисловие, примечания и указатель
профессора А. А. Семенова

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ — 1959

„История Абулфейз-хана"—историческая хроника, написанная бухарским астрологом Абдуррахман Даулатом (Тали'). Книга охватывает период развития Бухарского ханства (1711 — 1725 гг.), совпадающий с началом правления преемника и брата Убайдулла-хана—Абулфейза.

Работа представляет большой интерес для специалистов-историков, востоковедов, филологов, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов.

Ответственный редактор
член-корреспондент АН УзССР
Р. Н. Набиев

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий перевод «Истории Абулфейз-хана» сделан нами, по-видимому, с уникальной таджикской рукописи Собрания Академии наук Узбекской ССР[1] за инв. № 11. Он является естественным продолжением уже переведенных нами трудов среднеазиатских историков Мухаммед Юсуфа мунши «Муким-ханская история» и Мир Мухаммеда Амин-и Бухари «Убайдулла-наме». Первый труд содержит обозрение истории Средней Азии за XVII в. с ретроспективным взглядом на события со времени Чингиз-хана, второй является его продолжением, дающим подробную историю политических событий в тогдашнем Бухарском ханстве со времени смерти Субхан Кули-хана (в 1114/1702 г.) в течение всего царствования его преемника и сына Убайдулла-хана (1114/1702—1123/1711).

Настоящее сочинение, излагая дальнейшее развитие политической истории Бухарского ханства, дает картину первых четырнадцати лет правления преемника и брата Убайдулла-хана, Абулфейза (1123/1711—1169—1747), и в то же время является весьма важным дополнением к труду «Ханский подарок» («Тухфа-йи хани») Мир Вафа-йи Керминеги, посвященному концу династии Аштарханидов и первым Мангытам.

Автор «Истории Абулфейз-хана» — некий бухарский астролог Абдуррахман Даулат, по литературному псевдониму Толе' (Тали', т. е. «Восходящее светило», или, в переносном смысле, «Счастливая звезда», «Счастье»), как он сам говорит в своем труде, не принадлежал к штату придворных астрологов (л. 70—71 рукописи). Но, по-видимому, он был близок к Абдулле кушбеги, сановнику Абулфейз-хана,

---

[1] Собрание восточных рукописей АН УзССР, т. 1, Ташкент, 1952, стр.76, № 194. О значении этого труда в серии источников по истории Средней Азии см. Мухаммед Юсуф мунши, Муким-ханская история, пер. проф. А. А. Семенова, Ташкент, 1956, стр. 22.

поскольку он всюду наделяет его похвальными эпитетами, превознося его добродетели и достоинства. Во всяком случае, как это можно видеть из содержания настоящего труда, автор его был очень хорошо знаком с правительственными кругами своего государства. Он хорошо знал всех действующих на политической арене лиц своего времени, ему известны происхождение и национальность каждого из них и все их, порою очень сложные, взаимоотношения, интриги, борьба за власть и за влияние.

Из его труда мы узнаем причины и подробности образования за этот период независимого от Бухары Самаркандского ханства во главе с Раджаб-ханом и происхождение последнего, о чем столь сжато, но крайне выразительно доносил Петру I из Бухары в 1723 г. его посол Флорио Беневени[2]. Мы только у нашего автора находим детали тех смут, волнений и мятежей, охвативших огромные пространства богатейшей части Мавераннахра, Зеравшанскую долину и Шахрисябзский оазис и причинявших неисчислимые бедствия мирному земледельческому населению. Если автор «Муким-ханской истории» дал картину сначала упрочения династии Аштарханидов, а затем ее постепенного упадка и признаков разложения их государства, если составитель истории Убайдулла-хана изобразил крайнее своеволие узбекских эмиров, главарей узбекских племен с их юртами (областями с коренным земледельческим и отчасти с кочевым населением, отданным в лены кочевникам), то Толе' живо рисует тот наступивший хаос и предельный развал узбекского государства, которыми отличалось правление Абулфейз-хана с первых же дней появления его на бухарском престоле.

Несмотря на крайне цветистый и порою заумный стиль своего труда, при наличии крайнего раболепия перед ханом и разными «высокими персонами» из его окружения, Абдуррахман Толе' дает потрясающую, крайне омерзительную картину междоусобной борьбы узбекских племен Миангкаля и Шахрисябза, возглавлявшихся властолюбивыми эмирами-феодалами, с одной стороны, а с другой — борьбу этих же эмиров-вассалов с бухарской придворной кликой Абулфейза. И этот великий развал государства последнего Аштарханида, вызванный полной анархией в среде правящей клики — своевольных, алчных и растленных узбекских эмиров, со всею яркостью подчеркивает, в каком

[2] См. шифрованную реляцию Ф. Беневени из Бухары от 4 марта 1723 г. в приложении к труду А. Н. Попова «Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом», Записки ИРГО, кн. IX, СПб., 1853, стр. 383—384.

страшном упадке должны были находиться в ханстве производительные силы, до какого предела нищеты и разорения дошло население.

Все это, как известно, закончилось отделением от Бухары Ферганской долины с образованием самостоятельного Кокандского ханства, установлением в Бухаре диктатуры Хаким-бий аталыка, эмира племени мангыт, который сделал свою карьеру при поддержке и покровительстве Надир-шаха, занявшего Бухару в 1740 г. В дальнейшем этим самым был расчищен путь к установлению самовластия сына Хакимбия, Мухаммеда Рахима — основоположника последней бухарской династии Мангытов. Но эти события со всеми их подробностями составляют уже содержание четвертого исторического труда — вышеупомянутого «Ханского подарка» Мир Вафа-йи Керминеги.

Переходя к внешнему описанию рукописи «Истории Абулфейз-хана», мы должны отметить, что первое мимолетное упоминание о ней было сделано нами в «Каталоге рукописей исторического отдела Бухарской Центральной Библиотеки» (Ташкент, 1925, стр. 9, № 23 с поправкой на последней странице). В эту библиотеку она поступила, по-видимому, после Великой Октябрьской социалистической революции из собрания Мир Мухаммед Сиддика, сына эмира Музаффара, большого любителя книги. На это указывают несколько глосс на полях рукописи, сделанные, по словам тогдашнего научного сотрудника Государственной публичной библиотеки УзССР покойного И. Адилова, рукою упомянутого принца. На внешней крышке старинного кожаного переплета наклеено вырезанное из бумаги сердце, на котором написано (тоже рукою Мухаммед Сиддика) следующее:

تاریخ شهادت عبید الله خان
نوّرمرقده و هجوم کنکس و غیره
بعد از جلوس ابوالفیض خان
تالیف مولوی عبدالرحمن
دولت نوّرمرقده

(«История мученической кончины Убайдулла-хана — да озарится его могила! — и нападение кенегесов и других после вступления на престол Абулфейз-хана, сочинение Маулави Абдуррахман Даулата — да озарится его могила!»).

Рукопись, к сожалению, страдает многими дефектами: отсутствуют начальные листы (по-видимому, не больше двух-трех), где, воз-

можно, было приведено название настоящего труда и полное имя его автора. По отсутствии же этих данных название «История Абулфейз-хана» дается нами условно, а имя автора определено из данных текста. В конце рукописи не хватает последних листов, и заключительный (161) лист обрывается на начале фразы. К тому же вся рукопись перебита при переплете; так, между л. 13 и 14 текст утрачен, неизвестно в каком количестве листов; после л. 42 должны следовать л. 94—124, за л. 124 должны идти л. 43—93 и после л. 93 — л. 125—161 — все в соответствии с кустодами и самой последовательностью изложения событий.

Рукопись переписана довольно четким бухарским насталиком, по-видимому, в XVIII столетии и, весьма возможно, современна автору. В ней всего 161 лист размером 11,5 × 18,5 *см* по 11 строк текста на каждом листе, но встречается и несколько большее число строчек, потому что она переписана неравномерно и как будто даже разными лицами. Ошибок, описок и пропусков диакритических точек в ней немалое количество, так как переписчик (быть может, не один) был человеком недостаточно грамотным. Порою понимание написанного им представляло значительные трудности, а некоторые места так и остались непрочитанными (что оговорено в примечаниях).

Самый стиль изложения отличается от подобных местных памятников. В то время как их авторы от начала до конца выдерживают один и тот же стиль крайнего велеречия и необычайной витиеватости, Абдуррахман Тали' в этом отношении неравномерен: у него весьма сложный и крайне витиеватый стиль иногда сменяется лаконичными фразами почти протокольного характера. И эта невыдержанность стиля невольно заставляет предполагать, не есть ли это предварительная, черновая редакция его труда, в законченном виде не увидевшего света?

Встречающиеся на полях рукописи заметки, как уже упоминалось, принадлежат бывшему владельцу ее, Мир Мухаммед Сиддику.

Что касается перевода на русский язык данного труда, то мы старались по мере возможности сохранить особенности стиля автора с его порою весьма вычурными выражениями, замысловатыми метафорами и с тем напыщенным и трескучим панегиризмом, который составляет неотъемлемую принадлежность подобного рода исторических восточных трудов. Меня побуждало к сохранению в русском переводе стиля автора еще и то обстоятельство, что, быть может, кто-нибудь из литераторов-невостоковедов предпримет небезынтересную попытку ознакомить-

ся со стилистикой среднеазиатских прозаиков (историков в особенности), хотя бы и по переводам. В этом случае такой исследователь найдет достаточный материал для оценки литературного стиля эпохи и той лексики, которой автор пользуется для описания того или иного события, украшая свое описание разными сравнениями, метафорами, гиперболами и т. п. особенностями красноречия и велеречия. Вместе с тем, от вдумчивого исследователя такой литературы не ускользнет и то, как был узок умственный горизонт автора такого труда, вся витиеватость стиля которого по существу ограничивалась повторением образов и сравнений, взятых из несложных явлений природы и из знакомства с самыми известными на Востоке произведениями, вроде «Шах-наме» Фердоуси и др.

Покойный академик В. В. Бартольд даже находил, что автор «Истории Абулфейз-хана» позаимствовал целые фразы из «Истории Абдулла-хана» Хафиза Таныша. Описание исторических событий, которые можно было бы изложить на двух-трех страницах, в силу любви автора к велеречию, занимает у него десятки страниц.

Перегруженность текста словесными «выкрутасами», по-видимому, не всегда нравилась и не всем была доступна для понимания даже на родине авторов. Любопытное доказательство этого мы видим в сокращенной редакции «Ханского подарка» Мухаммед Вафа-йи Керминеги. Поскольку этот труд полон необычайных длиннот именно в силу крайней витиеватости оборотов, пересыпанных гиперболами, сравнениями и другими «красотами» стиля, при бухарском эмире Абдулахаде (1885—1910) этот труд был изложен более простым языком и, следовательно, стал более сокращенным[3]. Покойный английский востоковед профессор Е. Броун иронически заметил по поводу столь же, если не более, витиеватого труда персидского историка Вассафа (XIII—XIV вв.), что его главное достоинство состоит в его неудобопонимаемости.

Ввиду всего этого, там, где по ходу русской речи для большей ясности требовалось ввести дополнительные слова, они заключались в квадратные скобки.

Для пояснения разных метафор и заумных выражений, а равно для лучшего уяснения текста нами сделаны соответствующие пояснительные примечания филологического, географического и исторического

---

[3] Собрание восточных рукописей АН УзССР, т. I, Ташкент, 1952, стр. 77—78, № 197.

характера, тем более, что автор-бухарец нередко пользовался такими выражениями и идиомами, которые являются специфически бухарскими и ни в одном словаре не встречаются.

За некоторые ценные пояснения в этой области я считаю долгом выразить свою благодарность памяти покойного научного сотрудника Государственной публичной библиотеки УзССР, а потом — Института по изучению восточных рукописей АН УзССР И. Адилова.

А. Семенов

ИСТОРИЯ АБУЛФЕЙЗ-ХАНА

[НАЧАЛО ИСТОРИИ АБУЛФЕЙЗ-ХАНА]

...Упомянем отцов и дедов его величества до Адама, искреннего 1*а*
друга [Аллаха],— да будет ему мир! Отец победы и [сам] победоносный Абулфейз бахадур-хан, сын Субхан Кули-хана, сына Надир Мухаммед-хана, сына Дин Мухаммед-хана[1], сына Джани-хана, сына Яр Мухаммед-хана, сына Баглышдад-хана, сына Джувак Мухаммед-хана, сына Ахмед-хана, сына Кутлук Тимур-хана, сына Тукай Тимур-хана, сына Оз Тимур-хана, сына Кутлук Тимур-султана, сына Тимур Кутлук-хана, сына Оз Тимур-хана, сына Тукай Тимур-хана, сына Джучи-хана, сына Чингиз-хана, сына Байсука[2] бахадура, сына Партан бахадура, сына Кубил ходжа-хана, сына Тумина-хана, сына Кайдул-хана, сына Байсунгур-хана, сына Кайду-хана, сына Тумин-хана, сына Бука-хана, сына Бузанджир-хана, сына Аланкувы, бывшей современницею Абу Муслима, мервца[3]. ||

Аланкува [же] — дочь Джуин бахадура, сына Бука бахадура, сы- 1*б*
на Туюг бахадура, сына Тинигиз бахадура, сына Джалма бахадура, сына Тарнгу бахадура, сына Накуз бахадура, сына Суюндж бахадура, сына Менгли бахадура, сына Юлдуз бахадура, сына Сулдуз бахадура, сына Джук бахадура, сына Дабайку-хана, сына Кук-хана, сына Гур-хана, сына Бупай-хана, сына Азур-хана, сына Джамун-хана, сына Угуз ата-хана, который был современником Феридуна и Заххака[4], Угуз же хан — сын Кара-хана, сына Байду-хана, сына Урду-хана, сына Могул-хана, сына Атсыз-хана, сына Ильджа-хана, сына Тюрка, сына Яфета, сына Ноя — да будет ему мир! Святейший же Ной восходит через пять поколений к Адаму, искреннему другу [Аллаха]. Таково исчисление имен || предков его величества государя [Абулфейз-хана]. 2*а*
После сего, бог даст, приступим к основной цели [нашего повествования].

Двустишие:

О боже, пока будут вращаться небеса*,
Государь в Бухаре да будет жив!

О ПРЕДАНИИ СМЕРТИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА УБАЙДУЛЛА-ХАНА-МУЧЕНИКА

С согласия узбекских эмиров в чарбаге Пир-и Марза[5] рукою Кучик-Хайвана минга и старанием Джаушан калмыка

Стих:

У Джами не было цели прославиться*.

Рассказчики невыносимо мучительных историй, передатчики горестных рассказов, золотых дел мастера[6], раздувающие горн огорчения, сидящие на золе по закоулкам банных топок печали, глогающие кровавые слезы в безводной степи грусти и скитальцы в пустыне горестной разлуки,

Стихи:

Сказители горестных и скорбных повестей*,
2б Повествователи, обремененные печалью, ||
Собеседники, сжигающие [горестную] душу и тело*
[И] возжигающие пламя светильников слова,
Пьющие до дна напиток жесточайшего страдания*,
Проливающие слезы на воду и прах,
С сердцами подобными хвоям ели, разодранным на сотни частей*,
С грудью же, как сердце, снедаемое мучительной горестью, —
Передают об [этом] происшествии такой*
Рассказ на память [настоящему и будущим поколениям].
[Возымев] намерение изложить этот горестный рассказ и эту [невыносимо] печальную повесть*,

слабый и расстроенный Абдуррахман-и Тали', [появляющийся] из авангарда Солнца слова, подобно ничтожной пылинке в окошке ушей слушателей, доводя до слуха [своих] высокоименитых читателей (т. е. слушателей) и до сведения все до тонкости знающих лобызателей высочайшего порога несколько обрывков своего волнения, позволяет себе изложить в виде воспоминания в нескольких разделах случай мученической смерти счастливого государя-мученика [Убайдулла-хана]. На-
3а деюсь, что || читатель и слушатель помянут автора в своих молитвах,

а если, паче чаяния, окажутся [в настоящем изложении] ошибки и недоговоренности, то они милостиво извинят [его]. Привет и почет [всем вам]!

В 1123 г. хиджры пророка,— да благословит его Аллах и да приветствует! — 27-го числа священного месяца мухаррама, в среду утром[7], случилось над ним (Убайдулла-ханом) это злодеяние, [происшедшее] от вращения времени и от сего непостоянного неба, чтобы остаться навечно на страницах истории. Случилось внезапное происшествие, [порожденное] этим вероломным миром, чтобы груди оставались истерзанными, а очи плачущими! Дорогой мой, во вращении вселенной нет остановки, в ее непоколебимости нет постоянства.

Этот мир — тот день, когда в беспредельной пустыне разлуки [с райскими блаженствами] послышался скорбный плач Адама, искреннего друга [Аллаха],— да будет ему мир! — «Боже наш, мы погубили [души наши], прости нас, [ибо] ты наилучший из милосердных!»[8] || [Этот 3*б*
мир] — та храмина, в которой неоднократно повторялись уроки пророческого достоинства[9] Эноха, этот мир — печь чувственного огня, которая втягивает в себя [людей], как Ноя — пучина потопа, он — огонь Немврода, гаснущий в воде небытия[10]; [он] — очи Иакова, потерявшего зрение в разлуке с Иосифом, а праведного Иосифа ввергнувший в когти волка смерти; [он] — гора Синай, расплавившая [все] существо Моисея, собеседника Аллаха, [неизреченным] блеском небытия; [он — тот, который] уничтожил [пышный] трон Соломона. Иначе говоря, этот мир не есть место веселия и довольства, и тот, кто смеялся [здесь] подобно раскрывающемуся бутону розы, того напоследок унес ветер небытия; он, подобно нарциссу, раскрыл глаза, а осень смерти вырезала ему их палочкою скорби. Хотя кипарис высоко поднимается в своем росте, а в конце концов плотник валит его безжалостною пилою. || Соответствен- 4*а*
но сказанному и в согласии с этим положением и приснопамятные жизненные обстоятельства его величества, блаженного хакана-мученика Сейида Убайдулла бахадур-хана, который не успел еще сорвать цветок желания в саду [своей] жизни, как холодный ветер смерти унес его [своим] нечаянным дуновением. Он не успел еще подышать в свое удовольствие на престоле миродержавия, как в чашу его жизни влили отравленную воду печали. В те дни, когда могущественный хан соизволил прибыть из богоспасаемого города Самарканда в великолепную Бухару и от Солнца своего величия бросил тень счастья на головы населения этой области, чаша его благополучия [тогда] была переполнена и меч его покровительства для государства Бухары был крепо-

стью[11]. Однако часть сброда из среды узбеков[12], страшась втайне справедливого государя, всегда держала в мысли, как бы разбить стеклянный сосуд его жизни камнем вероломства и уничтожить цветник его
4*б* дней самумом жестокости. || И постоянно эти коварные каверзники, эти вероломные смутьяны держали на уме, как бы прекратить жизнь этого храброго человека. Бóльшая часть [их] полагала [для осуществления заговора] подослать к хану группу лиц под видом просителей и в тот момент, когда хан, натянув поводья коня, остановится, [чтобы выслушать просьбу], застрелить его из-за угла. Часть же стояла за то, чтобы в том месте Намазгаха, где его величество располагается для совершения молитвы в праздник жертв или разговения, вырыть яму, наполнить ее нефтью и поджечь, чтобы дымом честолюбия [своего] погубить луч его жизни.

Однажды его величество на прогулке в цветниках Ханабада расстелил ковер удовольствия и наполнил чашу приятности чистым вином счастья[13], в тот вечер группа бесчестных людей, по вероломству, свойст-
5*а* венному современному человечеству, || прибыла к августейшему дворцу [с целью убить государя]. Его величество, в тот же вечер узнав об этом, опоясался шашкой отваги и стал на страже августейшего дворца. Та банда бежала, но не было известно, сколько [в ней] было людей. Спустя несколько дней Мухаммед Рахим парваначи дурман, по чувству доброжелательности и расположения к его величеству, при случайной встрече[14] с последним смиренно доложил, что группа презренного сброда решила причинить вред благороднейшей милости его величества. Хан, уповая на милость господню, изволил сказать: «Мы предали себя божьей воле, и то, что писец судьбы начертал на поверхности нашего чела пером предопределения, то и будет». Зимою того же года Ходжа
5*б* Балту доложил государю, что Ходжа Даулат сарай, || объединившись с Джаушан калмыком, заявил [одному] узбеку, что они поразят его величество. Хан, рассердившись, [сказал]: «[Если] такие лица из числа наших слуг высказывают в отношении нас [столь] нелепые мысли, то какое же рвение к повиновению может быть у других?» До Джаушана и Ходжа Даулата дошло [это ханское] порицание. Джаушан, предпочтя [всему] бегство, скрылся, а Ходжа Даулата схватили в ханака, которую он построил для исполнения нравственных и религиозных предписаний, и привели [для расправы]. В действительности достопочтенный Ходжа был муж проницательный, высоконравственный и благочестивый, чтобы его можно было подозревать в этом ужасном деле. Короче говоря, несчастного Ходжу заковали в цепи

Через неделю его невиновность стала известна его величеству и Ходжа был осчастливлен царскими милостями. || За Джаушан калмыка 6*а*
заступилась родительница его величества, [и он был помилован].

Как мы уже сказали, это страшное происшествие (т. е. убийство Убайдулла-хана) произошло в ночь на среду.

УПОМИНАНИЕ О ВСТУПЛЕНИИ НА ПРЕСТОЛ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА СЕЙИДА АБУЛФЕЙЗ БАХАДУР-ХАНА

Причиною всего этого бунта и смуты, появившихся из мира бытия и разрушения, был мехтер Кабули[15], дом которого находился внизу стены «высокого арка», там, где был его величество, покойный государь Абулфейз бахадур-хан, подобно пери, скрывающийся от взора людей в бутылке времени, чтобы далеко было от его лица все доброе и злое. Упомянутый мехтер, ведя [с ним] знакомство, отправился на тайное совещание со всеми эмирами, где изложил им просьбу его величества, стременем которого достойна быть Луна, Абулфейз Мухаммед бахадур-хана, || [что он желает быть ханом]. Он известил собрание 6*б*
о царственных милостях, [которые ожидают эмиров в случае возведения ими на престол Абулфейза] и обнадежил [их] тем, что ему всегда доступно его местопребывание[16]. Так как все эмиры были того мнения, чтобы, исторгнув кипарис Убайдуллахова роста из парка царствования, посадить [вместо него] Абулфейзово молодое деревцо, то они приняли просьбу Абулфейза[17] с тем, чтобы [все] это дело взял на себя мехтер Кабули, о чем они его и попросили. Что касается естества [самого] бунта и возмущения упомянутого Джаушан калмыка, то он-то, как свирепый Марс, залил кровью, как киноварью и мышьяком, эти страницы истории [Убайдулла-хана], так что [само] кровожадное сердце Бехрама[18] растопилось [от жалости] в этом лазурноцветном замке. Действительно, тот, у кого никогда не бывает улыбки на устах, кто всегда смотрит вниз, у того складка его лба подобна отравленной шашке, а взгляд его, как стрела неумолимого рока, ввергает в горесть. Джаушан калмык был человек || смуглолицый, со сверлящим взглядом 7*а*
глаз; соединяя с неприступностью надменность и упорство фанатика, он мало имел предшественников в этом отношении. Упомянутый мехтер Кабули, основываясь на нерасположении, которое он таил в своем сердце против его величества, государя, равного блеском Джемшиду, заключив с Джаушан калмыком тесный братский союз, выдал ему и его братьям восемь тысяч [тенег] как цену крови [Убайдулла-хана]. Он раз-

жег [этим] огонь смуты и погубил множество огородов, садов и цветников [жизней].

Когда султан весны разбил палатку и шатер миндаля и фиалок на равнине лугов и взвалил [целый] паланкин бутонов на молодого верблюда розовых кустов; [когда] он прокричал шелестящим тюльпанам: «Взойдите на лугах!», опоясался шашкою зелени, сел на пестрого коня дней и ночей и повесил за плечо круглый щит из роз, а исторгающее жизнь острие копья — шип розы — положил на руку; || [когда] он заиграл на флейте из нарцисса и забил в барабан похода перед накара-ханэ[10] из изумрудных почек — тогда он направился в «Матерь городов» розового цветника[20].

7б

Стихи:

Выступил на войну государь весны*,
Из цветников он столько покорил крепостей,
Навязал целые вьюки бутонов цветов*,
Воссел на молодого верблюда из розового куста.
Громко зашелестели тюльпаны*,
Шелкоукрашенными дворцами стали сады и огороды.
Обиталища цветов через [все] это позолотились*
Из-за смены дней и ночей.
Опоясал безжалостный султан весны*
Вокруг талии меч из лилий и зелени.
Непрестанно он играл на флейте из нарцисса*,
Колотя в литавры из розовых лепестков.
Направился очаровательный государь весны*
В сторону «Матери городов», садов и огородов.

8а Короче говоря, тою весною || счастливый и могущественный государь, его величество добродетельный Убайдулла-хан, выразил желание направиться в «Матерь городов» Балх, обрадовать и осчастливить разлученных [с ним обитателей] Дома печалей и осмотреть ту область, нет ли в ней каких-либо недостатков[21]; вместе с тем осчастливить и возвеличить [своим вниманием] Ни'матулла-бия, который уже давно был в пустыне разлуки с лицезрением государя, подвизаясь на поприще управления «Городом мужей» Термезом[22]. Однако эмиры того времени, вроде Ма'сум ходжа аталык сарая, Худаяр диванбеги мангыта, Фархад парваначи утарчия, Бек оглы дадха багрина, Ходжа Кули мирахур катагана и других, не согласились на эту поездку его величества || и обратились к нему с последовательным рядом

8б

просьб, чтобы его величество, стременем которого достойна быть Луна, в настоящее время задержался в веселом дворце прекрасной Бухары, приказав большинству эмиров отправиться в Балх и там совместно с Адиль аталык мингом, правителем той области, заняться рассмотрением и устранением недостатков и упущений в делах последней. [Но] отмеченный знаком Рустема и видом Феридуна величество на просьбу упомянутых эмиров не согласился и постановил на том, чтобы в счастливый час и в благоприятное время отправить в чарбаг Пир-и Марза небоподобные дворцовые палатки, заслуживающие специального внимания небесных сфер, царские дворцовые принадлежности[23]. Во исполнение этого приказания служащие — фаррашй[24] навьючили [все это] на огромных двугорбых верблюдов [и отправили по назначению]. В соответствии с [этим] роковым распоряжением двор убежища мира [Убайдулла-хана] обосновался в упомянутом чарбаге. Говорят, что последний первоначально называли чарбаг Ка'б и что || основателем его 9*а*
был Ходжа Исмет. Теперь же, ввиду того что его благодатный мазар находится поблизости от этого чарбага, последний называют Пир-и Марза по той причине, что св. Ходжа [Исмет] всецело занимался земледелием (дихкани). Поскольку же словом марз называют культурную, обработанную землю, а ходжа был духовным наставником (пиром) крестьян и сам возделывал землю, то за это и получил имя Пир-и Марза (Покровитель пахотной земли). Простой же народ называет это место теперь Филь Марз. Некоторые же стоят на том, что в этом месте когда-то подох слон, почему место это получило название Фил-и Мурда (Мертвый слон). В повседневном же употреблении простонародье зовет [это место] Филь Марза.

Словом, когда счастливый хан-мученик пожелал сесть на коня и отправился в Пир-и Марза, мехтер Шаф'и[25], сподобившийся совершить паломничество в Мекку и Медину и служивший [еще] Абдулазиз-хану и Субхан Кули-хану, сняв с головы чалму и опустившись на колени, сказал: || «Государь, я старый [слуга и] богомолец ваших от- 9*б*
цов! В этом [месяце] сафаре, столь смутном, вам, разумеется, лучше всего замедлить свой выезд. Я полагаю, что это путешествие угрожает жизни вашего величества». Счастливый хан-мученик [на это] соизволил сказать: «Мехтер мой, я [ведь] не избран рукою какой-либо твари, чтобы впасть мне в несчастье от руки враждебного создания. Если царство, которое мне подарил всевышний господь, он отнимает у меня, то я — раб его.

Стихи:

Мы—рабы [его], и наше спасение (букв. средство)—в его благоволении*,
Для несчастного же раба где (?) предел имеющему случиться с ним?[26]
День, когда твари исповедали творца своим владыкою, есть то, что по господнему предопределению*
Достойно нас [и] то, что нам [сверху предначертано], тоже нас касается».

Словом, упомянутый мехтер замолчал [и не стал больше уговаривать хана]. Его величество [вполне] счастливо сделал местопребыванием своего [правления] чарбаг Пир-и Марза.

Прошла после этого неделя. В вышеупомянутую ночь на среду,
10*а* которая была ночью, по соизволению Аллаха, || черною и мрачною, как сердце злодея, темною и печальною, как траурное платье, в столь позднее время в [этом] коловратном мире, с каменным сердцем, как сердце упорного фанатика, исповедника религии насилия в жестокое время, подобное сердцу человека, оплакивающего покойника и глубоко уязвленного страданием,— в такую ночь войска звезд выстроились рядами над этим чарбагом вокруг его стен и мерцали, [наблюдая], что происходит за [стенами]. Надев железные латы, узкоглазые [многочисленные] звезды нападали на непорочный дворец султана неба; кровожадный Марс провел по горлу счастливого хана-мученика, Солнца [вселенной], кинжалом погибели, и подол тюльпаноподобной зари омочился кровью в том дворце мрака.

Стихи:

Ночь, подобная тавру горести, невыносимо мучительная*,
Ночь, как сердце тирана, [исполненного] скверных поступков,
Ночь темнее, чем глаз врага*,
Черная, узкоглазая, погруженная в железо,
Ночь мрачная, подобная волосам оплакивающего покойника*,
Черная, непроглядная, мрачная и тонкочувствующая,
10*б* Ночь, как сердце влюбленного, || полное горести*.
[В каковую ночь] звезды стали подобны желтому лицу,—
В ту ночь мстительное небо*
Стало соучастником врага в убийстве шаха.

[После] вечерней молитвы[27], когда уже была полная раскаянья ночь страшного суда, Ма'сум аталык, приспособляясь к обстоятельствам времени, послал донесение [хану], чтобы его величество государь, равный по достоинству небесной сфере, был осведомлен о стенах ав-

густейшего арка и ставки, что как бы судьба не устроила [с ним] какой-либо каверзы[28]. Когда государь, счастливый мученик, уяснил себе смысл посланного ему упомянутого аталыком донесения, он сжег последнее и сказал: «Я не воробей, чтобы в страхе улетать с ветвей дерева при звуке тетивы пращи[29], я ведь и не феникс, чтобы остаться на [горе] Каф[30], гнезде упования на божественную милость».

Словом, в описываемую ночь упомянутый мехтер Кабули и привычный [к таким делам] Джаушан калмык устроили в соборной мечети Бухары, являющейся местом сосредоточения молящихся, || совещание при участии сорока человек, называвших себя кырк казах (сорок казахов), с главарями заговорщиков: Ланг Мухаммед Мурад туркменом, Дост Мухаммед ишик-ака-баши багрином, сыном Ширгази-бия, Клыч диванэ, который был из числа слуг[31] упомянутого ишик-ака-баши[32], и проч. Приняв на себя обязательство [убить хана], они пошли на все, не исключая и перспективы смерти. Из усадьбы мехтера Кабули, которая, как упоминалось выше, находилась внизу арка, заговорщики взобрались с восточной стороны до верха высокой цитадели, куда [даже] ветер не проникал в своем дуновении, проделали там отверстие на манер того, как это бывает в пчелином улье, и Джаушан калмык вместе с братьями Мухаммед Салаха курчи, сыновьями Абдулла-бека и другими, подобно лисам, проникли в тот цветущий дворец || и поспешили в ту же ночь разыскать его высочество, коему сопутствует при стремени Луна, Абулфейз-хана, покуда не удостоились быть в присутствии его высочества. [Тогда] все сборище заговорщиков закричало, что хана убили в [чарбаге] Пир-и Марза. Услышав этот крик, все рабы и слуги [двора] отчаялись видеть живым его высочество. Но последний в это время был еще жив, пребывая на постели спокойствия. 11*а* 11*б*

В эту ночь Ланг Мухаммед Мурад убил в гареме Ходжу Балту, который, узнав о происшедшем, хотел выйти [наружу]; мехтера Шаф'и убил Мухаммед Салах курчи. Та ночь [по своим ужасам] казалась ночью Страшного суда. Если бы не было Солнца ханской красоты, Абулфейз-хана, то близко было бы к тому, чтоб от страха и ужаса сердца превратились в трепет, а души поверглись в смятение[33]. || Это происшествие случилось около полуночи. 12*а*

Когда счастливое известие [о предположении возвести на ханский престол Абулфейза] достигло до всех эмиров, Худаяр-бий, Фархад-бий, Ходжа Кули-бий, Султан-бий и все эмиры, которые были в наличности, на той же ранней заре достигли утра свидания с его величеством ханом. Послали за Ма'сум аталыком, стали непрерывно бить

в большой барабан, возвещая об избрании ханом Абулфейза, и кричали: «Счастье—государство Абулфейз-хана!» и обнадежили народ свежим известием [о новом] хане. Однако, когда в ту темную ночь в Бухаре распространилось известие об этом ужасном происшествии, каждый из эмиров и из прочих подданных, пораженный, вставал [с постели] и хлопал от радости в ладоши; многие же от огорчения ударяли себя по голове рукою сожаления. Тюря Кули кушбеги н а й м а н, которого его величество хан-мученик, обласкав, возвысил из праха ничтожества до
12*б* зенита величия, || предоставив ему должность кушбеги вместо уволенного Абдулла хаджи, который теперь спокойно завернул ноги власти в подол терпения и спокойно сидел,— этот Тюря Кули, услышав обо всем происшедшем, бежал [из Бухары], поспешив к хану в Пир-и Марза. Когда он достиг до августейшего местопребывания (букв. до августейшей урды), то известил дворцовую челядь[34], чтобы она, разбудив от сладкого сна его величество, сопутствуемого Луною, подняла бы его с постели покоя, ибо судьба проявляла к нему другое коварство и небо обнаружило великую беду. Дворцовые люди в ту же ночь передали это гаремным женщинам, и те, разбудив его величество, доложили ему, что
13*а* ужасный мир и непостоянная судьба || подвинули на это [дело] группу негодяев. Последние проникли в августейший арк, убили Ходжу Балту и мехтера Шаф'и и заполнили и увенчали престол миродержавия драгоценными камнями и блеском существа Абулфейз-хана, а убежище халифского достоинства, [Убайдулла-хана], свергли с престола халифства и господства.

И тот вождь эпохи, государь мира, [Убайдулла-хан], со всею отвагою, которая была в нем, соизволил сказать следующее: «Как осмелились проникнуть в высокий арк эти скверные подонки общества и совершить столь гнусное дело?! Воробей если и залетает в гнездо орла, то он рискует попасть в когти смерти, если пичужка притязает стать фениксом, то от дуновения воздуха, образуемого взмахами его крыльев, она перестает существовать.

Стихи:

Если в гнездо орла полетит воробей,*
То от когтей [орла], несущих страдание, он проститься со своею жизнью.
Если он на [свое] несчастье направится к жилищу феникса,*||
13*б* То в вечер смерти он разлучится с своею жизнью».

Но [хан] не знал, что у дурно воспитанной и огорчающей судьбы есть такое положение, что она лютого льва низвергает в колодец хитростью лисицы и укусом мошки губит могучего слона. В это время до высочайшего слуха донеслись нестройные воинственные звуки большого царского барабана, [несшиеся] из города. Его величество хан, достоинством равный небесному своду, а запальчивостью — Солнцу, опоясался поясом энергии и успокоил обитательниц гарема, [сказав им]: «Не будьте робки, потому что мы тоже имеем группу лиц, которые уже много времени громко заявляли о благожелательном отношении [к нам] и звонко били в барабан самоотверженной преданности под этим пышным голубым [небесным] сводом. Надеемся на божественное милосердие, что завтра к могущественному [высочайшему нашему] порогу[35]||...

В этом происшествии эмиры, имевшие распрю с особою его вели- 14*а*
чества, осведомившись о положении его, и всего менее желавшие его благополучия, окружили занимавшийся им чарбаг плотным кольцом, так что его величество никак не мог выбраться из этого заколдованного круга. Так что, куда бы он ни смотрел, всюду видел знаки его чародейства. После этого [ему не осталось] ни могилы, ни савана. Бог даст, мы опишем [дальнейшие] события.

Когда его величество, несчастный хан, увидел, что птицеловы рока раскинули [над ним] сеть со всех шести сторон[36] и отовсюду кричат душе, заключенной в тело: «Здесь разлука между нами!»[37] — он предоставил сердце сладкой смерти[38] и вкусил чашу ядоносного напитка горести. Рассыпающим перлы языком он воскликнул: «Друзья мои, мы связали уже сердце [наше] со смертью и покидаем все то,|| что при- 14*б*
влекало нас в мире, [посему] мы утвердились в мысли надеть одежды путешествия из этого тленного мира во дворец вечности». И затем, обращаясь к самому себе, хан говорил —

Стихи:

«Тело есть верховое животное, привязанное на конюшне в день войны,*
Лучше [поэтому] в день битвы иметь [под собою какую-нибудь] клячу.
Выросла из сада нашего существования [роза], полная бутонов,*
Лучше бы ей быть в уголке головного убора вождей.
Сердце — стеклянный сосуд, полный крови горести,*
Разбитое камнем случайности оно покидает свою родину».

И [опять], обращаясь к себе, он говорил: «О тело, не проводи в
6 беспечности эту ночь и не забудь своей подруги-[души], ибо завтра

тебя напоят из чаши: «*всякая душа вкусит смерть*» [39], в ней же покой сердец и веселье мыслей. О пленник небытия, покончи же с любовью к своей жизни на коврике михраба!»[40]

Мухаммед Рахим-[бий] парваначи был мотыльком, сгоревшим в
15*а* кружении вокруг украшающей сердце свечи.|| Но рок и случай, проявив коварство, пресекли нить дружбы между свечой и бабочкой. Когда ужасная весть о всеобщем нападении [на хана] достигла слуха Мухаммед Рахим-бия и он увидел, что стечение людей оказалось на одной стороне и — что может сделать капля с морем, [как и] одинокий всадник с [целым] войском? — он, поневоле завернув ноги раздумья в подол терпения и неподвижности, не предпринял ничего [для спасения своего государства]. Великодушный же хакан проводил ту ночь в Пир-и Марза; большинство его слуг, вроде Шакир мирахура, Афлатуна курчи и Тюря-Кули кушбеги, обратились к нему [с предложением своих советов], как бы ему спастись из сего потопа несчастья. Его величество однако не соглашался[41] [с ними и говорил]: «Что за низость — оставить свою семью в руках злодеев, а самому уйти! В конце концов нужно же умереть, ибо ни одному человеку не избежать смерти. Если
15*б* пришел смертный час,|| то никаким средством не отстранить его! И вот, взвалив одежды существования на верблюда небытия, мы поспешим [теперь] с караваном смерти во след за исчезнувшими [навеки] людьми.

Стихи:

Вот я отправился следом за исчезнувшим караваном [смерти],*
Тяжелы у меня воспоминания о своем существовании
Не затрудняй же [себя] раздумыванием об огорчительных
обстоятельствах моей жизни,*
[Ибо] это горестное происшествие вне пределов объяснения!
В новогодний сезон сады нашего веселья*
Подобны лицам возлюбленных, пляшущих осенней порою [по сборе
винограда].
От того, что пришел день смерти, стало известно такое положение:*
Этот мир — преходящ и огорченья мира — тоже преходящи».

Передают, что в то позднее время, когда двери жестокости и насилия раскрылись перед несчастным государем, а [все] виды удовольствий и покоя закрылись перед его лицом и караваны слез беспре-
16*а* станно || катились со станций глаз сего государя через город его ланит,

пламя же его тяжелых жгучих вздохов превращало в воду самые бесчувственные сердца, он декламировал следующее стихотворение, применительно к его горестному положению:

Газаль:

«Мое сердце от горести стало кровью; поскольку мне быть в доме траура,*
Я сегодня хочу расстаться с царством благополучия.
Судьба, как только возымела силу, поступила со мною вероломно,*
По допущению рока я тоже хотел бы быть вероломным,
Каждому я обещал покровительство, [а судьба] поступила [со мною] коварно и я поражен изумлением.*
Я не хочу быть знакомым ни с кем в эти дни!
Я — Хусейн своего времени[42] и вижу зло от этих отвратительных людей,*
И лучше бы мне также мучиться жаждою в [пустыне] Кербела, [как и Хусейну]!
Следовало [мне], и я испил от людей целый поток несправедливости,—*
Не упрекай же меня: || [я], Убайдулла, буду со смертью в согласии!» 16*б*

Словом, в ту горестную ночь все эмиры, отправившись в бухарский арк, единогласно решили убить Убайдулла-хана и сделать государем его величество Абулфейз-хана. Они несколько раз посылали к Ма'сум-бий аталыку, [прося его принять участие в их решении], а он, человек военный, медлил с прибытием [к ним], ибо, [по его мнению], возможно, судьба даст другой оборот делу. Он послал [на разведку] человека и путем шпионажа получил известие, что в Пир-и Марза при хане-мученике никого нет. И [тогда] Ма'сум-бий сел на коня и, на ранней заре прибыв [в арк], поцеловал августейшее стремя его величества, Абулфейз-хана[43]. И все согласились на том, что по Чингизханскому обычаю расстелили белый войлок [и подняли на нем Абулфейза, тем самым] возведя его величество, божественную тень, на престол. Его величество хан не согласился было на убийство брата и сказал: «Хорошо было бы [моему] любезному брату|| отправиться в паломничество к 17*а*
святым местам Аравии и сподобиться [получить] от них почет». Эмиры, [однако], не согласились на это. И когда взошло Солнце, то наставший день был днем, когда бедоносное море пришло в волнение, огонь бунта высоко взметнулся вверх и волк гибели унес Иосифоподобное могущество [Убайдулла-хана][44].

Я славлю Аллаха достойным его славословием! Тот день был таким днем, в который сердца стали полны боли, а лица пожелтели. В то время, когда взошло Солнце, ты сказал бы: «Вероломные войска звезд Султана [т. е. солнца], когда с восходом освещающего мир Солнца на ристалище божественного всемогущества[45] смешали вместе землю и кровь жестокости, они, как дикие восточные тюрки, захватив в плен закрытых чадрами целомудрия [обитательниц] лазоревого дво-
17*б* ра небес,|| сбросили с них покрывала и повлекли [их] в плен, посадив на сребровидный круп светлошерстого коня небес[46]. Государь же, достоинством равный Джемшиду — Солнцу (т. е. Убайдулла-хан), стоял один-одинешенек с глазами, полными кровавых слез, благодаря руке [слепого] рока. В такое время группа военных, крича и вопя, со всех сторон ринулась к саду Пир-и Марза. В это время хан, оставленный всеми и без близкого друга, совершив утреннюю молитву, сел на молитвенный коврик покорности своей судьбе. На его стороне никого не оставалось, кроме Афлатуна курчи и Тюря Кули кушбеги. Вдруг со стороны города раздался крик: «Хватай [его]!» и военные бросились, как на грабеж. Его величество, услышав шум и крики этого сборища,||
18*а* невольно заплакал и, теснимый насилием и жестокостью судьбы, испускал тяжелые пламенные вздохи, так что автор этих строк по этому поводу составил [следующую] элегию:

«О мусульмане, [все] стенания [происходят] от вращения сего
высочайшего неба,*
[И все] правосудие и несправедливость проистекает от случайностей,
совершающихся на земле!
Скорбью возделана земля, жестокости преисполнено небо,*
У него готовы бунты [и мятежи] и сто тысяч [их] еще в засаде.
Кроме капель яда, не влило оно в наше горло [ничего],*
Хотя и полна бывает меда звезда небосклона.
Я пишу на память историю о жестокости вращения небесного свода
и круговорота времени.*
В тысяча сто двадцать третьем году, в священном [мухарраме][47]
В Бухаре возникло бедствие, сопровождаемое ужасами Судного дня,*
18*б* И внезапно воссияло восходящее солнце Абулфейз-хана.||
Померкла во тьме счастливая звезда Убайдулла-[хана, ибо]*
Кроме несчастья, [ничего иного] не бывает в развалинах мира.
Куда делся [пышный царь] Джемшид, куда девалось веселье, где
вращенье [застольной] чаши?!*
Условилась шайка людей убить несчастного государя
И из Бухары совершила нападение на Пир-и Марза».

Когда весть о нападении этой вероломной банды достигла до высочайшего слуха, его величество понял, что все проистекает от козней судьбы. И в горести и беспомощности, обратив лицо [свое] к этому голубому и замечательному небу и к этим девяти слоям синих небес, с глазами полными кровавых слез и с печальными вздохами от жестокости и тирании судьбы, говорил такие слова —

Стихи:

«Когда услышал о нападении народа государь несчастных*||
Он испустил [идущий] из души и сердца вздох, полный горести и 19*а*
безнадежности.
Он сказал: «О тиранический круговорот небес, [твое] возмездие
[происходит] от твоей несправедливости,*
Тебя создали из естества вероломства!
Кольца твоих звезд не меньше, чем цепи [рабства],*
[И] не меньше, чем тюрьма, будет твой созданный тиранией чертог.
Ты в одно мгновение несправедливо убиваешь сотню безгрешных
людей,*
[И] никогда не делается веселым твое невеселое настроение.
В такое, [как сейчас], время блеск меча скорби стал [твоим] знаменем;*
Забила волна из облака бедствия, которым кипит твой поток».

Когда несчастный государь, этот бездольный владыка, увидел, что народ принял твердое решение убить его, обнажил для этого свои мечи || и поднял копья поразить его насмерть, — он вошел в свой гарем, 19*б* где все целомудренные обитательницы, плача, стали целовать его в розовые щеки.

Его величество, несчастный хан, поправил на себе оружие, надел на себя еменскую кольчугу, опоясал египетскую шашку[48], перебросил за плечо щит и, накрыв голову шлемом[49], обратился к тем несчастным, угнетенным [злым роком], к тем злосчастным, готовым умереть со словами: «О мои собеседницы и мои подруги, сегодня такой день, когда розовый цветник моих ланит погубит [холодный] ветер осени, а мои сладкие уста станут жадною добычею муравьев могилы; голову и || стан мой поразит [насмерть] оружие небытия, а мои оба нарцисс 20*а* подобных глаза наполнятся могильною землею. Если [когда-либо] пройдете по саду и увидите случайно розу, вспомните о розах моих ланит; если же вы посмотрите на кипарис, то вспомните о моем стройном стане!

Стихи:

Если ты посмотришь на розовый цветник, ты вспомнишь меня;*
Увидишь завиток гиацинта — вспомнишь мои кудри,
Всякая роза и тюльпан, которые возвышаются на лугу перед твоим взором,*
Напомнят тебе о моем стройном, как кипарис, стане и о моем румяном лице!»

Крики, смятение, плач и вопли отовсюду поднялись из среды слабых и несчастных женщин, и матерь (родительница хана), плача, громко оплакивала его. Государь-мученик, прощаясь со всеми обитательницами гарема, говорил: «Это последнее [мое с вами] свидание и последнее прощание!»||

20*б*

Стихи:

Он отправился в гарем и со скорбью сказал последнее «прости» [своим подругам]:*
«Прощайте, мои дорогие подруги, прощайте!
О какая разлука [с вами], жемчужинами цветника жизни!*
Прощайте же все целомудренные жительницы [гарема], прощайте!»
Терзаемые невыносимым горем, все плачущие невинные [красавицы] сказали:*
«Прощай, государь, отказавшийся от дома и домашнего достояния!»[50]
Очи небесного свода, [созерцая это], выжимали [из себя] капли алых слез, [а]*
Шах, не переставая плакать, все время говорил: «Прощайте!»
Ночною порою запылал огонь грабежа и скандала*
И лишил сердце государя несчастных [надежды] на жизнь.

Едва хан успел проститься со своею семьею и своими домашними, 21*а* как вдруг [совсем близко] раздался необыкновенно сильный крик|| и все грабители проникли в гарем, [в это] убежище женской части, и бросились все грабить, унося все, что попадало им под руку. В это время его величество, имея в руке лук, взял стрелу и поразил ею одного из [этой] банды так, что тот отправился [в ад] за дровами. Несчастный государь, посмотрев вокруг себя, никого не увидел из своих сторонников: ни одного друга, ни одного разделяющего с ним печаль, ни одного товарища и ни одного сострадательного человека, — ни извне, ни изнутри ни одного доверенного слуги, ни одного интимного приятеля. Все те, которые [столь еще недавно] громко заявляли о

своей к нему любви, все теперь презрели [свою] верность своему государю, обнажили мечи и [выявили свои] каменные сердца. [А он] — пленник [своего безвыходного положения], с глазами, источающими кровавые слезы, || продекламировал такие 21*б*

СТИХИ:

«Когда государь во время [постигшего его] несчастья посмотрел
во все стороны,*
Он увидел на лицах людей яркое проявление предательства.
Весь этот блеск величия государства он приготовил,*
Во время же [своего] исчезновения он стал подобен искрам.
Его друзья рассеялись, как звезды из созвездия Девы,*
И кроме того полюса достоинства там никого другого не осталось,
То есть, кроме прекрасного и верного Афлатуна времени,*
Он, благородно рожденный, прославился [своею] верностью!»

Когда его величество, убежище халифского достоинства, остался один, тот бессовестный народ окружил его со всех сторон и каждый стремился [с угрозами] посягнуть на него. [В это время] Афлатун курчи, который [хотя] и был калмык, но по своей верности был единственным в мире[51], приблизившись к государю и опустившись на колени, сказал: «О несчастный государь, о страдалец-хан, || о злополучный монарх, о 22*а* бездольный владыка! Сегодня начала трепетать [у меня] птичка сердца в клетке тела, желая взлететь на ветви мученичества; а тело за завесою устранения воды и праха и сердце, как полный главнокомандующий, — оба они дышат верностью [вашему величеству]. Сегодня я покорил свою душу и сердце, душу, которой свойственна измена и которая хотела бежать, и сердце, счастьем которого является питье кровавого напитка печали и которое предпочитает постоянство. [Поэтому] я хочу сегодня возвеселить свою плоть[52] в море крови мученичества, чтобы завтра, в день великого представления [божеству], полностью войти в толпу самоотверженных, верных людей». || Он сказал это и, подобно соловьям с 22*б* опьяненными сердцами в клетке тела, принялся стенать и [потом] вскрикнул: «О люди, это — равнина Кербела, а я ее мученик!» Как вдруг какой-то низкий человек [из толпы убийц] ударил Афлатун калмыка по голове, так что тот свалился с ног и упал на землю, смешавшуюся с его кровью. Смотря [вокруг] скорбным взглядом, он говорил: «Боже мой, будь свидетелем того, что я половину своей жизни принес в жертву за [своего] господина!» Его величество хан, [видя все это],

плакал и трепетал. А тот подлый человек отделил голову Афлатун калмыка от его благословенного тела и [тем] освободил из сети его бытия птичку его души.

Стихи:

Он сказал: «О государь беспомощного товарища,*
Ставшего пленником, подобно ржавчине на кольце цепи горя!||
23*а* Трепещет [мое] сердце, вкушая удовольствие из источника верности.*
Оно жертвует жизнью у ног высокопрестольного государя».
Он сказал и стал подобен опьяненному соловью от восхищенья красотою [своего подвига].*
Его изрешетили мечами и стрелами, [сделав], как лист розы,
расщепленный на сто частей.
Государь, пораженный этим, плакал и в то же время трепетал
в беспокойстве [за свою судьбу].*
Так нужно [умереть] рабу, так нужно [кончить дни] эмиру!
После чего государь, почитаемый, как небо и страх ангелов,*
Обратил свое лицо к толпе военных и произнес сладкую речь.

Когда Афлатун курчи на пути верности [своему государю] вкусил из [рук] виночерпия — судьбы из чаши меча чистое вино мученичества, его благословенную голову взяли и с торжеством победителей подняли
23*б* кверху. Из-за этой светоносной головы || счастливый государь-мученик, Убайдулла-хан, обратившись к военным, сказал: «О люди, вы знаете меня, что я за человек? Я — роза из розового цветника Надир-хана; я — кипарис из Субханова парка[53]. В течение двухсот двадцати лет отцы ваши служили нашим предкам и ели [их] хлеб-соль, а теперь вот уже восемь лет, как вы питаетесь от стола моих милостей, и никто [вам] не поручал кушать соль и разбивать солонку. Если вы нашли мое правление тягостным [для себя], то предоставьте мне отправиться к почитаемой Ка'бе, удовольствоваться вместо царского венца шапкой бедняка и,
24*а* сойдя с престола счастья, сесть на рогожке бедности. || О люди, подумайте о [моей] соли и удержите свои руки от убийства меня, невинного, потому что кровь безгрешного не заснет на земле! Разве среди [вас] нет такого-то и такого-то, которые признательны за [мою] хлеб-соль?» От этих слов одни из людей, [решивших убить хана], встревожились и опустили свои головы, но группа лиц, помнивших обещание Джаушан калмыка[54], без [всякого] указания обнажила перед его величеством шашки и ранила [этим] его печальное сердце. Подняв шум, они поспешили ополчиться против [убежища] мира. Хан сказал [им]: «О люди, ведь теперь

священный месяц мухаррам, а я — угнетенный Хусейн![55] Кроме того, вы знаете —

Стихи:

В месяце мухарраме я, как Хусейн, измучен,*
Страдая от жажды в [долине] Кербела, печальный и без помощника.
Не проливайте [все] поголовно воды лица моего[56] безжалостным мечом,*
Хотя вокруг [моего] одиночества [вздымаются] волны моих слез
(букв. моего жемчуга). ||
В знатном происхождении — свет, а я — Субханов свет очей,[57]* 24б
В сейидском достоинстве я — розовый куст из цветника пророка.
Я всех вскормил у вкусного стола своего,*
И в воздаяние за [подобный] поступок мой помощник—злосчастье.
Никто не подумал о споре с ним,*
Как оно разобьет куском гранита мое хрупкое стекло».

Короче говоря, когда убийцы вошли в [ханский] гарем и принялись за грабеж, пленный государь увидел, что все они заодно, все тесно сплочены [и ему не будет ни от кого пощады]. Неотвратимо тот дом был территорией, подобной дому судьбы, построенному насилием, или подобной замку небесного рока, который унес в тот дом убежище добродетели [хана-мученика]. Один мучитель-военный, по имени Кучик-Хайван минг, проломав отверстие в стене комнаты, [где находился хан], вошел с четырьмя-пятью человеками и схватил его величество за пояс, хан сказал: || «Как тебе не стыдно хватать [столь дерзко] за пояс своего благо- 25а
детеля и обесчестить себя на весь век! Какая тебе польза убивать меня?!» Но тот злодей-злоумышленник, не обратив никакого внимания на слова государя, вцепился в него и с такой силой нанес кулаком удар [по лицу] его величества хана, что тот проглотил два [выбитых] зуба. «О низкий человек, — восклицает хан, — ты думаешь убить меня и полагаешь, что легко тебе пройдет мое несправедливое кровопролитие! Я надеюсь, что ты не достигнешь своего желания».

Стихи:

Нелегкое дело — они пролили кровь невинного*
И посыпали прах горести на голову жизни несчастного.
Нетрудное [дело] — [поразив] мечом беспомощного,*
Они смешали [его] с землею и кровью государя Кербела [имам Хусейна].
Нетрудное [дело] — у несчастного||с сотней насилий и жестокостей* 25б
Разорвали нить жизни мечом горести!

Тот злодей [Кучик-Хайван минг], схватив его величество за ворот, потащил его наружу, ибо питал к нему старую злобу за то, что его величество во время своего путешествия в Самарканд разрушил его укрепление[58]. Но тот лев из чащи ловкости (т. е. Убайдулла-хан), схватив за талию Кучик-Хайвана, как воробья, ударил его о землю, так что все вскрикнули [от неожиданности]. Хан схватил [было] рукою за кинжал, но тот случайно остался у него под кольчугою. Когда хан искал кинжал, Кучик со всем своим скотством[59], не надеясь освободиться из-под руки хана, закричал своим мулозимам[60]: «Помогите мне!» — как будто он был пленником в когтях льва. И неожиданно злая судьба пришла ему
26*а* на помощь, || [так что] охотник попал в руки дичи или лев стал пленником в лапах лисицы.

Один из его «сирот», подбежав, ухватил благословенные ноги хана, потащил к себе и свалил с ног тот свободный кипарис, ту стройную пальму. Упомянутый Кучик-Хайван, вскочив на ноги, сел на беззлобную грудь того сидящего на почетном месте [государя], плода от древа благородного происхождения. Ты сказал бы [при виде сего], что земля и время восстонали и вскричали [от горести]. Вопль поднялся из среды закрытых стыдом целомудрия [обитательниц гарема]. Хан-мученик же бился под руками и ногами Кучик-Хайвана и проливал потоки кровавых слез горести из облака очей. Свое несчастное положение он выражал такими словами —

Стихи:

«Увы! Я — несчастный, плачущий, [всеми] покинутый,*
26*б* Схваченный врагами || спереди и сзади,
Упал на землю беспомощности;*
Небо же растворило [передо мною] двери насилия, и
Сердце полно боли от крика и плача,*
Тело изранено мечом злодея;
Голова подобна пузырю моря, наполненному кровью,*
А шлем — цвета красного тюльпана;
[И нет никого вокруг]: ни задушевного друга, ни помощника,*
Ни родственника, ни везира, ни личного секретаря!
Верность далека от сердец друзей,*
А жестокость [в виде] злобного меча — в руке гордого [злодея].
Судьба решила убить меня,*
Нарушив верность, союз и клятву.
Мое сердце переполнено болью от [этого] места плача,*
А тело мое изранено и измучено мечом печали.

Дом и семья [мои] преданы на поток и разграбление,*
Мои же друзья в плену, в одиночестве. ||
Увы! Я сложил свой багаж в юности* 27*а*
И не вкусил [ни одного] плода от пальмы жизни!»
Когда государь подобным образом стенал, а интимного друга*
Не было подле него, он зарыдал и заголосил.
С сердцем полным боли, с желтым лицом, бедный*
Упал на землю без [поддержки] друга от горести, [нанесенной ему] злобою.
Судьба никогда подобного не запомнит*
И древнее небо с самого своего возникновения (букв. основания)
не видело [похожего на это]!

Короче говоря, Кучик-Хайван, воспользовавшись случаем захвата обиженного [судьбою] шаха и стяжавшего божью милость государя, вонзил в затылок этого сейида-мученика кинжал злобы, так что залил его алою кровью всю землю. *Подлинно* [*все*] *мы принадлежим Аллаху и к нему возвратимся*[61]. Небо в знак траура [по убитому хану] облеклось в темно-синие одежды, юная невеста, молодая Луна, исцарапала ногтями [свое] лицо, а Меркурий, обмакнув перо в чернила горести, создал элегию, || оплакивающую покойного. Зухра разбила канун ве- 27*б*
селья[62], а роза разорвала [свой] воротничок; тюльпан положил тавро на [свое] сердце, а нарцисс стал без света[63]; Луна накинула на шею черный войлок[64]; соловей же от разлуки с розою лица сел на кучу праха; вселенная пришла в смятенье; глаза [у всех] наполнились кровью, а сердца стали израненными, так что я сказал бы —

Стихи:

«Вдруг при движении небесной колесницы его настигла судьба:*
Птица государства сбежала, подобно краске, с лица сего государя.
Ему отрезали голову, как сняли нагар со свечи, и он получил
вечную жизнь,*
Став в конце концов мучеником, подобным розе, рассеченной на
множество частей.
Его царский венец, погрузившись в кровь, окрасился в цвет тюльпана,*
[А он сам] среди || земли и крови трепетал, как зарезанный. 28*а*
В том обиталище ужасов поднялось смятение:*
Всякий, гордившийся своим положением, бежал куда попало.
Небо в трауре по нем от зари окрасилось кровью.*
Невеста молодого месяца, [царапая от горя] свое лицо, сломала ноготь.
Взошло Солнце превратностей судьбы, покрытое мятежом,*
И народ, подобно атомам, кружился в бурлении и воплях.

Одна группа людей била в барабан радости, [крича]:
«Вот это наше время!»*
А другие пили пригоршнями горести из кровавого потока.
То тело, которое [обычно] покоилось на царственном ложе,*
[Теперь] положили на рогожу, [чтобы] потом накрыть землею.
Когда [мир] увидел обнаженного государя, упавшего на землю,*
28б [То] от блаженного ангела-вестника достиг до ушей || моего сознания такой крик:
«Это не тот государь, который имел счастье и благополучное государство,*
[Который] имел корону, престол, страну, царство и тысячи рабов!
Почему возник этот страх за государство, почему произошли эти бедствия и волнения?*
Что сталось с тою сферою почета, с тем высокопоставленным шахом?
Посмотри на вероломство судьбы, на ее тиранию,*
Что сталось с тем высокославным государем, шахом Убайдулла-ханом!
Посмотри на [обманчивое] счастье этого мира — [государь], сокрушающий [ряды врагов],*
Остался [лежать] на прахе унижения ничтожным, слабым и пытаемым!
О вероломное, коварное небо, нет сего государя!*
Чашу [его] жизни опрокинул постоянно продолжающийся ветер, так что сего государя не стало!
Стала голова его кружащеюся в водовороте крови, подобно водяному пузырю,*
29а Это опрокинутое упавшее тело без головы — || [больше] не государь!»
Когда взгляд целомудренных обитательниц [гарема] упал на эту арену,*
Вопль поднялся к небесам и смятение достигло до [самого] Сатурна.
Одна из них разорвала одежду души, подобно покрову розы,*
Другая упала на землю, подобно [срезанному] гиацинту сада,
Неожиданно изможденное тело его матери, источая кровь,*
Упало среди праха и крови на [труп] того государя эпохи.
В то время от раны ее жизни расцвел кроваво-красный тюльпан;*
Источающим кровь языком дорогая родительница государя сказала:
29б «Этот государь на смертном ложе [больше] не ваш царь;*
Цвет || сада сего благородства не является [теперь] вашею Луною.
Он, трепещущий, как слеза влюбленного, среди земли и крови,*—
[Вот] ваш обладатель престола, царского перстня и высокого положения!
Вытянулся бледный, как сирота, [мой] сын,—*
Ваш свет пророческого Солнца и тень Аллаха!
Когда смешали с землею мед его сладких уст,*
Ему, счастливому государю, в удел досталось смертное ложе[65].
Несчастного государя, как тюльпан, увидели в земле и крови [и]*
Завернули в саван, как розу, его жестоко израненное тело.
Не бывает источника, волнующегося искрами, который закипает от камня,*

У [самого] гранита [от жалости] глаза полны слез, а печень
превратилась в кровь, [ибо]
Никого нет там, кто бы взял || его подножие гроба!»* 30*а*
Когда положили того несчастного [государя] в складку погребальных
носилок,
Вдруг [послышался] голос, подобный пламени, испепеляющему душу,*
Он сказал: «При наличии бедственного смятения, при слабости и нужде,
Кто возьмет подножки погребальных носилок этого несчастного
государя?*
Он был могущественным властителем, этот несчастный государь!»[66]
Едва оказался шах в мавзолее в объятиях отца,*
Плача вместе с духом сына, сказал дух отца[67]:
«О приди, Хусейн злополучной равнины Кербела!*
Приди, государь, мучимый жаждою в беспредельной пустыне.
Непрестанно рокочет большой барабан великого Судного дня,*
Приди же ты, плачущий, бьющий руками о подножье великого
престола!
Доложи [всевышнему] судье о своих мучительных страданиях,*
Приди ты, подобный сердцу влюбленного, всецело плачущему
[по своей возлюбленной]!
Разорви воротник в знак плача по умершему дня Страшного суда||*
И освободи от горя [по тебе] мысль райских гурий! 30*б*
Проявись во всем блеске в Судный день для жаждущих
в пустыне Кербела, [ибо]*
Твой жизненный конец не менее [трогателен], чем повествование
[о событиях] Кербела.
Надень алый [от крови] халат, подобно Хусейну,*
Для того, чтобы на равнине Судного дня стать отмеченным
знаком Кербела!
Обнимись с Хусейном и войди в ряды [предстоящих] на площади
страшного судилища,*
Посыпь главу свою прахом и войди в ряды [предстоящих]
на площади страшного судилища.
С тех пор, как станет известен меч возмездия за [злое] действие,*
Угнетенные тогда получат удовлетворение в отношении [своих]
мучителей!»
О Тали'[68], замолчи теперь, когда воспламенился этот мир,*
Огонь же сих слов поднялся высоким пламенем и охватил весь мир.
О Тали', замолчи, [ибо] сердце неверного сгорело.||*
От огня, [вышедшего] из каменного истукана, воспламенился двор 31*а*
христианского храма.
С тех пор, как сошел под землю этот высокославный государь,*
Закончи же, Тали', [свою] речь, [ибо] каждый, кто умер, уже
кончился совсем.

После того, как убили его величество, получило широкую огласку [известие], что Султан туксаба кенегес выпил некоторое количество крови хана, [говоря]: «Ты был убийцею моих братьев». Но этот отвратительный поступок он в скором времени испытал на себе. В час намаз-и дигара (между полуднем и закатом солнца) все судьи и сейиды подняли тело убитого хана [и положили на погребальные носилки], все население прекрасной Бухары совершило молитву [за него] и [затем] положили его поблизости благодатного мазара [Бахауддина] Накшбенда, — да будет священна память его! — в непосредственной близости [со своим] отцом. Спустя после этого некоторое время вся
31*б* власть перешла в руки || Джаушан калмыка. Он занял должность кушбеги, а приближенного его величества государя, Абдулла-бия хаджи кушбеги, отправили в Чарджуй[69], но Мухаммед Ма'сум-бий хаджи аталык условился с ним, что он опять вернется на государеву службу [в Бухару]. Когда после этого прошло несколько дней, Худаяр-бий диванбеги стал думать о получении звания аталыка. Джаушан калмык вместе с Мухаммед Ма'сум-бий аталыком потребовали Ибрагима, сына Рустем-бия кенегеса, приходившегося зятем упомянутому аталыку и бывшего правителем Шахрисябза, и утвердили его в должности диванбеги [вместо Худаяр-бия диванбеги]. Ходжа Кули мирахура, сына
32*а* Хашхаль диванбеги катагана, сделали парваначи, || а Худаяр-бия утвердили правителем Шахрисябза, но он оскорбился этим назначением и, поехав туда, поднял мятеж вместе со своим сыном Хакимом курчибаши, вступив в войну с племенем кенегес[70].

Джаушан калмык [тем временем] принялся за махрамов[71]. Каждого из высочайших слуг он поручил одному узбеку, и [все] они подверглись пыткам. Власть Джаушана упрочилась. Ходжа Даулата, который был полюсом [своего] времени и вступил на путь суфизма, Джаушан отдал под надзор Ибрагим-бия, а Ходжа Нихаля, благочестивого человека, мурида шейха Хабибуллы, — под надзор Ходжа Кули парваначи, все же, что было в доме этого именитого ходжи, было разграблено[72]. Обоим этим ходжам было приказано отправиться в преславную Мекку [на богомолье, но вместе с тем] Джаушан тайно послал [следом
32*б* за ними] одного человека, дав ему поручение || убить этих двух чистой веры ходжей, [что и было сделано] в Каракуле. Их трупы [были привезены в г. Бухару] и похоронены на кладбище Абу-Хафса, — да помилует его Аллах! — поблизости Биби Зудмурад. Воспоминанием о ходжах Нихале и Даулате служат известные [бухарские] медресе и мечеть[73]. В прекрасном [г. Бухаре] большинство махрамов, вроде Баки мирахур-

ра, Му'мин-бека, хранителя печати (мухрдор) и других, были арестованы. Великим мехтером стал Убайдулла, сын Мехтер Пулада. Мехтер Кабули, будучи мехтером, обиженный на Джаушана, [что тот не посодействовал сделаться ему великим мехтером], затаил против него в сердце злобу. По прошествии после этого четырех месяцев число врагов Джаушана сильно увеличилось. И благородная личность его величества [Абулфейз-хана] тоже опечалилась его дурными действиями и изволила отдать приказание о расправе с ним. ||

Двустишие: 33*а*

Если ты выйдешь из повиновения своему благодетелю*,
То, если ты даже будешь небесным сводом, [все же] полетишь вниз головою.

Джаушан калмыка вместе с его братом Мухаммед Малах курчи вытащили из дома [Ма'сум-бий] аталыка и убили, похоронив [их трупы] в каландар хана Имам. Каждый прохожий считал своим долгом бросить камнем в эту могилу со словами: «Такого справедливого государя через тебя убили!»[74] Абдулла-бия хаджи вторично сделали верховным кушбеги (кушбеги-ий кулль), каковым он остается и поныне. И поскольку он является несравненным благодетелем, то да будет он постоянно здравствующим! Высоковлиятельный мехтер Ибадулла сделался великим мехтером, [в какой должности] он остается и поныне. Упомянутый мехтер — прекрасный сын арбаба Сайфуллы Самаркандского[75]. Действительно, мехтера с такими [превосходными] природными качествами редко можно встретить; в его время [поэтому] народ предпочитал его в отношении опытности в делах мехтеру Шаф'и, который имел высокие заслуги [в этом отношении]. Что касается Ма'сум-бия, то он, достигнув степени почета [в своей должности аталыка], жил так в свое удовольствие, || что и объяснить нельзя. Так как он был куриль- 33*б*
щиком опия, то в целях [большого] помрачения [рассудка] пил также и вино, доставляя [себе] наслаждение. Фархад-бию парваначи утарчи предоставили управление Самаркандом, а он, проявив [по отношению к населению насилие и вражду], зажег огнем [тирании] дома подданных, так что вести о его несправедливости достигли [до центральной власти], но это нисколько не помогло [прекращению его своеволия], и в Мавераннахре возникла анархия. Худаяр-бий тоже продолжал воевать с кенегесами [в Шахрисябзе].

В 1124/1712 г., спустя два года [после вышеописанного события], имевшие между собой нелады Ма'сум-бий и Худаяр-бий [теперь] примирились и успокоились. Когда настал 1125/1713 г., все военные собрались в Бухаре и сошлись на том, что тирания Фархад-бия превзошла всякую меру, почему уволили его и предоставили правление Самарканд-
34а дом || Мухаммед Рахим-бию дурману. Так как [эта область] была домом хитай-кипчаков, то он не мог осуществить [нормальное] управление ею и потому, призвав из Шахрисябза своего родственника Султан туксабу, ввел его в Самарканд. [Его] кенегесы стали чинить разные жестокости и насилия над семьями мирных жителей. Хотя несколько раз [об этом] докладывали [центральному правительству], однако эти доклады не достигли до места [назначения]. Поневоле население подняло общенародное восстание и изгнало из Самарканда Султан туксабу. Мухаммед Рахим-бий же испугался [бунта], но ходжи и судьи города, явившись к нему, заверили его, [что его не тронут]. Фархад-бий [тем временем] начал мятежные выступления в своем кургане. Все эмиры объединились и в 1126/1714 г., заставив выступить [из г. Бухары] его величество, стременем которого служит Луна, божественную тень [Абулфейз-хана], явились к нему на помощь. Когда Кермине стал
34б счастливым военным лагерем, || то все семь племен (етти уруг)[76] и все население Миankаля выразили намерение явиться с выражением покорности его величеству. Мухаммед Рахим-бий, выступив из Самарканда, отправился с целью захватить курган Хакк Назар хитая; когда достиг его, то Хакк Назар, выйдя [из своего укрепления], вступил с ним в бой и нанес [Мухаммед Рахиму] поражение, так что тот лишь с конем и нагайкой по Шахрисябзской дороге направился [вместо Самарканда] в Бухару. Его величество [Абулфейз-]хан достиг до укрепления Фархад-бия и осаждал его в течение одиннадцати дней[77]. Народ Фархада бежал в горы, [так что] общее овладение [укреплением] было уже совсем близко, как Бай Мухаммед-бий дадха сбил с пути Ма'сум-бий [аталыка, уверив его], что Фархад-бий является доброжелателем государя, [а что] в общество людей внесли смятение, то хорошего в этом ничего нет. А так как сын Фархада приходился зятем Бай Мухаммеду, то последний и пустил такого рода интригу, чтобы поместить сына Фархада
35а на службу государя [Абулфейз-хана]. || Но он не достиг своей цели, ибо Абулфейз, не сумев взять кургана [Фархад-бия], вернулся и соизволил остановиться в крепости Камбар-бия. Мухаммед Ма'сум-бий от горя перестал употреблять опий, заболел и вернулся в Бухару. Поистине он лишь повредил себе самому. После того Фархад-бий вступил в Самар-

канд. Так как во время осады [укрепления Фархад-бия к нему] пришел [на помощь] Худаяр-бий, то [теперь] он отправился в Шахрисябз со стороны Фархад-бия [в качестве его ставленника].

По возвращении счастливого государя [Абулфейз-хана] в Бухару он в течение двух месяцев пребывал в высоком арке, занимаясь разными приемами. Ма'сум-бий совсем разболелся. [Тогда] все военные и Ходжа Кули-бий составили заговор [об его устранении]. Спустя пятнадцать дней они явились на прием [к хану] и заявили: «Наш аталык — Худаяр-бий, а Ма'сум-бий аталыка и его зятя, Ибрагим-бия, мы не желаем иметь».

В тот день в городе произошло [большое] смятение. Ибрагим || направился в свой дом, бывший на базаре Ходжа[78], и до ночи сражался [с осаждавшими его усадьбу противниками], а ночью сбежал в Шахрисябз. После весь народ пришел к Ма'сум-бий [аталыку], но никто не имел смелости говорить с ним, наконец, Абдуррахман, [по прозванию] Котак баш дурман, бывший главным зачинщиком бунта, начал свою речь к аталыку, а Ма'сум-бий лежал [больной] в постели. Подняв голову, он произнес: «Котак баш мой!» и сказал [ему] жестокие слова. Когда же назначили Ма'сум-бий аталыку [в управление] Карши, он согласился, потому что дальше [от Бухары] быть лучше. Выехав туда и достигнув этого города, он около намоз-и дигара отдал свою душу дарующему жизнь, уйдя [в тот мир] с бесславным именем. Да дарует ему господь прощение! Спустя шесть месяцев его похоронили поблизости благодатного мазара [Бахауддина] Накшбенда,—да будет священна его память! Дочь Ма'сум-бий аталыка, || забрав имущество и вещи своего отца и надев кольчугу, [отправилась] в Шахрисябз к своему мужу Ибрагиму. Все придворные, пришедшие к единогласному решению, передали Карши Бай Мухаммед-бию. В конечном итоге последовало распоряжение быть аталыком Худаяр-бию. Через четыре месяца он прибыл в город [Бухару][79]. Когда настал 1127/1715 г., Худаяр-бий вызвал Ни'матулла-бий наймана, приходившегося ему дядей по матери, который в течение долгого времени был в Термезе. Тот скоро прибыл с большою помпою и стал добиваться должности диванбеги через Ходжа Кули-бия, у которого для этого были всякие ходы. [Скоро] все дворцовые служащие (махрамы) пожелали [видеть в этой должности] Ни'матулла-бия и тот стал диванбеги. Ходжа Ферхенг сарай, великий ходжа[80], будучи расположен к Ни'матулла-бию, вел с ним дружбу и способствовал его браку с дочерью Абдулла-бия кушбеги. Но || весною

35*б*

36*а*

36*б*

того же года Ни'матулла-бий диванбеги и эмиры порешили на том, чтобы взять его величество, стремени которого сопутствует Луна, в Карши в поход против Ибрагим-бия. Они хотели [через Карши] отправиться в Шахрисябз, а так как Ходжа Кули-бий был парваначи, то его и Ни'матулла-бия [диванбеги] оставили в высочайшей свите; Худаяр-бий же и Фархад-бий с группой войска отправились в Шахрисябз. Султан туксаба и Касим-бий, приспособляясь к обстоятельствам, действовали совместно и [теперь] бежали из Карши в Шахрисябз. Направившиеся против Ибрагима войска сражались с ним около 15—20 дней [и, наконец], Ибрагиму был предложен мир на условии, что ему предоставят управление Самаркандом, но он на это не согласился, ибо это место [хитай-]кипчаков[81]. Несколько дней посылали к нему своих приближенных, а потом оставили без внимания. Когда же возвращавшиеся
37*а* [из Шахрисябза] войска || пошли в Карши, то [эмиры] признали за благо отдать Карши Фархад-бию[82]. Так как Фархад-бий был другом Худаяр-бия, то Карши взяли у Бай Мухаммед-бия, несмотря на то что близкие к нему лица говорили: «Укрепив Карши, не отдавай [города]!» Он же по чувству признательности [эмирам] не сделал этого. Правление его было девять месяцев. Однако, когда Карши стало за Фархад-бием, Ходжа Кули-бий [парваначи] не согласился на это, но так как все собрание [эмиров] было единодушно в этом отношении и поводья [власти] были в их руках, да и все дворцовые служащие тоже стояли за это, то Карши отдали Фархад-бию. Его величество через три месяца изволил вернуться в свою столицу. Через несколько дней должность п а р в а н а ч и[83] была взята от Ходжа Кули-бия и передана Бек оглы багрину. Бек оглы вначале был другом Ходжи Кули, а когда ему пообещали должность парваначи, то нить дружбы к нему Ходжа Кули-бия оборвалась
37*б* и присоединилась к Ни'матулла-[бию]. На другой день [после сего] || решили [совсем] изгнать Ходжа Кули-бия, потому что он был человеком, «полным воды и огня»[84], но [большим] каверзником, и [однажды], едучи верхом, находу приказал: «Поколотите Ни'матулла-[бия] или Абдуллу кушбеги!»

В 1123/1711 — 1712 г. после мученичества Убайдулла-хана Адиль аталык, бывший правителем Балха, умер. Так как в Балхе возникли волнения, то с общего согласия послали человека в Герат, который привез в Балх одного из принцев Велиханова потомства[85] по имени Ибадулла; его сделали принцем-[правителем]. Был он человеком справедливым, никогда не притеснявшим [народ]; население в его дни пре-

бывало в спокойствии. Он властвовал полтора года и умер от перемежающейся лихорадки. Его сына, пятнадцатилетнего Санджар-хана, сделали государем. [Несмотря на свою молодость], он был удивительно высокомерным человеком. Он || царствовал три года. Между ним и Мухаммед Са'ид-ходжа накибом[86], происходившим из потомства Махдум-и А'зама[87], произошла вражда, так как накиб был человеком чрезвычайно запальчивым. Оказавшись в подозрении, ходжа [счел за благоразумное] удалиться в свою крепостцу Мингли, [а потом] прибыл за помощью в Бухару, [так как] Санджар-[хан] непрестанно преследовал его. В то время, когда изгнали Ибрагим-бия, Ходжа Кули-бия, Худаяр-бия и Ни'матулла-бия, [Мухаммед Са'ид-]ходжа на некоторое время остался в Бухаре. Тем временем Санджар взял его укрепление и вернулся [в Балх]. После сего [Санджар-хан] отправился на охоту в Дере-йи Гез; у него был возлюбленный по имени Мирза Халиль. Между ним и Ходжой Мушаррафом был Мирза Гуль, сын Мирзы Омара; среди этих лиц произошел обмен условными любовными знаками. Санджар-хан приревновал Мирза Халиля к Мушаррафу, || [произошла ссора, во время которой] Мушарраф ударил кинжалом в грудь Санджар-хана и убил его. Это было в 1126/1714 г., Мушарраф тоже был убит. На этот раз балхцы привезли из Герата Мухаммед-хана и сделали [его у себя] падишахом. Услыхав об этом, Мухаммед Са'ид ходжа отправился [из Бухары] в Балх. Так как ходжа был человеком гордым, то Мухаммед-хан убил его; так погиб этот величественный ходжа. 38*а* 38*б*

После двухлетнего правления Мухаммед-хана в 1131/1718—1719 г. [его] Кутлук аталык кипчак предал смерти Барата диванбеги. [Мухаммед-хан], помимо всего, весьма угнетал народ и был жаден в накоплении богатства. Когда он вступил во враждебные отношения с Мумин ходжою парсай[88], произошло общее восстание балхского народа [против Мухаммед-хана] и тот вместе со своим аталыком, [покинув Балх], поспешно направился в Шибирган. Его прозвали Кафир-хан (неверный хан). [После него] сделали государем Араб-хана, сына Муса-хана, || но он и племя минг, а также Аллаяр диванэ обосновались (букв. укрепились) в Шибиргане. 39*а*

[Тем временем] в Бухаре управление Шахрисябзом вручили бывшему там сыну Худаяр-бия Хаким мирахуру. Настал 1128/1715—1716 г. Ходжа Кули-бий приказал группе лиц побить Ни'матулла-бия; [но] один из участников [этого] попался; был месяц рамазан, и Ходжа Кули-бия выпроводили [из Бухары]. А еще прежде этого случая внук аталыка

жестоко оскорбил одну женщину; народ Туркестана[89] и студенты медресе направились к воротам арка и потребовали правосудия. В конце концов [верховный] судья и а'л а м[90] залили водою мира их огонь [гнева]. Когда же изгнали Ходжа Кули-бия, в городе возникло смятение. В ночь на 7-е рамазана [Ходжа Кули-бий], со своими родственниками выехав [из столицы], отправился в Шахрисябз. [По дороге] подле мазара Ходжа Кули упал в арык, [выбравшись оттуда, он нашел] убежище в одном из садов. [Из сопровождавших его лиц] Нияз хаджи и сын
39б Ходжа Кули-бий бека || Мурад туксаба, которые были подле Бурх кал'а, направились в Шахрисябз. Садовник же спрятал у себя Ходжу Кули и [потом] свез его в город в дом Надира туксабы. Худаяр-бий, будучи другом [Ходжа Кули-бия], через три дня дал ему лошадь с конской сбруей и отправил его в Шахрисябз. Действительно он проявил удивительную дружбу. Однако огромное имущество Ходжа Кули-бия было предано грабежу. С большими трудностями он пробрался в Шахрисябз к Ибрагим-[бию]. Подобного ему по щедрости человека не бывало. Через четыре месяца после сего, благодаря поискам Ходжа Кули-бия, Ибрагим в одну из ночей подошел к Бухаре с двумя тысячами человек, проник в город, овладел воротами арка и, совершив разбойное нападение на дома Абдулла-бия [кушбеги] и Ни'матулла-бия [диванбеги], подверг их разграблению. Худаяр-бий [аталык] кушбеги и Ни'матулла-бий бежали в медресе Мир-Араб. В ту же ночь Ни'матулла-бий, выехав из
40а города, отправился в Андхуд к Мухаммед Али-бий туркмену, || а оттуда направился в Балх к Санджар-хану, потом он переехал в среду своего племени, в Термез. [Там] перед ним открыли ворота цитадели такие лица, как Мумин-бек, хранитель печати (м у х р д о р), и Абдуррахман-бий, и впустили [его в город][91]. Из Бухары же, поскольку не удалось попасть в высокий арк и в свиту хана, Худаяр-бий и кушбеги отправились в преславную Мекку, с ними вместе выехала группа лиц [их сторонников][92]. По прибытии в Мерв упомянутые эмиры [вместо Мекки] направились в Балх, в то время когда Санджар-хан осаждал крепость Мухаммед Са'ид-ходжи. Спустя несколько дней, Мухаммед Са'ид-ходжа, отмеченный знаками царственного внимания, прибыв в Бухару за помощью, увидел, что народ дошел [там] до крайности [и рассчитывать на помощь бухарцев нечего]. Короче говоря, Худаяр-бий и Абдулла кушбеги несколько дней оставались в Балхе, а потом уехали в Термез к Ни'матулла-бию, оттуда—в Карши к Фархад-бию, так как племя кенегес отняло Шахрисябз у Хаким-бия, [сына Худаяр-бия],

и ехать им туда было не к чему. || Так как Фархад-бий был приятелем Худаяр-бия, то последний вошел с ним в полное согласие, но [вскоре] после этого Худаяр-бий умер. 40*б*

Тем временем племя кунграт, которое стремилось уничтожить Ни'матулла-бия, увидело [для этого] благоприятный случай. Найдя Ни'матуллу слабым и беспомощным, [так как бухарцы его больше не поддерживали], кунграты, ударив на Термез, взяли его. Ни'матулла-бий бежал в Балх, его народ, найманы, рассеялся в разные стороны. Спустя некоторое время, он прибыл в Карши к тамошнему правителю. Когда настал 1129/1716—1717 г.[93], Надир-бий минга сделали правителем Самарканда. Фархад-бий, выступив с приведенным в [боевой] порядок войском, захватил Самарканд и, упрочившись там, сделал от себя правителем Карши Баки-бия кипчака. Султан туксаба сказал своему брату: «Хаким мирахур — из наших; я поеду и привезу [его], а то вся их группа, чего доброго, распадется». Отправившись самолично в Чирагчи, [Султан туксаба] заключил [с Хаким мирахуром] договор и привез его в Бухару, где он был устроен на должность парваначи, а сам Султан-бий стал кушбеги. || Мухаммед Ях'я ходжа, сын Хашим ходжа-йи Джуйбари, в пятнадцатилетнем возрасте, вследствие вражды его к ходжам, сделался шейх ул-исламом[94], [ибо] он был близким знакомым Султан-бия. Нияз хаджи стал правителем Кермине. Мирза-бек туркмен через реку [Зарафшан] снесся с населением [укрепления] Касби и, устроив неожиданное ночное нападение, овладел Касби. В течение года он воевал с [кара-]хитаями. Фархад-бий, придя с отрядом войска, осадил Мирза-бека, чем и ограничился, потому что в помощь Мирза-беку туркмену был [послан] туркмен[95] Ибрагим-бий. [И Фархад-бий], подняв саркубы[96] вокруг крепости, все же не мог ее взять и вернулся обратно. 41*а*

В 1130/1717—1718 г.[97] вторично Фархад-бий и Ни'матулла-бий со всеми семью родами [Миankаля], подойдя к Кермине, осаждали его в течение пятнадцати дней, но, не сумев взять, вернулись обратно: Фархад-бий — в Самарканд, а кушбеги (?) и Ни'матулла-бий — в Карши, [где] правителем был [вышеупомянутый] Баки-бий [кипчак], они [явились к нему в качестве] проезжих путников. В этом же году Ибрагим-[бий] и Ходжа Кули-бий прибыли в Миankаль (в тексте ошибочно — в Кермине) на свидание с Фархадом. || Услыхав, что их прежнего сообщника, Султана кушбеги, оставили в городе [Бухаре], Ни'матулла-бий и Абдулла кушбеги задумали ночью подойти к столице и овладеть ею. 41*б*

А те [другие] тоже выступят с отрядом войска из Карши и, двигаясь ночами, подойдут к Каракульским воротам Бухары, [так что столица, а вместе с нею и вся полнота власти будет захвачена объединенными силами мятежных эмиров].

Но так как население города узнало [обо всех этих махинациях], то [эмиры], не достигнув своей цели, повернули обратно. Бухарцы же сразу выступили из города для преследования их; но, не вступая в бой, [тоже] вернулись обратно, а те направились в Карши. У Ни'маттулабия был один раб по имени Фархад, отличавшийся храбростью и отправлявшийся в разные стороны для грабежа в целях пропитания своего господина. Ибрагим-бий и Ходжа Кули, свидевшись в Миankале с Фархад-бием и заключив с ним «волчий мир»[98], вернулись к себе. Их беспокоил Хаким-бий; они чувствовали, что его сердце по отношению к ним далеко не искренне, а всегда на той стороне и [все] намерения его ||
42а там. Султан-бий [кушбеги] имел к ним нелицеприятную дружбу. В тот год в городе [Бухаре] случалась моровая язва, от которой умер Бек Мурад, сын Ходжи Кули, который был Азером огня времени[99].

Короче говоря, во дни государя, отмеченного знаками достоинства Джемшида, [Абулфейз-хана], со всех сторон [в государстве] возникли смятения и бунты, узбеки были во вражде друг с другом, широкие массы земледельческого населения (фукаро) — в [полном] расстройстве. Господь всевышний да сотворит [им] благо! Аминь!

Но время узбеков приближалось к концу, ибо по законам звезд историческая эпоха не продолжается больше двухсот пятидесяти лет, так как на один [определенный] период времени падает соединение планет, которые переходят из [одного] треугольника в [другой]. Так как приблизительно каждые двадцать лет бывает соединение Юпитера и Сатурна, которое называют 'улвиин, то при появлении счастья Шейбани-хана в огненном треугольнике, в зодиаке Стрельца, в 908/1501—1502 г. произошло двухстепенное соединение планет, что означало конец
42б эпохи Чагатая и наступление эпохи узбеков. Теперь, || в 1135/1722 — 1723 г., произошло последнее соединение. В 1155 г. из огненного треугольника второй раз произойдет соединение [планет] в земляном треугольнике, в зодиаке Девы, до завершения этого круга осталось двадцать лет. Если соединение [планет] в зодиаке Девы будет гармонично, то оно настоящего положения не устранит, если же произойдет соединение контрастных планет, то оно вызовет устранение [господства]

сего племени и передачу царства другим. Аллах [впрочем] наиболее знающий!

В год Собаки, [когда Солнце находится в знаке] зодиака Весы, в досточтимом месяце берат [15-го ша'бана] также происходит соединение планет.

О НАБЕГЕ УЗБЕКОВ

В течение трех месяцев эмиры пребывали у благодатного мазара [Ходжа Бахауддина], пока не прошел [праздник] красных цветов[100]. После того Исмаил мирахур, явившись к [названному] мазару с двумя тысячами людей, присоединился к своему отцу[101]. Разбойники совершили множество злодеяний [над народом]. Ибрагим-бий хотел получить высочайшую аудиенцию [у Абулфейз-хана], но это было отвергнуто, [следствием чего] явился мятеж [Ибрагим-бия]. Был вызван Ходжим Яр мирахур и стал д а д х о ю. || [Опять возникла распря, так что] вскоре кое- 94*а*
что послужило темою [нижеследующего] рассказа.

Украситель истории дал нам такой ответ в словах.

Стихи:

Оживитель сердец, Фердоуси Тусский,*
Во вселенной зажег сердца словом.
Из древних известий одно, [как] великую реку,*
Он навеки открыл ради моря [содержащихся] в ней идей (образов).
Тридцать лет он ни на миг не заснул спокойно,*
Пока не произнес в похвалу [Султана] Махмуда «Шах-наме».
Теперь я сообщу некую красивую историю,*
Придам [тому же] Махмуду любовь и Аяза.
Историю об этом могущественном государе*
Я расскажу [такую], что содрогнется сердце твердой горы.
Рождение завоевателя мира, Темучина, [происходящего] от непорочной Аланкувы,*
Рождение дщери пророка, невинной девы [Фатимы],
Не было столь ярко и благородно, чем это.*
С того времени, как пришла очередь настоящему моменту,
Государь, подобный Абулфейзу, не появлялся. || *

Противоречивые рассказчики и остроумные, исполненные величия, 94*б*
повествователи так говорят. Это было в 1131/1719 г., в пятницу 4-го числа почитаемого месяца раджаба. В прекрасной Бухаре существовал обычай славных царей: в пятничный день [месяца] раджаба что-

бы знать и простонародье, царь и раб совершали пятничную молитву в соборной мечети столицы при наиболее полном стечении народа. Этот день народ почитает праздничным и все поздравляют друг друга с праздником; великолепный же государь времени с великими эмирами, с высокопоставленными везирами и почтенными учеными со
95*а* всею пышностью приезжает в соборную мечеть, являющуюся сосредоточием молящихся, и совершает молитву. Этот обычай || возник в первые годы царствования паломника к обоим священным городам Аравии, его величества Абдулазиз-хана[102]. Причиною было следующее. Когда пришла очередь править [ханством] в 1055/1645 г. его величеству Абдулазиз-хану и Сейид Надир Мухаммед-хан поспешил в Балх, что можно видеть из нижеследующей хронограммы «убежища талантливости» Хаджи Бехрама: «Поднялся хан с престола и на его место воссел шах»[103], — действительно, прекрасно сказанная хронограмма и жем-
95*б* чуг [ее] пояснения отлично проверен кончиком вращающегося пера! — то после того, как в бозе почивший Надир Мухаммед-хан передал Балх чагатаям и чагатаи впоследствии || ушли в Индостан с Ауренгзебом падишахом[104], его величество, блаженной памяти Сухбан Кули-хан, после убийства своего брата Кутлук-султана, выйдя из Кундуза, овладел Балхом. Его величество Надир Мухаммед-хан выразил желание отправиться в хаджж. В 1061/1651 г. он явился на зов голоса потустороннего мира, [говоря]: «Вот я перед тобою». Дату восшествия на престол в Балхе его величества, Сухбан Кули-хана, один из ученых нашел в выражении «з и л л - и с у б х а н и» («божественная тень»)[105], прекрасно закрутив локон слов. В Бастаме[106] до уха души его величества, Надир Мухаммед-хана, достиг голос, [взывающий]: «*Вернись к своему господу удовлетворенною и угодною!*»[107] и она,

[С т и х и]:

Местом твоего обитания служит божественный престол, [и потому] не стыдно ли тебе,*
Что ты живешь, как птица, в сфере земли?

взлетела на крыльях [к уготованному ей месту у божественного трона] ||
96*а* и украсилась ветвью райского обиталища. Государь кызылбашей, шах Аббас II, прибыл в Бастам с тем, чтобы отвезти благородное тело и нежные составные части [умершего хана] к месту погребения[108]. Бла-

женной памяти хан, Абдулазиз-хан из Бухары, а великодушный государь Субхан Кули-хан — из Балха отправили послов [в Бастам для участия в церемонии перенесения тела Надир Мухаммед-хана]. М...р К...рии, как называли одного мужа, перевез чистое тело пребывающего на небе государя к месту погребения таким же образом, как объяснение сего события было дано выше. Следствием сего было то, что в Бухаре в пятницу месяца раджаба было установлено прочитывать Коран от начала до конца во спасение души покойного отца [Абдулазиз-хана и Субхан Кули] и раздавать народу кушанья (а б-у а ш) в успокоение духа его отмеченной справедливостью телесной оболочки. Все великие и благородные люди собирались [в этот день]; пока был жив его величество [Абдулазиз-хан], это распоряжение || продолжало осу- 96*б*
ществляться. Точно также и при [преемниках Абдулазиза], при его величестве Субхан Кули-хане и при его величестве Убайдулла-хане ежегодно в пятницу раджаба совершались [торжественные выезды] на общественную молитву и прочитывался от начала до конца Коран. Когда пришло время царствовать пышному, как Джемшид, государю небовидного чертога, [Абулфейз-хану], этот обычай также сохранился и при нем. Теперь [только] он превратился в народный праздник, в который люди поздравляют друг друга и делают визиты[109]. Есть надежда, что этот обычай и установление просуществуют в Бухаре до самого дня всеобщего воскресения. Истинно так, о владыка миров!

Сущность всего сводится к следующему. В вышеупомянутый [1131/1719 г.] в пятницу [4-го раджаба], в ночь на субботу, случилось некое любопытное происшествие в этом центре || земного шара, [в г. Бу- 97*а*
харе], от которого помутились очи разума и глаза остолбенели от удивления. Хвала Аллаху, с того времени, как опору царского трона вечный строитель вылил [и снабдил] блеском почета и возвысил до апогея небес зубцы а й в а н а — обладателя Сатурна власти (т. е. царствующего монарха), ничего подобного этому происшествию и [этому] странному событию не произошло. Сам Рустем, сокрушитель семи столов Мазандерана и семи рядов государей, в таком сражении не участвовал, а Афрасиаб, вождь воинских сил Турана, такого случая не видел[110]. Объяснение этому событию было такое.

Его величество государь, великолепием подобный Джемшиду, воссел на престол почета, подобно Солнцу и Луне, и стал «убежищем опоры» всего народа и эмиров; Ибрагим аталык, сын Рустем аталык || кенегеса, Ходжа Кули-бий диванбеги, сын Хашхаль-бия диван- 97*б*

беги катагана и прочие эмиры удостоились прочитать фатиху — первую суру Корана, заключающую семь стихов и считающуюся сущностью всей упомянутой священной книги. По обычаю Чингизханову они получили [ответную] фатиху, [напутствующую их в поход] на роды племени кипчак. Фархад-бий утарчи, зажегший в подобном раю Самарканде пламя несправедливости и сжегший гумно достояния мусульман, в течение двух месяцев, как страдавший ревматическими судорогами, оставался на светоносном мазаре великого ходжи, образца святых, [шейха Сайфуддина Бахарзи][111], ничем себя не проявив.

Стихи:

Таков был корень объяснения [сего сказания, взятого]*
Из прежних свитков и старинных слов.
[Был] один народ мятежный и мстительный,*
Которого предки назвали кенегес ||
98*а* Большинство племени катаган было его друзьями*
И соучастниками в его мятежах.
Два начальника [были] у того несправедливого [народа],*
Один — мятежник, другой — смутьян,
Один — с глазами, лишенными света и незадачливый,*
Ладонь которого бесплодна, как древесный лист,
Другой в мошенничестве промышляет разбоем;*
Подобно лисице украдкой грабит на дороге, [где проходят] мужественные люди.
Они сказались при сборе войск друзьями и помощниками*
И были отпущены победоносным государем.
Они проявили рассеянность в борьбе с кипчаками,*
Авось мир всецело им останется.
От этих нерадивых людей того несправедливого народа*
И мир проявляет другого рода образ действий.
Они отошли от города на одну станцию*
И два месяца шаг за шагом шли путем коварства и хитростей.

98*б* Все время, всякое мгновение || они убеждали его величество государя, чтобы он под государственным счастливым знаменем и победоносным мечом не отправлял войска в поход против врагов. «У нас нет силы и возможности,— говорили они,— воевать с кипчаками». Однако у этого народа другое вероломство было на сердце и коварные намерения вцепились в воротник [их] надежд; демон гордости положил яйцо злокозненности в их гнезде, так что глубоко запало в их сердце намерение причинить вред тому высокому кипарису [Абулфейз-хану], чтобы пилою возмездия срезать под корень его [царственные] обязанности.

Султан кушбеги, сын Рустема, был вхож в их среду и употреблял все усилия убедить государя в том, что, если он в благополучии воссядет на коня [с намерением выступить в поход против кипчаков], то невозможно ему будет осуществить это. || Но его величество и все до тонко- 99*а*
сти знающие везири, проникнув в их тонкие замыслы, сослались на положение звезд, ибо, по словам влиятельных астрологов, нынешний год далек от положений, внушающих опасения, и украшен добрыми вестями и все в нем предвещает благополучие для высочайшего выступления в поход. И у астрологов муллы Я'куба и муллы Абдуллатифа в этом смысле были речи.

В это время со стороны Шахрисябза, подобно несчастью, насылаемому небесами, явился Исмаил мирахур, сын Ибрагим аталыка с отрядом кенегесов, мангытов и джуютов в числе, приблизительно, двух тысяч человек. Ибрагим [аталык], узнав об этом, под влиянием прихода всех их высоко поднял голову коварства и ногами мошенничества пошел по пути неповиновения. А тот наглый || сброд 99*б*
племен стал производить [разные] насилия и притеснения, посягая на имущество и достояние народа и на его семьи. И когда население стало жаловаться тому лишенному света зрения [Ибрагим аталыку], говоря, что их семьи терпят невероятные насилия [от шахрисябзцев], тот бесчестный человек не слушал их и нападал на народ, [говоря], что так как они все равно были голышами, то что же им делать? И такого рода обиды и притеснения [Ибрагим аталык] наносил и без того исстрадавшемуся народу. Хану же он посылал сказать, чтобы тот выступил против врагов, в противном случае он сам сделает это. В вышеуказанную пятницу [4-го раджаба] Султан кушбеги выехал из ворот города, [но] Авез Мухаммед, человек диван Ибрагима, подъехав к нему, что-то сказал ему на ухо и тот || вернулся с дороги. На пути испол- 100*а*
нители судьбы и предопределения скрутили поводья его воли и сбросили [их] в сеть его смерти.

Стихи:

Пришла большая шайка из города Кеша,*
Выпустила жало жестокости и насилия.
Она извлекла из сердец народных áхи и [óхи]*
И мир сразу [людям] показался другим.
Короче говоря, настало время скитания;*
Чтобы тебе, сердце, стать могучим, когда враг вышел на арену боя!
И приказал могущественный, как Джемшид, государь*

Выступить войску со стороны Бухары.
Я не знаю, в какой мере тот народ нерешителен*
И почему появились [столь] незрелые мысли!

Короче говоря, когда Султан кушбеги, вернувшись, отправился
100*б* в высокий арк, около трехсот человек || вместе с двумя сыновьями Исмаил мирахура и Мухаммед Назар мирахуром по приказанию Ибрагим [аталыка] отправились во внутренность высокого арка. Время приближалось к вечернему намазу[112], когда это сборище достигло небоподобного [ханского] чертога, одна часть его уселась на суфе против помещения для стремянных[113]. Однако его величество государь и рискующие своею жизнью его рабы узнали о вероломном коварстве их, как это я слышал от великого мехтера Ибадуллы, бывшего Хатамом по щедрости, Мух'ием по одарению. Он говорил: «За три дня до сего события меня потребовал его величество хан и в своей личной комнате принял меня наедине, попросив сообщить ему сведения о каждом из эмиров. Я, сообразуясь со словами и мыслями государственного значе-
101*а* ния, осветил действительное положение вещей. || Его величество, этот Рустем поля битвы и вершина горы Кафа почета, изволил сказать следующее: «Мы желаем очистить мир от бытия этих нечистых людей». Я почтительно склонился, целуя землю, и произнес: «Твоя власть и твое последнее приказание в отношении всего того, что ты хочешь!» Последовало высочайшее повеление, чтобы паломник к обоим священным городам Аравии, Хаджи Ашур тупчибаши[114] крепко запер ворота августейшего арка и на время, с вечера до утра, глашатай прислал бы мне ключи от всех замков внешних дверей арка. Каждую ночь упомянутый Хаджи исполнял это. Когда сын названного аталыка прибыл и расположился [со своим отрядом] на суфе [перед высоким арком], Хаджи в это время совершал вечернюю молитву; после нее он обра-
101*б* тился || к чертогу ни в чем не нуждающегося [Аллаха]: «Поистине, если эта банда в эту ночь овладеет воротами арка, дело будет весьма трудное!» И вдруг ключ к молитве открыл дверь [ее] принятия [Аллахом]. Ворота тирании[115]... [и] сын того упомянутого вошли в высокий арк[116]. Хаджи Ашур тотчас запер засовами двери дворца, сделав их подобно закрытым глазам сластолюбцев, и наложил на них тяжелые замки. Однако та шайка злоумышленников собралась вблизи, где было место стоянки лошадей, и стала обдумывать, [как ей поступить дальше].

Стихи:

Двести человек вошли внутрь арка,*
Все вооруженные шашками и кинжалами.
Кушбеги, известного под именем Султана,*
Орел смерти втянул в свою глотку.
Оба сына аталыка, каждый порознь,* ||
[Нисколько] не подумали о признательности, 102*а*
Как вдруг достигло известие до государя,*
Что банда явилась на поле боя
С мрачными глазами, с злобным видом.*

Рассказывают, что когда победоносный и счастливый государь, равный Александру, [получил] известие о приходе шайки насильников, все махрамы: глава, полная высоких планов, «любящий государя и министра», сердце чистое от всего прочего, Ходжа Инсаф, дальновидный, благочестивый махрам запретного места уважаемых людей, Ходжа Ульфет, «великий ходжа», остроумный, сокровищница идей, Баки кушбеги, добродетельный Хаким-бек, хранитель печати, твердый характером Багрин дастурханчи, Я'куб кутваль[117], стойкий нравом Таш Мухаммед шукурчи [зонтиконосец], Абулкасим-бек, Аллабирды дастурханчи, Тагма-бек, Фархад-бек, Шугай-бек и прочие рабы, || [как и] отряд 102*б*
калмыков,— все расположились под деревом, подле которого был первый запертый проход из запретного гарема, так что махрамы ходили [во дворце] до этого [лишь] места[118]. Они стали советоваться [о создавшемся положении] и сразу впали в сомнение и нерешительность, а так как (по арабскому выражению) «терпение есть ключ к избавлению от горя»,— «То теперь посмотрим,— говорили они,— что будет делать эта шайка и какие намерения она имеет». Но Багрин-бий в тот день, проявив энергию и мужество, выступил вперед, сорвал со своей головы чалму, ударил ею о землю и сказал: «Неужели я действительно услышал [здесь такие слова]? Это сборище, сатанинским наваждением сорвавшись с места [и оказавшись здесь], возымело в сердце преступные намерения! Если вы не выкажете перед ними своего превосходства и будете медлить и проявлять нерешительность, то все вы завтра же выпьете напиток мученичества!» И действительно, благодаря усилию этого мужественного и неустрашимого, как лев, человека, его слова || по- 103*а*
действовали, а иначе, кто бы оказался [тем] другом, который смог бы этим тремстам жестоким кенегесам дать отпор и проявить [по отношению к ним] строгость?

Стихи:

Когда услышал [это] его величество государь,*
Что они (махрамы) имеют неправильное мнение,
Он загремел и загрохотал, как [грозовое] облако*
И с силою запер могучей рукой двери.
По приказанию того добронравного государя*
Судьба вписала в тетрадь жизни врагов предопределенное им.

Когда приблизилось время намаз-и хуфтана[119] и население совершило эти молитвы, Ибрагим аталык и Ходжа Кули диванбеги, несмотря на то, что они были отпущены его величеством из столицы, не соблюдая [в таких случаях] обычаев и традиций царей, вернулись без разрешения в город. Ходжа Кули диванбеги же был хитрец и фальшивый человек; в мыслях у него были [только] свои личные дела. 103б || Когда аталык прибыл на Регистан и приблизился к высочайшему дворцу, он крикнул: «Откройте счастливые ворота, потому что я прибыл по служебному делу его величества, посоветоваться о государственных делах!» Умный привратник[120], ученый Хаджи, крикнул ему из-за ворот: «Этот дворец очень крепко заперт, вроде сердца людей с достоинством, которые ни одному человеку не обнаружат свои тайны. Ключ от ворот в кармане его величества государя». Аталык выказал 104а неудовольствие[121]. || Однако тупчибаши не двинулся с места и, не отступив от своего слова, не открыл ворота. Один из мятежных людей предложил подложить под ворота дрова и зажечь. Хаджи, услышав это, отдал приказ стрелять [по злоумышленникам] из драконоподобных ружей, пышущих огнем, подставив для сего фитили, подобные языкам [смертоносной] ехидны. И вместе с тем он послал дворцовых привратников [доложить Абулфейз-хану], что если последует его повеление, он сожжет этих подлых людей молнией ружей, как сухую солому. Посланные подошли к воротам [дворца], которые были заперты, и не могли через них войти к хану и получить ответ. Обратились к ве- 104б ликому мехтеру, || [как быть]. Умный [мехтер] ответил: «Это [все] дело нелегкое и я не могу [лично] от себя [по этому вопросу что-либо вам] ответить». Так как его смертный час еще не настал, то ему было предопределено судьбою то, что он не стал выявлять смятения, [царившего в арке]. Посланные за ружьями [ничего] не знавшие мулозимы услышали, что когда Ибрагим [аталык] узнал, что [во дворе] взялись за ружья, он поневоле вернулся [от арка] на суфу Паенде аталыка, которая была по соседству с высоким арком[122]. В ту ночь его ханским ве-

личеством было получено известие, что тот, лишенный света зрения, с помраченной головой [Ибрагим аталык], достигнув [высочайшего] двора, стремился открыть [ворота], что у этого злодея все сердце охвачено преступными мыслями. Султан кушбеги, выйдя из внутренней части [дворца], захотел, чтобы [перед ним] открыли ворота [для выхода ему в город], однако тупчибаши не согласился на это и, накинув на шею плащ, завернул руку в платье получения [благодатных даров] || и, возложив упование на Аллаха, успокоился на этом. 105а

Стихи:

В это время у того мятежных действий человека*
Сердце стало, подобно его глазам, черным и мрачным.
Он пришел ко двору государя мира,*
Не имея [на это] ни приказания, ни знака.
Он сказал хаджибу: «Открой ворота, [ибо]*
Поступили из государства разные известия!»
Умный, полный доблести хаджиб*
Не послушал ни слова и дверь не открыл.
Тот в тот же миг сошел с коня![123]*

. . . . . .

Хан удостоверился, что он — враг, [что]*
По коварству и хитрости он — разбойник.

Когда после неоднократных подтверждений его величеству государю стало известно, что аталык прибыл без разрешения, пламя гнева заклокотало в груди хана и, как море, от крайней горячности он начал шуметь || и [за сим] последовал неотвратимый, как судьба, [высочайший] приказ, чтобы все по чувству признательности рискующие своею жизнью рабы, подобно бутону одного и того же сердца, схватили бы похожие на [остролистные] лилии блестящие мечи, как розы, поднесли бы к лицу круглые щиты, взяли бы в руки, как ужасные драконы, огнепышущие ружья и сбросили бы в пучину небытия сухой валежник существования этой банды. Все рабы [его величества] почтительно преклонили колени и открыли уста с пожеланием бесконечного бытия государю, [говоря]: «Государь, убежище мира, чист душою, мы же, несчастные, с высохшими телами сегодня просим пред чертогом этого государя: как милосердный [Аллах] опустошил мозг [гордой] головы Немврода и огонь его сделал для сына Азера || приятным розовым цветником, а египетского фараона потопил в водах Нила, так, надеемся, его величество нас несчастных освободит от чар [теперешних] 105б 106а

приспешников [нового] фараона, порождение [безбожного народа] Магога». [Сейчас же] последовал [высочайший] приказ, чтобы Баки кушбеги со своим отрядом расположился для наблюдения за неприятелем и с целью его отражения со стороны монетного двора и конюшни[124], употребив для сего и острую стрелу и громоподобное ружье, чтобы низвергнуть врагов и уничтожить энергию их сердца. Хаким мирахур, Багрин бакаул, Я'куб кутваль, Таш Мухаммед шукурчи, Абулкасим курчи, Тагма-бек, «хранитель печати» (мухрдор), Фархад-бек афтабачи[125] и остальные калмыки, отправившиеся сначала против неблагодар-
106б ного Султана кушбеги, || [теперь получили распоряжение] вручить его в когти орла смерти, а детей коварных врагов сделать пленниками смерти. Получив высочайшее благословение [на это дело] и отпуск, они, полные решимости, [мысленно] покончив расчеты с жизнью, с сердцами, полными искренней любви [к хану], направились отражать врагов. Я, ничтожный бедняк, составил несколько следующих двустиший по этому случаю.

Стихи:

Все его рабы преклонили колени*
И, изогнувшись, как бровь, в почтительном поклоне,
Сказали: «О государь высочайшего престола,*
Прикажи сему покорному люду
Омыть головы ладонями, а ладони — губами,*
И стать могучею стеною мужества.
Мы закричим, вскипим [гневом], как тигры, ибо*
107а В море могущества плаванье [принадлежит] крокодилу. ||
Тот самый Ходжа Инсаф, достойный близости [к престолу],
Как кипарис, вытянулся столбом, незыблемо [поставив] ноги,*
Чтобы сделаться из приказывающего исполнителем,
Храбрый, могучий и вместе с тем полный всяких талантов.*

Относительно качеств Баки-бия кушбеги, высоко парящего царственного сокола, автор [также] пускает на взлет следующие

стихи:

Второй лев, который с головы [героя] Пехлева*
Похитил царственный венец, —
Его имя Баки мирахур (Баки-бий кушбеги?)*
Он храбр от начала до конца.

[Теперь] стал пловцом крокодил двуязычного пера в [реке] Тигре [в отношении] пояснения качеств Багрин бакаула.

[Стихи:]

Он один из храбрых львов войны,*
Первым вступающий в битву.
Если б его имя услышал Афрасиаб,*
То он затрясся бы и стало бы его могущество водою.
В этом гнезде голубого неба*
Отец дал ему имя Багрин[126].
От его старания в день всеобщего воскресения, [в день] битвы,*
Становилось сильным сердце могучего, как лев, мужа. ||
Он разрывал кожу вражеских тел, подобных черным облакам,* 107*б*
И употреблял чрезмерные усилия рубить мечом.
Если бы не было такого старания у этого льва,*
То кто бы увидел победу над врагами?
Все в это время хвалились мужеством,*
Чтобы остался от них во вселенной [какой-либо] признак,
Но чистый господь знает, что́ такое*
Усилия человека, в руке которого меч.
Мудрый человек знает, что честь и достоинство,*
Которые он принес в битву, потом дадут [ему] почет.

Истечению дождей блестящих перлов, содержанию облака мыслей, сеющего драгоценности и разбрасывающего царственные жемчужины, высококачественному перлу, Хаким мирахуру [посвящаются мною следующие стихи]:

Хаким-бий мирахур, как храбрый Сухраб[127],*
Извлек из потомков Рустема вопль [и]
Из могучих командующих войсками Турана,*
Взимающих дань с земли Ирана.
Преодолев семь преград Бухары,* ||
Он пускает коня в бой [и] 108*а*
Похищает корону Афрасиаба.*
Блестящий [его] меч — молния, [сверкающая] из облака.

В описании [доблестей] и в похвалу Я'куба кутваля [автор говорит такие стихи]:

Другой могучий герой — тигр,*
Совершенный по силе, а щедростью подобный облаку,

Военачальник Я'куб по имени,*
А по должности кутваль, близкий к хану.

В похвалу украшенному достоинством и царственным расположением Таш Мухаммеду шукурчи [автор написал такие слова]:

Шукурчи в ту ночь последовал в бой,*
Вступил в водоворот тот храбрый лев,
Было его имя Таш Мухаммед.*
Острие меча стало покорным ему;
Двести лап львиных он сокрушил;*
Сердца врагов рассек мечом.

Успокоению страждущих в бою, Абулкасиму курчи, посвящены [автором] такие стихи: ||

108*б*

Абулкасим Мухаммед Салах,*
Как ветер, влачил вражескую кровь.
По силе он лев, охотящийся за человеком,*
По [производимому им] грохоту он подобен весеннему облаку.

В похвалу Тагма-бек мирахуру и Фархад-беку составлены [автором следующие] стихи:

От Тагма-бека и Фархад-бека*
Останется во всем мире доброе имя.
Один — Рустем для мужества,*
Отважный лев мудрости;
Другой — стечение храбрых рабов,*
Отпускаемых в схватку.

После того государь, эта сфера храбрости и осведомленный об энергии властитель, приказал заведующим воинским снаряжением
109*а* принести царское оружие || и опахало. Подобно реке Нилу, натягивающему на себя из волн еменскую кольчугу, [его величество хан] надел узкоглазую кольчугу, на глаза которой он последовательно накладывал сурьму из крови врагов; возложил на голову золоченый шлем, так что все его существо казалось украшенным перлами неба, полного подвижных и неподвижных звезд, заканчиваясь высоким на шлеме пером. Так что ты сказал бы, что это был кипарис, поднявший вершину в саду храбрости, или феникс, парящий на просторах Кафа мужества. Он привязал целые заросли тростника колчана на по-
109*б* яс гор отваги, || так что ты сказал бы, что лев залег в тех зарослях;

закинул за плечо энергии щит, блестящий как Солнце и Луна [вместе взятые]. И Марс, этот командующий воинством звезд, и Солнце, этот абсолютный монарх четвертого неба, [при виде столь блестяще вооруженного хана] открыли уста и [произнесли] в уважение к государю, сокрушавшему ряды врагов, панегирик, [сотканный] из лучей освещающего мир Солнца.

Панегирик:

К престолу [своему] потребовал государь [боевое] платье,*
Чтобы принесли ему броню и шлем.
Он облекся в кольчугу, как волны Нила,*
На голову свою надел позолоченный шлем.
Потребовал государь целую заросль тростника стрел[128] *
. . . . . .
И так закричал величественный шах, [что]*
Сокрушил [самое] небо и горы.
Затряслись || воинственные могучие рабы, [когда]* 110*а*
Взял он шашку, палицу и аркан.

Хвала Аллаху, что была ночь, которая, похитив из объятий Иакова, полных утра братьев дня, подобные Иосифу лучи, бросила из колодца мрака [тьму вместо] света, а глаза Ханаанского старца разлуки вырезала раскаленным стержнем и *побелели очи его*[129]. Нет, нет [это была ночь], подобная глазам, подрисованным черной сурьмой, или подобная обесчещенному врагу, от которого отвернулось счастье! Темнота была чрезвычайная, подобная могильной тьме, совершенно лишенной благодательного света.

Стихи:

Была ночь, подобная злосчастному врагу,*
Когда месяц почернел, как лицо негра.

Была ночь, похожая на затянувшийся день Страшного суда,*
Более черная, чем часть локона Аяза[130].
Была ночь, черная как смола,*
Подобная ресницам негра, завидевшего льва,
Подобная[131]... неотличимому корню,*
Подобная черным ласковым глазам газели.
В ту ночь славный государь героев*
Приказал отряду храбрецов подобных Рустему:
«Сядьте || на Рахшей[132] отваги* 110*б*
И поспешите, подобно львам, на врагов!

Как Рустем в Мазандеран, войдите [в их страну],*
Все [вместе] войдите, друзьями демонов и драконов,
И хитростью и жестокостью брюхо вражеского султана*
Разорвите, подобно боку дива!»

Короче говоря, в ту ночь, напоминающую день Страшного суда, все исполненные мужества рабы, с сердцами, полными любви [к государю], и с головами, наполненными привязанностью [к нему], с душами [открытыми, как] на ладони, с ладонями, [раскрытыми] перед губами [для молитвы], уподобляясь сборищу любящих, ожидающих поражения их стрелою бедствия со стороны любимой,— готовые пожертвовать жизнью за свою преданность [его величеству] государю, отправились [на врагов]. Всем ружейным стрелкам приказано было стрелять изнутри Зеркальной залы[133] и начать поражать врагов, которые находились внизу стены. Все махрамы, подобно полному месяцу, поднялись на крышу и, как блестящими метеорами с неба [поражающие
111*а* демонов], стали осыпать демонское отродье—врагов пулями, || потому что [сами] они были народом чертога убежища мира. Султан кушбеги, услышав громкую пальбу, крайне встревоженный, вскочил с места и закричал: «О герои, заклинаю вас честью! О победоносные махрамы, если донесется хоть одно слово, противное высочайшему слуху, вы [сейчас же] берите меч для службы [его величеству], чтобы я подкрепил свое обещание [быть верным ему] исповеданием истинной веры, ибо у меня в разуме нет никакого волнения, кроме [волнения] за государство». Так как время тогда настало несчастливое, он закричал: Я'куб кутваль, что за причина этого волнения?». Упомянутый кутваль [в ответ ему] прокричал: «До слуха его величества дошло, что племя кенегес взбунтовалось и потому последовал неотвратимый, как судьба,
111*б* [высочайший] приказ, чтобы || в эту ночь поток небытия унес в водоворот смерти сухой хворост существования кенегесов». Названный кушбеги сказал на это: «Ну, я, кроме игры на бубне преданности [и кроме] битья в большой барабан самопожертвования, другой мелодии не знаю». Кутваль заметил: «Если бы было именно так, то тебя бы своевременно сильный ветер доставил к облобызанию [высочайших] ног и ты, подобно мотыльку, вращаясь вокруг свечи ханского лица, принес бы себя в жертву за августейшую голову». Упомянутый Султан кушбеги сказал: «Если это клятвенное обещание, подкрепленное исповеданием истинной веры, тебе кажется весьма неосновательным, то этим самым нарушается [мое] душевное спокойствие». Кутваль в соответствии с [искренне] благожелательным отношением [к его величеству]

хану, памятуя исповедание веры и не проявляя нерадения, выслушал этого безмозглого [человека] и, как будто поверив [ему], поднялся на 112*а*
верх стены. Один из нукеров [кушбеги] стал на колени, || а тот поставил ноги ему на плечи и сделал попытку подняться на крышу небытия. Кутваль схватил его за руку, [чтобы помочь ему влезть, в это время] молодые люди [из числа махрамов] стали его последовательно бить по голове безжалостными шашками, отрубили кушбеги голову, бросив к ногам государя, и отрезали ему ноги. Эта расправа [с Султаном кушбеги] была ему возмездием за то, что он был причастен к гибели властителя войска, повелителя знати и простонародья, удаляющего ржавчину с зеркала человеческого рода, уники государей, хана-мученика [Убайдулла-хана].

Стихи:

Они (махрамы) вонзили ногти в дракона ружья [и]*
Начали и продолжили [огневой] бой.
Злонамеренный [кушбеги] узнал о сражении,*
И настигла его у края [стены] плавновходящая смерть.
Так сказал [этот] недостойный человек: «Я — раб*
Короны и трона до самой смерти».
Кутваль || так ему ответил: «Если ты раб,* 112*б*
Пока жив, короны и престола,
То ищи убежища у государя[134],*
[Ибо] нет прибежища, кроме как под тенью шаха!»
Его втащили на крышу*
И прикончили основы его жизни.

После того как погасили злодейство его дерзости водою мечей, все рабы [его ханского величества] и рожденные ими проявили основы легкомыслия; каждый, как воробей, набрасывающийся на птенца-орленка, стал рубить шашкой [тело мертвеца], пока не изрубили его на куски. Говорят, что врагов было триста человек, все они были люди могучего сложения, грубые, физически сильные, тогда как всего рабов [высочайшего дворца] не было и сорока человек. [И],— хвала Аллаху! — по его всевышней милости было [им] даровано со дня на день увеличивающееся счастье и в сердца || врагов они внесли страх и ужас. И это тем бо- 113*а*
лее было удивительно, что большинство махрамов еще не достигло зрелого возраста и было подобно Луне, еще не вступившей в фазу полнолуния, обычно бывающую на четырнадцатый день. И тем не менее, эти мальчики, в основном [озаренные] сиянием новолуния [своего возраста], разорвали на части, как холст, ужасные, как шашки, сердца яростных,

как Марс, кенегесов. Последние все были люди чиновные и служащие, из них около семидесяти — восьмидесяти человек имевших [свои] печати[135], вроде Султана кушбеги, Исмаила мирахура, Мухаммед Назара мирахура, двух сыновей Ибрагима, которые были в молодых летах.

Стих:

Змееныш тоже совершает дело змеи.*

Одним словом, когда начал бушевать огонь войны и поднялась ружейная стрельба и гул битвы, пораженные кенегесы, оставив все свое военное снаряжение, скрылись по разным уединенным местам, [но] ма-
113*б* лые возрастом махрамы, [крепко] взяв их за шиворот, || стали избивать во дворе помещения для ханских аудиенций (куриниш-хана). Неблагодарный Мухаммед Назар мирахур, забрав дастурхана из куриниш-хана и завязав его в платье, спустился через стену по направлению к мечети Паенде аталыка и пытался убежать.

В это время на Регистане собралось множество посторонних людей, привлеченных ружейной стрельбой, криками и общим смятением, напоминавшим Судный день, все потерявшие голову и пораженные тем, что происходит. Когда увидели [спускавшегося со стены] Мухаммед Назара и узнали, кто он, потому что он был властителем большого войска[136], то его прикончили на Регистане. Около десяти — двадцати человек из военачальников кенегесов также было убито народом на Регистане. Мухаммед Кул мирахура, бывшего близким родственником Ибрагима, [тоже] убили. А [сам] Исмаил мирахур, убежав, спрятался в высочайшей кладовой[137], в сундуке, подобно лучшему серебру скупцов, с целью спасения своей жизни от враждебных мечей [бухарских] героев, под утро он был найден и вытащен из своего убежища. Он стал громко кричать и вопить: «Отведите меня послужить государю!» Когда его вопли достигли до высочайшего слуха, [его величество хан] приказал ясаулу отправить его во след за братом. Словом, триста человек, с виду напоминавших демонов и страшных духов, те доблестные защитники, повергли в прах [своими] мечами возмездия. В ту ночь Багрин бакаул, подобно страшному льву, кипел [яростью], разил, как Рустем,
114*а* сын Дастана, и без промаха || дробил вражеские черепа. Всякого, кого он поражал своим мечом, рассекал до самого пояса, а кого рубил по талии, того, как огурец, сразу перерезал пополам. В ту ночь глаза отважных храбрецов светили, как светильники государства, а сердца

рисковали жизнью за безопасность государства. Хаким мирахур сжигал ружейным огнем гумна вражеских жизней; Таш Мухаммед шукурчи, кипя [отвагою], низвергал неприятелей; Абулкасим курчи, Аллабирды дастурханчи, Хуррам курчи, Хуррам бахла бардор (носящий кожаные охотничьи рукавицы), Тагма-бек, Фархад-бек, Сам'и ясаул, Мухаммед Салах ясаул, Хал-Мухаммед ясаул и отряд молодых калмыков, карчигаев, шахбазов, лачинов, барганчиев и др., имена которых было бы утомительно перечислять,— [все] проявляли необычайное мужество. Со стороны ханской конюшни стоял Баки кушбеги с группою мулазимов и вел бой.

Поистине это было страшное событие и случай || величайшей важности, ни при одном государе не имевшие места, ни в каких исторических книгах не написанные. И я не слышал, чтобы во дворце какого-либо властителя было пережито такое время. И еще другое то, что со столь слабыми силами было сломлено сопротивление всех этих врагов, почему писали, что в бухарском арке не одержана победа над его государством, поскольку он находится под знаком Рыб и его [высокий] покровитель — счастливая планета Юпитер. А третье то, что никогда там (в арке) ни одного властителя не настиг смертный час, [ибо] всякий раз, как судьба посылала смерть государю этой страны, он оказывался в этот момент вне арка, исключая лишь его величества Субхан Кули-хана, который умер в арке. 114*б*

Короче говоря, в ту ночь доброжелательные махрамы рисковали своею жизнью, подобно Рустему в Мазандеране, уничтожая врагов, и язык надвое расщепленного пера оказался слаб описать, а разум все до тонкости знающих || недостаточен [представить происшедшее]. 115*а*

Стихи:

От грохота ружейных выстрелов*
Сам крокодил задрожал [со страху] в реке.
От криков того сильного народа*
Расселась гора Демавенд[138].
Один — с мечом в руке, опьяненный безумием [боя],*
[Представлялся] крокодилом, плавающим в море крови,
Другой — с рекою пены, выступавшей [у него] на губах,*
С телом, ринувшимся в жар и зной сечи.
Один, как Сухраб, зычно кричит,*
И если враг — сам Рустем, то дрожит [перед ним].
Другой — силач с тяжелой булавой,*

Сокрущающей головы и палицы туранцев.
Видел я много книг и исторических сочинений,*
Много читал и много прослушал [их],
Но не видел и не слышал в мире*
Историй и достопамятностей, подобных этой,
[Чтобы] триста демонов были уничтожены сорока человеками,*
Став добычею их мечей.
Счастья, бывшего уделом сего государя Бузанжирова семени,*
Мы не видели [и] в Тимуровом государстве.
Когда волнение народа достигло крайнего предела,*
Мир стал объят смятением и криками.

Когда известие [о происшедшем] достигло до Ибрагим аталыка, от
115*б* которого || отвернулось счастье и беда обернулась к нему лицом, а Султана кушбеги похитил орел смерти,— он, [страшно] пораженный, поднялся с суфы мечети Паенде-бия и отправился в Джуйбар[139]. Он в волнении приказал глашатаю ехать впереди и кричать: «Хан, этот самый хан, и аталык, этот самый аталык»[140]... был отнесен, но условия братства и союз дружбы к Султану кушбеги [у него] всегда определенно были, так что, памятуя рассказ о Лейле и Меджнуне, они постоянно утром и вечером бывали, как за одною чашкою, так и за одним пиршеством. Некоторые люди в отношении этих двух так и говорили. И дру-
116*а* гое тоже было известно, || что Ибрагим и Султан [кушбеги] устроили такое совещание, что если высокого кипариса, благородного государя, постигнет несчастье[141]... при этих обстоятельствах оказался без средств. [Весьма] пораженный, он вскочил с места и отправился к неблагодарному Ибрагиму.

Короче говоря, в ту же ночь Ибрагим, забрав свою жену и детей, направился на свою летовку в Шахрисябз. По выходе его из [городских] ворот к нему пристали все кенегесы и все они поехали вместе. Достигнув моста Али-Сулейман, они стали между собой говорить: «Все, что с нами случилось, всему этому причина — Ходжа». И они обнажили Ходжу, решив его убить[142], но Ходжа, пользуясь ночною темнотою, убежал и скрылся в посевах; потом добрался до дома отца, а оттуда бежал в Хорезм. Ибрагим, [как упомянуто], направился в Кеш. Ходжа Кули-бий диванбеги, будучи союзником Ибрагим аталыка, был хитрецом и рассудительным человеком: он в ту ночь прибыл к подножию [большого] минарета, к «убежищу войны», доброжелательному Хакиму парваначи, сыну Худаяр-бий аталыка[143], потому что упомянутый
116*б* парваначи бил в барабан || преданности [престолу]. Он известил его ве-

личество [хана] об этом ужасном событии и проявил крайнюю лояльность. [Оба] они, Ходжа Кули-бий и Хаким парваначи, расположились на суфе медресе Мир-Араба. Диванбеги клялся, что он ничего не знает о вероломстве этого народа, но слуги его величества [хана] кричали с высоты арка: «Если ты мангыт или катаган, приходи с расположением [и преданностью престолу]! Народ, избивай племя кенегесов, которые наши и ваши враги!» [Тем временем] через стену арка на веревке спустили [в город] человека по имени Хаджи Бадр, из числа старших в доме Хаким мирахура. Он, явившись к диванбеги и парваначи и известив их о высочайшей милости, доставил обоих в небовидный дворец.

В течение нескольких дней по улицам города были устроены заграждения из тонких жердей[144], и узбеки, [боясь городского населения], дрожали от страха, как древесные листья, и никто из них не мог прямо смотреть в лицо горожан.

На другой день, когда занялась утренняя заря и свет звезд сменился светом дня, когда темнота исчезла из-под голубого купола неба, || народ 117*а* толпами устремился с четырех сторон на Регистан посмотреть [на следы происшедшего за ночь]. [Видя] везде валявшиеся на земле трупы врагов, население воссылало молитвы за государя, желая ему счастливых дней. В этот же день удостоились высочайшей аудиенции Ходжа Кули-бий диванбеги, Хаким-бий парваначи, Кутлук парваначи, Ходжим Яр дадха, Мухаммед Яр парваначи кераит, Ходжим Яр дадха дурман и все эмиры. [Все они] засвидетельствовали [его величеству хану] свои чувства преданности. Его величество изволил милостиво сказать: «Мятеж сего народа вышел из границ».

Все [присутствовавшие] вознесли молитву за его величество хана. Ходжа Кули-бий диванбеги потребовал себе звания и должность аталыка. А этот Ходжа Кули был человеком, который по богатству в узбекском государстве уподобился [библейскому] Каруну; он имел тот недостаток, что язык и сердце у него расходились между собой и был он большой плут, вследствие чего народ не питал к нему [никакого] доверия. Когда || он получил должность аталыка, то Баки мирахуру, одно- 117*б* му из верных рабов его величества, в свое время заключившему с ним условие, перепоручили должность кушбеги. Этот Баки кушбеги был поклонником наслаждений и в общении с народом не находил [никакого] удовольствия. [Поэтому] он поручил [фактическое исполнение своей] славной должности Авез Баки хаджи раису[145], чтобы он [за него] общался с узбеками. «То, что будет, он мне скажет, а я доведу это до

благословенного слуха его величества»,— [говорил этот кушбеги]. Говорят, что из племени катаган никто не достиг должности аталыка, кроме Ходжа Кули-бия, но аталычество его было не больше восьми дней. Ни'матулла диванбеги найман и Абдулла хаджи кушбеги[146], долгое время бывшие вдали от совершенной красоты его величества хана, проводили теперь свою жизнь в Карши. Услыхав [о вышеизложенном] событии [в столице], они поспешили туда облобызать [высочайшие] стопы ног. Так как Ходжа Кули-бий питал чрезвычайную неприязнь к Ни'матулле, то с ним и все население города, выйдя на войну против [подъезжавших диванбеги и кушбеги], остановилось в Фатхабаде[147] при пересечении дорог. Его величество, стремени которого сопут-
118*а* ствует Луна, по своему благосклонному отношению || к Ни'матулле и Абдулле кушбеги, тайно отправил им милостивое письмо, [в котором извещал, что] в данный момент они должны сделать, авось теперь настанет время им свидеться, пусть лишь несколько дней обождут. В соответствии с этим милостивым ханским письмом они немедля вернулись в Несеф (Карши). Однако группа объединившихся вместе лиц, вроде Багрин бакаула, Абулкасима курчи и других, которым нужно было свалить Ходжа Кули-бия, ибо ввиду его двуличия и его сговора с [мятежным] Ибрагимом они ему не доверяли, на тайной аудиенции сообщила [о всем этом] его величеству и было решено этого лицемера уничтожить. Для осуществления этого был избран такой план: [Ходжа Кули-бия] следует пригласить якобы на совещание в Зеркальный зал, где его будет ожидать группа вооруженных людей, которая его прикончит. И еще подвергли обсуждению поведение Ходжим Яр дадхи сарая, тоже бывшего другом Ибрагима; несколько раз посылая к нему человека, узнали, что он
118*б* не прекратил дружбы с врагами; || его также решили убить. Об этом совещании узнал Хаким-[бий] парваначи, мангыт и, объединившись с главарями махрамов, вроде Ходжа Инсафа, Ходжа Ульфета, Баки-бия кушбеги, и мехтером Ходжа Кули-бием, рассказал им [об этом тайном совете у хана]. Большинство выразило сожаление по поводу судьбы, [ожидающей] Ходжа Кули-бия, ибо поистине он был хорошим человеком, любившим порядок, служившим украшением [всего] города и блестяще содержавшим охотничьих птиц; его дары и милости были всеобщими.

Был понедельник 20-го числа почитаемого месяца раджаба, пятнадцать дней спустя после случая, [виновником которого] был Ибрагим, когда решились пресечь жизнь Ходжа Кули-бия. [За ним] отправили

Абулкасима курчи, чтобы аталык поспешил в небовидный дворец принять участие в совещании о государственных делах. Аталык, сев на коня, отправился в сопровождении своих братьев и друзей. Хаким-бий парваначи тоже выехал и присоединился к аталыку; они [вместе] выехали в высочайший арк. Несмотря на принятые меры, когда настал смертный час, все пришло в смятение. Когда [аталык] || вошел 119*а*
в Зеркальную комнату на [высочайшую] аудиенцию, то, как было условлено, группа вооруженных махрамов, появившись в зале, бросилась с обнаженными мечами на аталыка. Его величество, стремени которого сопутствует Луна, тоже изволил приказать: «Бейте катагана!» и удалился в одну из дверей. Заперев двери Зеркальной комнаты, убийцы разбили камень существа катагана. Но аталык[148]..., но один человек, предупредив его, поразил в бок ножом. Несмотря на тяжелую рану, аталык [храбро] защищался и ранил трех человек. Мухаммед Салах ясаул, зайдя сзади аталыка, обхватил его руками и бросил на землю. [Махрамы] изрубили его на куски. Ходжим Яр дадха сарая Багрин бакаул поверг на землю и убил. Упомянутый дадха был в возрасте тридцати двух лет, обладал хорошим поэтическим дарованием, его поэтический псевдоним был З а ф а р (ظفر). Это двустишие его:

Пока локон мой на лице того неверного красавца,*
Злополучие является моей черной весной[149].

Так же был прикончен Мухаммед Назар ишик-ака-баши || ката- 119*б*
ган, который, как и Ходжим Яр дадха, был из близких родственников Ходжа Кули-бия. Погибли также двое в должности туксаба — Нур туксаба и Авез туксаба; Авез в безумии бросился с верха арка вниз и сломил себе хребет. В тот день было убито двадцать человек. Причиною их гибели был некий писец по имени Шахрияр; он донес, что катаганы составили заговор против его величества [хана]; правда ли это было или ложь — [трудно сказать], но его спрятали в доме, ибо этот писец был [сам] катаган; [затем] пришла группа других лиц и убила его. Столько народа было перебито, благодаря его подлости, но и сам он нашел свою долю в этом! Всех убитых сбросили со стен арка вниз, а их дома разграбили, все богатства Ходжа Кули-бия оказались уничтоженными, его земли и Ибрагимовы были конфискованы в фонд ханских земель.

В те дни узбеки настолько оробели перед таджиками, || что не ос- 120*а*
меливались никому и слова сказать. Нияз хаджи катаган, бывший

правителем Кермине, узнав о происшедшем, счел за благо бежать [из вверенной ему области] в Шахрисябз к Ибрагим аталыку. В Миankаль к Фархад-бий кипчаку и Бек оглы багрину были посланы милостивые царские грамоты, также милостивые грамоты были отправлены Ни'матулла-бию и Абдулле кушбеги. В конце месяца раджаба упомянутые эмиры прибыли каждый из своей земли [в столицу]. Фархад-бия утвердили в должности аталыка; Хаким-бия [еще] до того сделали диванбеги,— в этой должности он и остался, Бек оглы-бия назначили правителем Кермине; Ни'матуллу — правителем Самарканда; Абдуллу кушбеги снова утвердили в должности кушбеги. Ни'матулла отправился в Самарканд через два месяца [после своего назначения], а через шесть
120*б* месяцев он умер там от чахотки и был похоронен || в Самарканде рядом со своим отцом Абдулкаримом, который был там убит в эпоху Субхан Кули-хана. Фархад-бий, Хаким[-бий] диванбеги и Бек оглы-бий выступили походом в Шахрисябз против Ибрагим-бия; дав одно сражение, они вернулись обратно. Два года прошло в таком положении, [за это время] произошли некоторые события, о которых было бы долго рассказывать,— вроде того, как группа катаганов ездила в Ургенч, вроде судьи Сам'и-йи Хисари, чрезвычайно ученого человека[150]..., которые порешили на том, чтобы посадить [хивинского] Шир Гази-хана на бухарский престол. Его грабительский отряд, один раз придя [в бухарские пределы], разграбил Каракуль. Но здешние эмиры признали за благо посадить Шах Тимур-султана, сына хивинского Муса-хана, на престол его отца[151].

В 1133/1720—1721 г. [в Бухару] прибыла группа хивинцев, оскорбленных Шир Гази-ханом, вроде Ураз Али кушбеги [и других]. Им
121*а* [и Шах Тимуру] дали необходимое снаряжение и запасы || и послали в Арал. Теперь положение Шир Гази-хана чрезвычайно стесненное, но последний [зато] привез множество всякой добычи из набега на кызылбашей и на том[152]... Шах Тимур несколько раз ходил походом на [Ургенч] и, потерпев поражение от Шир Гази-хана, уходил [обратно] в Арал. [Но, во всяком случае], он теперь служит причиною того, что Ургенчу, а не Бухаре причиняется вред.

Ях'я ходжа, проехав через Хорасан и Туркменские кочевья, направился в Шахрисябз, [там за него] выдал [свою] дочь Ибрагим [аталык]. Судья Сам'и тоже уехал в Шахрисябз. Со стороны Бека оглы [в Бухару] приезжало много народа и докладывало, что Фархад-бий, собрав войско, вместе с Бек оглы-бием пошел походом на туркмен. Когда Мирза-бек был в Наразме[153], он находился в приятельских отноше-

ниях с Багрин бакаулом и последний не допускал, чтобы ему был причинен какой-либо вред. Перейдя через реку, [Бек оглы-бий] совершил набег на [владения] Ходжи-ходжа сейидатаи и вернулся обратно; от управления || Кермине его уволили и отдали [управление этим вилайетом] племяннику Абдулкарима, который был у него за сына. Бек оглы, [обиженный этим], поднял в Миankале восстание; к нему присоединился Нияз хаджи. Население города [Бухары] стало бояться Фархад-бия, потому что он был единоплеменником упомянутых лиц. Послали Абулкасима курчи к Абдулкариму [в Кермине]; послали также письма большинству начальников артиллерии Миankаля, вроде Авез-бия туксабы, который после смерти Ни'матуллы стал правителем Самарканда, чтобы прикончили Фархад-бия; послали письмо и Баки-бий кипчаку, который был предан [престолу]; он, поскольку был непоколебим в своем доброжелательном отношении [к государю], проявил верность своему обязательству. Но те, которым послали письма об убийстве Фархад-бия, впоследствии превратились во врагов [власти] и для ниспровержения ее прибегли к каверзам. 121б

Абулкасим курчи, вернувшись из Кермине, сообщил, что все согласны убить Фархад-бия. В 1134/1721—1722 гг. || все эмиры согласились убить Фархад-бия. В течение двух лет он правил аталычество; на заре в субботу все пошли в его дом, находившийся у ворот Намазгаха, и там его убили. Фархад-бий был мусульманином из числа злых духов, так что в бытность свою правителем Самарканда он каждый день без причин требовал от народа деньги. И когда народ приходил [к нему, то всегда] вручал ему деньги. Он же выражал сожаление о народе; хотя и плакал [при этом], но не боялся того, что разрушает Самарканд, ибо все, что [в нем] находилось, его узбеки тащили [к себе]. А другое было то, что всякому, который шел к нему, он говорил: «Ты не имеешь денег в кармане, чтобы дать моим мальчикам, потому что утрами они мне надоедают?» Говорят, что он был человеком постоянно нуждающимся. Однажды он сам, взяв даббу[154], пошел за маслом к продавцу; дело было ночью, масленник, не узнав его, обругал. Словом, он в Самарканде поступал, как тиран Хаджжадж[155], но в Бухаре, где сидела || на престоле царства высокая персона его величества, он не мог [делать подобного]. Последнее время [упомянутого года] было посвящено [правительственным совещаниям]. Хаким-бий достиг должности аталыка в возрасте 45 лет; Кутлук-бия, бывшего старым человеком, сделали диванбеги. В том же году Мухаммед Хаким мирахур туркмен, ко- 122а 122б

торого хан назвал сыном, получил в управление Каракуль и воссел на седалище управления [им]. Багрин бакаул, питавший дружбу к Мирза-беку, посылал ему дружеские письма [в том смысле, что хорошо бы] повидаться. Мирза-бек был человеком доверчивым и, обманувшись, выехал на свидание к краю степи. Все бухарские эмиры тоже отправились к этому месту. Так как Мирза-бек прибыл с немногими из [своих] людей, то его [легко изолировали от них и], захватив в середину своей группы, привезли в город. Багрин бакаул, блюдя условия верности, воспрепятствовал его убийству и взял под свое покровительство. Хаким
123*а* мирахур отправился к [крепости] Наразм. || Так как между Багрин бакаулом и Хаким мирахуром не было взаимного уважения, то на этом основании Багрин бакаул оказал покровительство Мирза-беку, потому что последний был врагом Хаким мирахура. Но Хаким мирахур, поспешив и предупредив Мирза-бека, взял крепость Наразм ударами своей руки, а сыновей Мирза-бека отправил его величеству, стременем которого достойна быть Луна. Спустя несколько дней Хаким мирахур оставил свою должность [правителя Наразма] и возвратился в город [Бухару]. Испуганный Мирза-бек убежал в Кермине к Абдулкариму, с которым был в дружественных отношениях. Абдулкарим же был приятелем и Багрин бакаула, но в конце концов стал его врагом.

Ибрагим-бий [аталык] тоже в этом году прибыл в Миankаль. В этом же году в Миankале умер Бек оглы. Ибрагим-бий, услышав об убийстве Фархад-бия, обрадовался. Но со смертью Бек оглы среди племени
123*б* [Миankаля] получился разлад. || Вместе с тем, Нияз хаджи убежал в Шахрисябз. Абдулкарим в Кермине предпринял насильственные действия по отношению к [своим] врагам и хотя не грабил население, но меньшего, чем грабеж, тоже не было. Авез туксаба и Каплан ишик-ака-баши с братьями в 1135/1722—1723 г. — да благословит его Аллах и его потомство и да приветствует! — отправились в Шахрисябз и стали говорить Ибрагиму: «Пока мы не взыщем кровь Фархад-бия, враги ханских слуг, чего доброго, еще больше обнаглеют и тебе нужно быть с нами [в этом деле] заодно!» Он же, имея в виду отомстить за кровь детей, родственников и брата, присоединился к ним, и все вместе прибыли в Самарканд и устроили обдумывание и совещание [в отношении дальнейших действий]. Абдулкарим, который в ханском государстве из праха ничтожества достиг апогея почета, [теперь] послал из Кермине к этим лицам сказать: «Я тоже примыкаю к вам». И они все вместе [остановили свой выбор] на Раджаб-султане, который происхо-

дил из рода ургенчских царей. || В свое время Абдулла-хан с заднею 124*а*
мыслью привел [из Ургенча] тамошних принцев и посадил их в Миан-
кале. Раджаб-султан был из города Чарбага, Самаркандского вилайе-
та; его мать была из чарбагских ходжей и Ходжа-хан ходжа приходил-
ся ей дядей по матери. Он уехал в Шахрисябз, потому что в то время
по распоряжению его величества хана || произошло избиение кенегесов, 124*б*
и бывшие на верху арка [причастные к ним] принцы были ослеплены;
их было пятеро. [Раджаб-султану удалось избежать этого страшного
увечья и] он бежал в Шахрисябз, где попал к Ибрагим-бию[156]. ||

Когда настал 1135/1722—1723 г., то группа злосчастных и небла- 43*а*
годарных людей, бывших на несчастье скитальцами в пустыне невеже-
ства и оцепеневших в безводной равнине заблуждения, вроде Ибра-
гим аталыка, сына Рустем аталык кенегеса, Нияз хаджи катагана, Кап-
лан кипчака с братьями, Авез туксаба и многих других из подонков об-
щества, объединившись в Самарканде, напоминавшем собою райский
сад, 14-го раби ул-эввеля (23 декабря) названного года избрала ха-
ном Раджаб-хана, [как упомянуто], притязавшего на принадлежность
к принцам крови и на происхождение от хивинских ханов[157]. Они поса-
дили его, как хана, на Серый камень[158], служивший местом си-
дения счастливых султанов и могущественных государей. Проведя по
глазам стыда сурьмою бесстыдства и закрыв лицо размышления покро-
вом нахальства, это кровожадное дерзкое сборище подняло его, по
Чингизханову обычаю, на белом войлоке. || И, насильно приведя всех 43*б*
великих и благородных людей, простой народ и ученых того владения,
вроде Падшах-ходжи ахрари[159], [вместе с ними] принесли [Раджаб-ха-
ну] поздравление с восшествием на престол, завершив [этим самым]
столь отвратительное дело.

Да, дорогой мой! Обычай мира и положение неустойчивой небесной сферы таковы, что они выводят [на арену истории] пророков, как пу-зыри на поверхность волнующейся жидкости, чтобы быстро им [исчез-нуть], и благородных людей, подобных царственным жемчужинам, что-бы бросить их в грязь, как это говорит поэт.

Стихи:

Время [и судьба] придают блеск безмозглым людям,*
[Как] море, выводящее пузыри на поверхность [своих] вод.

Когда это необычайное известие дошло до высочайшего слуха его величества, коему при стремени сопутствует Луна, то от того, что он был

украшен рудником благородного происхождения, копью благородства и перлами знатности и великодушия, он ударил руками надежды о полы даров предания себя божьей воле и, обратив лицо [своего] желания к сосредоточию милостей святейшего творца, заставил своего говорящего
44*а* попугая || произнести следующее: «Вот уже двести тридцать лет, как счастливая ветвь моих предков со времени появления Мухаммед Шейбани-хана до наших дней была плодоносною в потоке счастья и цветник престола миродержавия отцов наших был далек от губительного осеннего ветра несчастья. Их молниеносный меч был счастлив к завоеваниям, их смертельно разящее копье было [блестящим] метеором на небе удач, дым же огорчения от бесовской гордости и самомнения врагов, кои суть дьяволы чертога счастья, был недоступен им. Хвала и благодарение Аллаху, что сущность моего бытия есть некий драгоценный камень из рудника благородного происхождения, а мой стан является
44*б* деревцем сада сейидского происхождения, мой блестящий меч — || победитель на поле битвы, мое смертоносное копье — кипарис в цветнике боя. Я надеюсь на милосердие творца, что с одного нападения победоносных [наших] войск, как маковые зерна, рассеется союз тех злополучных, которые коварством собрались все вместе, как пустые раковины, и, став блуждающими в степи несчастья, они, изнемогая от жажды, уничтожатся в пустыне гибели от зноя Солнца [нашего] молниеносного и победоносного меча. Вот государство, которое пожаловал мне всепрославленный бог, он — истина, а я заслуживаю того, что достойно меня по его божественной милости, ибо, кроме высшей истины, [кто] окажет милосердие, [даровав] постороннему — начальство и несведущему — царство?!

Стих:

Власть принадлежит тебе и все, что ты захочешь, — осуществишь.*

И когда это предуведомление, произнесенное языком, рассыпающим жемчуг и разбрасывающим сахар, было закончено счастливым и
45*а* всемогущественным государем, || сановники и министры счастливого монарха, вроде паломника к обоим священным городам Аравии, Абдуллы кушбеги, приближенного его величества Ходжа Инсафа, удовлетворяющего эмирской власти Ходжа Ульфета, «великого ходжи»,[160] на редкость проницательного Баки Мухаммеда кушбеги, созидателя

начальствования Ходжа Авез Баки-бия, вместилища храбрости Багрин бакаула и перевязанного величием счастья Катиш Мухаммеда шукурчи, опустившись на колени и склонив головы на грудь порога величия, раскрыв уста для похвал и восхвалений государя, рассыпали жемчуг молитв и целые кусты роз похвал, изукрашенных наилучшим образом.

Стихи:

О сердце, да будут радостны уста при встрече с тобой,*
И да будет у тебя счастье, благополучие и исполнение желания!
Ты — украшение вселенной и редкость эпохи;*
Мы все — [только] тело, а ты — душа! || 45*б*
Жизнь твоя да будет вечна, как [жизнь] Хызра,[161]*
А государство твое — подобно государству Александра!

Бог даст, по бесконечной [его] милости и по божественному милосердию, [само] величественное, как Джемшид, Солнце станет в небе седлом для [высоко]авторитетной особы его величества и в пределах озаряемой Солнцем территории возвысится отмеченное счастьем [победное] знамя и сияющий стандарт света государя, а кровожадный Марс, вроде рабов [высочайшего] двора, заткнув за пояс кинжал победы, взяв в руки вращающееся копье и опоясавшись мечом, не преминет в рядах войск на поле битвы исторгнуть жизнь поверженных во прах врагов. Мы, рабы [высочайшего] двора, подобно [жестокому] Сатурну, превратив их в муку на мельнице небытия, вращаемого водою бесчестия, сделаем их в печи лишения испеченного хлеба пищею их современных || собак, блестящее же лезвие меча, который продолжи- 46*а*
тельное время был лишен пролития крови врагов, уподобившись высохшему полю, мы превратим в цветущий вид, оросив его потоками вражеской крови, а орлу стрелы, давно уже сидящему в гнезде колчана без воды и зерен и отвыкшему от охоты, мы дадим в пищу мозг врагов.

И каждый из самоотверженных рабов [и] славных махрамов с просьбою повергал [на высочайшее благовоззрение] подобные дары искренности и подношения самопожертвования, доводя об этом до [сведения] высочайшего слуха. И его величество, при стремени которого следует Луна, также обнадеживал великих эмиров и достопочтенных [своих] близких слуг упованием на его царственные дары и милости, извещая их об ожидающих их дарах, награждениях, должностях

46*б* и счастье. || И последовал непреложный, как судьба, приказ, чтобы казначеи, сборщики податей и министры небовидного государства открыли ключом энергии двери казны и, подобно бутону розы, под дуновением утреннего зефира, сыплющего пригоршни золота на поверхность мечевидных линий, на острохвойные, как пики, кипарисы, на щитовидные цветы, на гремящие грозою облака, на боевые трубы нарциссов и готовых пожертвовать свою жизнь соловьев[162], — стали выдавать вознаграждение, чтобы все победоносные войска, соответственно их высоким поименным спискам и утвержденным реестровым ведомостям, стали бы участниками всеобщей выдачи подарков и всех милостей, подобно тому, как в сезон весны султан этого времени, усев-
47*а* шись на изумрудный || трон, заставляет а м и л я — облако[163], которое есть казначей дождевых капель, дождить на розы и на шипы. По драгоценному приказанию [его величества] великий везир[164] Ходжа Ульфет, великий диван[165] Мирза Улуг, великий мехтер, мехтер Ибадулла и прочие государственные деятели, наполнив оросительный канал достоинства[166] н а у к а р и й я[167] водами волнующегося моря царственных милостей, сделали их цветущими. Несущее же ужасы Судного дня войско, изготовив копья способности к военным действиям и [все] славное и знаменитое военное снаряжение, приготовилось к битве со злонравным врагом.

В это время, в субботу 9-го раби ус-сани 1135/17 января 1723 г., произошло соединение трех планет[168], первое соединение в огненном треугольнике в двадцать шестом градусе знака зодиака Стрелец. Поистине это было последним соединением, которое случалось в огненном тре-
47*б* угольнике; || все три планеты — Сатурн, Юпитер и Марс — соединились в этом знаке зодиака. Трудолюбивые астрологи и подобные Меркурию [ловкие] счетоводы, мавлана Сайфуддин и Абдуррахман-ходжа, составили такое письменное решение: «Божественным предопределением и волею господа, [сказавшего] «*таково предопределение сильного, знающего!*»[169], это соединение означает крушение государства древних ханов, ибо Сатурн возвысился; что в действительности означает господство и победу врага». Под влиянием же этого соединения произошло то, что в том же году некто из кызылбашских начальников стал властителем в Исфагане, блокировав город в течение некоторого времени, он разбил войска Ирана. По необходимости Шах Хусейн, выйдя [из города], сдал ему Исфаган; наследник престола бежал в Казвин. ||

Рассказчик упоминает о неблагодарном Абдулкариме. Когда вес- 48*а*
ною растительная душа вселилась в [безжизненные] тела дерев, когда качество [по слову] — «*оживится земля после ее смерти*»[170] — влилось в чашу тюльпана и когда одетые в зелень суфии всех дерев под влиянием чистого вина веселья опьянели, отяжеленные плодами, в это время последовательно были получены известия, что Абдулкарим ишик-ака-баши багрин, бывший [хищным] коршуном, паривши в руинах [своего] времени, по неотступным просьбам к его величеству [хану], подобно орлу свив себе гнездо в богоспасаемом владении Кермине и действуя подлостью на море могущества, источающего привилегии царственных милостей, удостоился получить в управление Кермине, — теперь вышел из повиновения, и демон гордости снес яйцо в гнезде его разума. По дьявольскому наваждению || он привязал веревкою друж- 48*б*
бы и нитью братства к себе всю не имеющую средств чернь и врага [государства] Ибрагима, сына Рустема[171]. Имеется опасение, что алтари и кафедры [мечетей], которые долгое время озарялись [провозглашаемыми с них] титулами отцов и дедов его величества, потемнели от мрака гнусного имени подлого Раджаба, этого вождя племен месяца ша'бана или рожденных в рамазане[172]. Причиной вражды того злосчастного [Абдулкарима] было то, что у него были неприязненные отношения с «убежищем войны», Хаким-бий аталыком, который был Рустемом [своего времени], охранителем царского престола и львом в чаще миродержавия. Этот аталык написал письмо к Даулат Мухаммед-бий туркмену и Сарыг-бий буркуту [о том], что Абдулкарим имеет в голове [совершенно] неуместные бунтовщические замыслы (букв. неуместное волнение) || [и потому] пусть они накажут мужественною 49*а*
рукою и геройскою отвагою этого слепого и потерявшего честь [человека], чтобы он впредь не выступал из пределов возможного и из сферы своего заблуждения. Это письмо на средине дороги было перехвачено людьми Абдулкарима и [доставлено ему]. Ознакомившись с его содержанием, он весь запылал огнем великого раздражения и злобы и заплетающимся [от гнева] языком, произнеся разные неподобные и бессмысленные слова, начал говорить вещи, [совершенно] недостойные его положения.

Когда эти речи достигли до высочайшего слуха его величества, Луна коему служит стременем, [он] изволил приказать следующее: «Хотя те несколько несчастных сбились с пути интересов государства и избрали кровопролитие и наглость, но принципы великих государей,

49б уважаемых шахов, древних великих хосроев || и современных султанов таковы, что они свои дары и милости, подобно весеннему облаку, существующему для всех и одинаково орошающему розу и базилику, тернии и волцы, в такой же степени [всех] жалуют специально милостивым и благородным подарком. Если тот несчастный [Абдулкарим] хорошенько подумает о своей черной неблагодарности, подобно пылинке обратит свое лицо к Солнцу государства и низко склонит к счастливому [высочайшему] порогу [свою] голову, стирая пыль с него, то медь его существа, оказавшаяся в плену собственной окиси (букв. ржавчины), благодаря [нашему] чудодейственному милостивому вниманию, [опять] приобретает чистый вид». [Затем] последовал такой [высочайший] приказ: «Пусть блеск семьи достоинства накибов и центр круга сейидского звания Мухаммед Хашим-ходжа накиб сейид-
50а атаи[173] и шествующий путем в Хиджаз министерской власти и к Земзему || Ка'бы эмирского достоинства паломник к обоим священным городам Аравии, Авез Баки хаджи, аулия-и карахани, взяв милостивую [ханскую] грамоту и драгоценный халат, направятся в Кермине и [там] увещательными советами, повернув лик надежды того безнадежного [Абдулкарима] к сосредоточию государства [Абулфейз-хану], выведут его на большую царскую дорогу из пустыни заблуждения. Если же он считает свое действительное положение счастливым и не думает о признательности за [нашу] хлеб-соль, то [наша] благодеющая рука, извлекши из ножен мести меч могущества, сделает его красным, как заросли тюльпанов, от крови народа багри[н], обитающего в степи Кермине.

После такого напутствия упомянутые эмиры выехали с этой мис-
50б сией в г. Кермине. Когда весть о выезде [этих] именитых || эмиров дошла до слуха того незадачливого [Абдулкарима], он выслал их встретить к бухарским воротам Кавола[174]. [В Кермине же] после соблюдения правил свидания он (Абдулкарим) каждому [из послов] воздал должное (букв. каждого определил на свое место), но того обхождения, которое свойственно людям [нашего] времени, он не проявил. Вследствие этого известие, которое послы слышали из рассыпающих жемчуг сладких уст государя, они преподали ему в виде совета и увещания, выполнив это в надлежащем виде. Однако этот несчастный Абдулкарим, которому по его происхождению чуждо было благородство, вытащил золотое кольцо увещания из слуха послушания, поднял голову гордости [своей] натуры и драгоценную шапку, пожало-

ванную ему его величеством, отдал на глазах посланных [к нему] эмиров одному из [своих] низших служащих[175]. И, заговорив нахальным и грубым тоном, || начал заявлять бессмысленные притязания. Ворочая 51*а*
языком глупости во рту вознаграждения [ему], он сказал: «Вам нужно прислать мне [диплом] на должность того дивана, которую иначе называют «руководитель государства» (мадар ул-мулк)[176]. Он не подумал, что [должность] «руководитель государства» нельзя возложить на слабые плечи и нельзя нести ношу царства человеку невежественному. Затем он сказал: «Да [еще] моего сына, который по способности все уничтожать и по жестокости — сущий огонь, должны возвести в должность туксабы»[177]. Помимо этого он потребовал в виде подарка десять тысяч золотых для вспомоществования войску. Все эти фантастические мысли его указывали на то, что он хочет убрать [свои] подлые ноги с непосредственного пути повиновения [своему законному государю].

Стихи:

Представляя это, он говорит [себе]: «О сердце, какое ты умное!»*
[Но] увы, это ложное воображение! Увы, это фантастические идеи!

Естественно, упомянутые эмиры наложили печать молчания || на рубиновый ларчик [своих губ]. Лишь [один из них], Хашим-ходжа 51*б*
накиб, сказал ему смешанные со страхом назидательные слова, которые, однако, оказались бесполезны. Да, как хорошо сказал.

[Двустишие:]

Почему не входит железный гвоздь в камень?*
Какое может произвести действие слово на сердце, которое твердо, как наковальня?

Рассказывают, что [Абдулкарим] приказал ночью группе лиц пойти вооруженными и вполне готовыми [к бою] и устрашить послов, «чтобы они, видя и слыша, как мы страшны, рассказали бы по возвращении [об этом] бухарским эмирам». Но послы не обратили никакого внимания на эту группу людей. Короче говоря, когда Хашим-ходжа накиб и Авез Баки хаджи увидели, что напильник советов не оказывает никакого влияния на железное сердце того злосчастного [Абдулкарима], они поневоле направили вожжи [своего] величия в направлении к обители [верховной] власти, || к г. Бухаре. [По прибытии туда] они доло- 52*а*

жили обо всем виденном и слышанном его величеству хану. Государь, равный величием Джемшиду, и монарх небовидного дворца изволил сказать следующее: «Мы хотели сего неудачливого [Абдулкарима] возвысить из праха ничтожества до апогея почета, но он не познал ни своей цены, ни того, сколь близко к нему была наша милость. Как хорошо сказали —

[Стихи:]

Не старайся воспитать дурного человека от рождения,*
Как не давай похотливому глупцу хорошего вина!
Дурной человек еще больше кичится своим высоким положением,*
Как змей, который, становясь сильнее, превращается в дракона.
Ходжа Абдулла Хатефи[178] тоже в этом отношении так говорит:*
«Если черный ворон снесет яйцо,
А ты подложишь его под павлина райского сада,*
То в то время, как он его высиживает,
Если даже ты будешь давать ему семена райской винной ягоды,*
А [архангел] Гавриил станет дышать на то яйцо своим чудодейственным дыханием, ||
52*б* И ты будешь поливать его водою райского источника Сальсабиля, —*
Оно в конце концов все же останется яйцом ворона
И напрасны останутся труды павлина [райского] сада».*

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОСЛОВ

Ткачи дорогих шелковых материй[179] из человеческой мастерской и удивительные художники из чертога красноречия так передают. После возвращения послов по распоряжению Абдулкарима шайки багринов, подобно ужасному [сокрушительному] потоку, произвели набег на туманы прекрасной Бухары до самого Ваганзи и Гиджувана[180] и всякие тернии и валежник, которые им попадались на глаза, смели потоком бедствия. Открыв руки для грабежа и расхищения, они предавали потоку и разграблению движимое и недвижимое имущество народа. Когда ужасная весть об этом дошла до его величества государя, он
53*а* вызвал во дворец всех великих эмиров || и высокостепенных везиров согласно повелению [Аллаха]: «*Советуйся с ними о делах*»[181]. И они последовательно совещались [по сему поводу]. «Убежище войны» и «сфера действия меча», Ходжим Яр дадха дурман, сын Аллаяр аталыка, преклонив колени почета на землю почтения и коснувшись челом расположения земли счастья, произнес в похвалу следующие слова.

Стихи:

«Твой дед смыл с листа времени тиранию,*
Справедливость твоего отца исправила сокрушения, [сделанные беззаконием].
О, на тебя как раз пришлась впору к а б а[182] царства,*
И вот смотри, с тех пор как ты живешь, твоя очередь править государством!

Государь — убежище мира, властитель трона и высокого положения, кипарис в парках [всего] созданного, роза в садах провидения, — всепрославленная и всевышняя истина да сохранит || и защитит [вас] 53*б* от губительного самума времени, от [холодных] ветров осени и от [случайности] смены дней и ночей под покровом чистоты и под благополучием защиты пророка и его благородного семейства! Если некоторые, вроде Абдулкарима, похваляются на арене дерзости, бьют в барабан кичливости на открытой террасе гордости и заявляют притязание на божество в замке высокомерия, то — хвала Аллаху! — мы, рабы [ваши], тоже [своими] блестящими копьями, которые суть ехидны, высасывающие мозг из голов врагов, и как ресницы, выступающие над глазами неприятелей, поражали [последних], и свои сыплющие огонь мечи приручили свивать гнезда в черепах храбрых, а стрелы в колчане, которые суть фениксы, усевшиеся на вершине Кафа почета[183], на талиях [воинов], мы многократно, как || воробьев, заставляли дерзко вспархивать с рук. 54*а* Среди людей нашего времени есть пословица: «Его мать по разрешении от бремени кушала х а л и л о б у; разве наша мать тоже не ела х а л и л о б ы?»[184]

Когда высокостепенный дадха закончил это выступление, каждый из именитых эмиров и самоотверженных рабов, пришпорив скакуна доброжелательства на ристалище риска своею жизнью, заявил его величеству о своих молитвах за него и о благопожеланиях. Его величество, стремени которого сопутствует Луна, всемилостивейше соизволил сказать: «Да, я тоже надеюсь на [моих] добрых слуг и людей, что каждый из них, забив в барабан доброжелательности на террасе Сатурна расположения [к нам], заявит [об этом] во всеуслышание, ввергнув ударами этого барабана землетрясение в страну души врагов || и смятение в город их жизни, — мы же обильно изольем из 54*б* облака милости и благодеяния, что существует в небе [нашей] щедрости, драгоценные камни [наших] даров и благоволений на голову каждого доброжелательного раба, который есть море, полное перлов

храбрости, и нива, покрытая зеленью войны». Словом, упомянутый дадха вместе с [другими], из коих каждый был справедливым эмиром[185] и кои, будучи подстрекаемы арапником усердия, втащив цепь правосудия на арку храбрости, по Чингизханову обычаю сняли с голов чалмы и удостоились прочитать [за хана] первую суру Корана, семь стихов которой являются убедительными доказательствами [истинности] Корана. [Это были такие лица], как Абдулваси' дадха юз, Шах
55*а* Мухаммед дадха, сын Оз Тимур-бия || диванбеги катагана, Ир Назар дадха, сын Хушхаля парваначи катагана, Яр Мухаммед ишик-ака-баши минг и многие другие, имена которых было бы утомительно перечислять. Будучи отпущенными [с высочайшей аудиенции], они отправились в укрепление Гидждуван перехватить дорогу шайкам грабителей, надеясь отразить их. Через несколько дней 15-го хута[186], когда Солнце, появившись, в [пределах] своего знака зодиака [Рыбы] утвердилось в знаке Венеры, которая является увеселительницей в собраниях неба, и в пределах (б. доме) Юпитера, являющегося владельцем обители небесных сил, в это время эмиры могущественного государя: «опора эмиров», лев
55*б* из чащи храбрости, герой арены мужества Хаким-бий аталык || и почитаемый великий везир, славнейший и совершенный с а д р[187], благочестивый человек обители аскетизма, гордость святилища подвижничества, соловей утренней зари того, что указует различие между добром и злом, оглашающий луга пением полных убедительных свидетельств стихов Корана, паломник к обоим священным городам Аравии Абдулла хаджи кушбеги, — поистине существо его было перлом в пределах [духовного] равновесия, а сердце — жемчужиною, состоящею из смеси совершенств и государственного руководительства, а [сам он], рассуждающий о науках повествуемых и попугай историй умопостигаемых; Кутлук-бий диванбеги сарай, Низамульмульк дервиш — природный храбрец, обладающий чистым сердцем, воин по убеждению, Мухаммед Яр парваначи дурман, лев из чащи арены боя, Рустем Сеистана, импозантный крокодил морей, меч и орел гнезда стрел, доброжелательный, ||
56*а* благорасположенный махрам небовидного дворца, Багрин бакаул и другие эмиры, а равно и все рабы [его величества], удостоившись прочитать за его величество фатиху[188], поспешили выступить против невежественных врагов. Оставив при его величестве [хане] и в высоком арке Низамульмулька, Платона по своим природным качествам, Александра Македонского по деяниям, личного секретаря по своим на-

клонностям и храбреца по поступкам, Авез-бия парваначи и Шакир мирахура сарая, они направились к крепости Гидждуван.

Что касается вышепоименованных дадха, то они захотели атаковать врагов, но в это время пришло потрясающее известие, что в силу коварства вероломного неба и вращения непостоянного времени — коих всегдашний обычай именно таков! — Ходжим Яр-бий дадха, Абдулваси' дадха со [своим] сыном, Яр Мухаммед ишик-ака-баши, сыном Бек Мухаммеда дадха, Пулад курчибаши и многие другие от дурного глаза судьбы попали в плен к неприятелям. Да, || действия 56*б*
судьбы всегда бывают столь двуличны, что она на потеху лисице низвергает льва в колодец обмана!

Стихи:

Когда судьба завлечет какого-либо льва в оковы,*
То она крепко будет держать его в [своих] цепях,
Когда же небо освободит его от этого,*
Оно назовет его свободным кипарисом.

Подробности пленения этих эмиров были таковы. Упомянутые эмиры со спокойным сердцем и душою расположились поблизости крепости Хазора[189], как вдруг совершенно неожиданно на них напал вражеский отряд. Когда доброжелательные эмиры увидели нападение неприятелей, каждый из них немедленно привел себя в боевую готовность, вскочил на своего быстрого скакуна, вылетел навстречу этой банде грабителей и все завязали с нею жаркий бой. Когда их войско рассеялось, подобно звездам Большой Медведицы, ожерелье же вражеских [сил] || собралось вместе подобно Плеядам, тогда дурной глаз 57*а*
непостоянной судьбы, который не свободен от [принесения] злополучия и который называют Глазом Тельца (Айн ус-саур), посмотрел на доброжелательных возлагателей короны[190]. Хотя эмиры и надеялись, что для устрашения этой беды коловратного неба, сжегши в курильнице огненного треугольника руту Сатурна[191], окажет содействие счастливая молитва обладателя обители [неба], Юпитера, но группа грабителей окружила Ходжим Яр дадху и направила на него исторгающие жизнь копья и блестящие шашки. Однако упомянутый дадха, подобно Рустему, сыну [Заля] Дастана, сверкнул своим блестящим копьем и, пришпорив своего коня, [бросился на врагов] и стал поражать их в печень, а временами брал рукою стрелу, как высоко парящего царственного сокола, и посылал ее из лука, как охотничью

57*б* птицу царей, пока этот орел стрелы, имея птичий полет, || не опустошал гнезда земли от вороноподобных злостных послухов. Иногда он водою меча приводил в движение мельницу небытия и рассекал на части целого врага, временами громко восклицая «Аллах велик!» Аина Низамуддин, покоритель областей Китая, рвал на части барабанные перепонки ушей сердца врагов. Вдруг курчибаши, сын Бек Мухаммедбия, подобно блестящей молнии, разгорячив коня, яркой падающей звездой из созвездия Стрельца стал прямо в цель разить стрелами тела врагов, кои прокляты в божественном чертоге, и исторгать из их мозгов дым горести. Один из вражеского дьявольского отродья бросился на него и молниеносно, на всем скаку, поразив его, сбросил на землю и ранил его в плечо до уха. Ходжим Яр дадха, ввиду той близости и дружбы, которая связывала его с курчибаши, повернув коня с целью нападения [на одолевшего его врага], хотел при помощи [своей]
58*а* храброй руки || извлечь курчибаши из опасного водоворота. Но враги веры, узнав его замысел, в числе около ста человек, окружив, начали поражать его ударами [шашек] и дадха поневоле выпустил ноги из стремян и выпрыгнул из седла на землю. Подобно яростному льву и гремящему дракону, он бросился на эту банду.

Стихи:

Как страшный лев, он своим нападением разжег битву;*
Воротник славы и его бесчестье в [его] руке.
Пресекши жадность к весне жизни,*
Его сердце исполнено опасности от осени смерти.
Пеший, [бросающийся] во все стороны, опьяненный боем,*
Он — пловец-крокодил в море почета.

Наконец один из врагов вскричал: «Сын бека, не ввергай себя в пропасть опасности и в водоворот небытия! Залей водою мира огонь вражды и брось из рук шашку, чтобы спасти себе жизнь, а не то ты не уйдешь живым из наших рук! ||

58*б* [Двустишие:]

Если муравьи соберутся вместе,*
То они заставят страшного льва лишиться шкуры».

Поневоле дадха бросил шашку, отшвырнул свое оружие и сдался в плен. Когда дадха попал в руки [врагов], Абдулваси' дадха, столь же

храбро сражавшийся, тоже попал в плен вместе со своим дорогим сыном Чагатай беги. Яр Мухаммед ишик-ака-баши минг таким же образом оказался захваченным. Шах Мухаммед дадха и Ир Назар дадха, повернув коней, спасли свою жизнь. Неприятели, пленив упомянутых эмиров, вернулись с ними в Кермине, где ввели их в дом почета и посадили на палас веселья. Поскольку же они наложили цепи на их ноги, постольку перстни дадха[192] отправили в Самарканд, к неблагодарному Раджабу, заявившему претензию на царственное происхождение, и к Ибрагиму, [этому] дьяволу по поступкам, явному слепцу. || Этим Абдулкарим извещал [Раджаб-хана] об очередной 59*а*
своей победе, которую ему удалось одержать. Упомянутый Раджаб каждому из пленных эмиров послал по письму, обнадеживая их своими беспримерными милостями. Когда эти письма несчастного, сбившегося с пути [Раджаба] дошли до эмиров, они не обратили на них никакого внимания и не выказали [к ним] почтения по Чингизханскому установлению. Абдулкарим сказал: «Что же вы не оказали почет нашему Раджаб-хану?» Ходжим Яр дадха ответил: «О несчастный, людям, которые долгие годы и многие века, как красивой розой, покрывали головы постановлениями счастливых государей и могущественных султанов, из которых каждый — Джемшид трона миродержавия и Солнце небес царственного достоинства, не пристало продаваться, как горсти сухого валежника, что встречается в пустыне лишения или в солончаковой степи мира. Человек, который || вкушал 59*б*
пищу от стола Сейид Абулфейз Мухаммед бахадур-хана, как может удовлетвориться блюдом с остатками пищи проклятых дьяволов? Если ты обрушишь со всею жестокостью на мою голову распоряжение того злосчастного [Раджаба], то не исключена возможность, что от огня своей горячности и от пламени [борьбы за] честь я стану горстью праха, как будто я сжал рукою горящий уголь. О проклятый Абдулкарим, не обольщайся этим призрачным миражем, который есть не больше, как только нечто кажущееся, и не ввергай себя в видимость невидимого [тобою] тщеславия, ведь в конце концов ты пойдешь от моря счастья с запекшимися от жажды губами.

Двустишие:

Бытие некультурных людей бывает безрезультатно,*
Подобно зерну, ставшему зеленым внутри кучи обмолоченного хлеба.

Эти советы и увещевания не произвели, однако, впечатления на его тирана [Абдулкарима]. Естественно, раз его жестокое сердце было смешано с ржавчиною низости, то он оказался невосприимчив к подобным наставлениям. Дадха же, [тем не менее], как только его видел,
60*а* начинал его уговаривать, но тот, || незадачливый, говорил [ему] о своей преданности Раджабу. Дадха в ответ читал ему следующее стихотворение Мовланы Абдуррахмана Джами[193].

[Стихи]:

Сделать ногтем щель в стали,*
Разгрызть зубами гранит,
Поставить на темя сотню груженых верблюдов,*
Бежать с Востока на Запад,
Идти босому к горам Каф,*
Принести оттуда камень весом в сотню меров[194],
Сесть с удовольствием на горячую жаровню,*
Глазами собирать куски огня, —
Джами все кажется легко, [как]*
За одно ячменное зерно считать себя в долгу у людей низкого происхождения.

Составители деловых писем (мунши) и авторы исторических сочинений говорят, что так как Абдулкарим предпочел сборище разного сброда, то, укрепив города [округа] Кермине, он предпринял наступательные действия против таких [пунктов], как крепости Узулушкент и
60*б* Хазора. В крепость Узулушкент[195] || вошел Таши калмык, один из рабов Нияз хаджи катагана, и оказался [потом, как увидим], осажденным. В то время Таши калмык столь был славен своею храбростью, что не было подобного ему никого из вышеупоминавшихся знаменитых неприятельских воинов и ничье имя не называли в беседах на собраниях столь часто, как имя Таши калмыка. Великие [бухарские] эмиры решили с общего совета выступить сначала против крепости Узулушкент и взять ее, а потом отправиться в Хазора. Короче говоря, Хаким-[бий] аталык, Абдулла кушбеги и прочие эмиры, подойдя к крепости Узулушкент, осадили ее. Славная узбекская молодежь и молодежь из махрамов ежечасно совершали нападения на эту крепость, сверху которой [осажденные] открывали ружейный огонь; от него гибло много людей из победоносного войска. Яукашти мирахур, сын Гаиб Назар
61*а* аталыка, и его брат Мухаммед Салах парваначи, || Мухаммед Рахим ишик-ака-баши, внук Хуррам хаджи, а из махрамов — Абулкасим

курчи, сын Мухаммед Салаха курчи калмыка, и группа калмыков высочайшего двора[196]—Карчигай-бий, Лачин-и Хисари, Шахбаз и другие произвели отважное нападение на упомянутую крепость, но так как она была сильною крепостью, то взять ее [им] не удалось. На другой день, когда султан-солнце, освещающее вселенную, усевшись на белого коня неба, поднял кверху храбрую, сыплющую золотом круглую голову своего существа, в это время славный и совершенный министр, попугай зеркала громкого чтения Корана[197], соловей из луча чтения [той же священной книги], Юпитер в созвездии кельи ученого, сфера богомыслия, великий Са'д неба министерского поста —

Стихи:

В этой ханака голубого неба*
От его пометок образуется знак поклонения божеству.
Его сердце — в покорности, его душа — в смирении,*
Его голова склонена в молитве, а тело согнулось в поклонах.
Умный, ученый, достойный человек[198]*
. . . . . .
Внешне он на деле, || а сердцем идет по пути веры[199],* 61*б*
Все дела его и поступки пленительны,
Его имя Абдулла, а прозвище хаджи,
Он по должности счастливый [везир], достигший этого личными качествами.

[Этот Абдулла хаджи кушбеги], подобно волнующемуся морю, которое одело бы от нападения волн кольчугу [своего] бытия, натянул еменскую кольчугу, надел на перевязь египетскую шашку, заткнул за пояс, как лилию, кинжал; как цветок, вскинул на плечо круглый золоченый щит; [взял в руку], как вращающуюся ось земли, копье и подобный новолунию, исторгающий душу, лук; привязал к поясу колчан, похожий на ресницы красавиц[200], сел на дорогого гнедого скакуна, коему сопутствовала крайняя быстрота бега, и, распалившись, как молния, с крайней стремительностью, так что из-за страха перед его поводьями мысль отлетала вдаль, он, подобно блестящей, падающей звезде, испепеляющей печень, устремился к Узулушкенту. [Приблизившись] к этой небовидной крепости, он, достоинством равный [планете] Юпитер, во всем величии пребывающей в знаке зодиака, властно остановился против нее. || Точно так же «опора эмиров» Хаким-бий ата- 62*а*
лык, из-за страха перед копьем которого сам Марс, главнокомандующий небес, прячется в свой шатер и под ударами которого, подобно

ударам Рустема, злые духи Мазандерана — Миankаля[201], полные проявлений лжи, остановились на вершинах гор Каф, не отставая от великого везира, соединился [с ним], подобно соединению [в одном созвездии] Луны и Солнца. Сопутствовавшие им молодые заступники, из коих каждый уподоблялся планете или неподвижной звезде в своих остановках, тоже остановились справа и слева, или, выражаясь потюркски, онг ва сол. Защитники крепости, подобно флажкам его лазурецветного замка, выстроились наверху крепостной стены, приготовившись стрелять из пышущих огнем, как драконы, ружей. Когда именитые эмиры увидели, что [их] воинственная молодежь медлит броситься на крепость, то пламя возбуждения и искры ярости охватили
62*б* всю грудь || кушбеги, заполнив ее, подобно разнообразным розам, подобно высоко взлетающему царственному соколу, когда он устремляется ввысь с руки славных султанов. [Абдулла кушбеги] спрыгнул со своего коня и, подобно Луне, когда она в апогее полнолуния временами окружается ореолом, показывая из него свое круглое блестящее лицо, он направился к крепостным воротам, зычным голосом возглашая такбир[202], подобно громоносному весеннему облаку, раскаты которого потрясают человеческий слух и сознание. Нет, нет это сам Рустем Сеистанский шел против крепостей Турана, стараясь забраться [по каменистым] ступеням на высоту гор! Враги, [видя это], открыли с крепостных стен сильный ружейный огонь и стали бросать тяжелые камни. Абдулла кушбеги, не обращая на это внимания, про-
63*а* являя отвагу, обрушивался тяжелой палицей || благожелательства [к отечеству] на стены крепости и тела врагов. От дыма ружейных выстрелов мир так омрачился, что блестящие лучи Солнца казались едва мерцающим светильником. Крики и вопли, свист стрел и гром ружейных выстрелов производил столь невероятный хаос звуков, что сотрясались опоры всех органических тел и содрогался вид самого неба.

Когда «опора эмиров» [Хаким-бий аталык] и другие воины увидели подобную отвагу [Абдуллы кушбеги], то они, [воодушевившись ею], бросились на приступ крепости. [Но] так как та крепость была очень сильною, то ее взятие оказалось делом весьма трудным. Старые воины и рассудительные [герои] тысячью криков и воплей вернули обратно [Абдуллу] кушбеги и «опору эмиров» [Хаким-бий аталыка]. Когда все уселись в ставке эмиров, последовал приказ кушбеги мулозимам и наукарам, чтобы они открыли гостиницу милостей и доставили прочим войскам вкусные и жирные кушанья вместе с кормом для лошадей. Хаджи Фаттах диванбеги и другие мулозимы во исполнение

этого приказания долю каждого причастного к [сему] столу милостей составили из гранатов, сластей, сладкого сиропа и шербета. || Подобно 63*б*
весенним облакам, удовлетворяющим каплями дождя растения и листы дерев, они одаряли [военных] разноцветными парчовыми, раззолоченными халатами. И столько раздали подарков рядовым военным и начальствующим лицам, что когда вести об этом последовательно дошли до высочайшего слуха [Абулфейз-хана], он не пожалел своих царственных милостей для эмиров, а особенно для [Абдуллы] кушбеги. Действительно, в этом походе кушбеги проявил [огромную] преданность [престолу] и самоотверженность, и некоторые люди, которые по [своей] недоспелости вскипели, подобно котлу, [от зависти к нему] и подобно ложному позыву к еде заленились [в своей] недопеченности, теперь замолчали.

Известно, как хорошо сказали умудренные годами старцы и умные люди — [эта квинтэссенция человечества]—

[Двустишие:]

Тридцать-сорок лет надо трудиться сверх сил,*
Чтобы сказали: «Он — умный человек!»

В то время, когда кушбеги находился при осаде [крепости] Узулушкент, [произошло следующее событие]. У него был сын, весьма совершенных качеств и необыкновенно красивый, как полная Луна. || 64*а*
Ему едва исполнилось восемнадцать лет, и он только что вступил в девятнадцатую весну своей жизни. Он был [стройным] кипарисом в прекрасном цветнике и распустившеюся розою в саду молодости. И совершенно неожиданно под влиянием дурного глаза [жестокой] судьбы ему причинился вред в голову и туловище, плотник-судьба положила пилу небытия на ветвь его существования и он унес одежды сего преходящего мира на станцию мира вечности.

Стихи:

В горести по тебе [громко] зарыдало само [время],*
Окрасив все тюльпаны кровью [своих] глаз.
Роза разорвала [свой] пурпурный воротник,*
А Луна набросила на себя [в знак траура по тебе] черный войлок.

Пишущий эти строки, ничтожный автор, составил такую хронограмму на смерть этого юноши —

Стихи:

Пришла весна цветущей молодости, и*
Розовый цветник расцвел [своею] красотою.
У взволнованного соловья опьянело сердце от радости при взгляде на него.*
Розовому цветнику еще не пристало быть во всей своей красе:
Чисто осенний ветер разобьет эмаль его удовольствия.*||
64*б* [Хотя] эмаль бутонов, полная вина, [была] в руке розового куста,
Вдруг по предопределению судьбы эмаль его жизни выскользнула из его рук,*
Рука живительного утра открыла двери луга,
Но пришел суровый осенний ветер и запер двери удовольствия.*
Земледелец мира возделывал поле, поливая его водою,
Как вдруг молния, сверкнувшая из облака горестной смерти, опалила его.*
Она уничтожила на гумне цветника [его] краски и унесла розу [его] жизни.
Т. е. наш Бурхан-бек[203] освободился от [своего] двухдневного существования[204].*
По каравану раздался крик: «О юноша,
Встань от крепкого сна, [ибо] паломники жизни связали свои дары, направляемые ими в Мекку и Медину.*
Таково было определение вечности, [начертанное] в чертоге предвечного, [ибо]
Секретарь первого дня творения [записал] на свитках судьбу [всех] людей.*
Да увеличит жизнь отца этот сын, лучший из рабов [Аллаха]!
Да увеличится счастье последнего (т. е. отца) на пиру почестей, пока он существует!»
65*а* Дату смерти этого мальчика выразил Тали' [своим] искусством, ||
Когда тот прекрасный кипарис через смерть разлучился с отцом.*
[Когда] ушло [все] украшение сада, соловей и роза,
Он определил эту дату выражением: «Сердце — овлажненное страданием[205].*

Однако известие о смерти сына не уменьшило преданности [престолу со стороны Абдуллы кушбеги]. Произнося коранский стих: *«Подлинно мы принадлежим Аллаху и к нему возвратимся»*[206], он горько заплакал, тем не менее сохранил твердость духа и стойкость. О Аллах, Аллах, никогда ни один человек не проявил такой самоотверженности и такого искреннего расположения [престолу], как кушбеги! По приказанию сопутствуемого Луною государя и по благожелательному мнению великого ходжи и великого мехтера были оказаны разные милости [войскам, бывшим под Узулушкентом], и осада крепости про-

должалась. Бухарские войска перерезали дорогу на Кермине, так что никто не мог добраться до осажденного в Узулушкенте Таши калмыка. Крепость эту осаждали уже двадцать пять дней. || Когда положение Таши калмыка стало безвыходным, он в одну из ночей с 10—15 людьми бежал из крепости, перебрался вплавь через реку [Зарафшан] и направился в Кермине. Узулушкент был взят, и бухарцы предали все в нем потоку и разграблению, несмотря на приказание его величества, сопровождаемого при стремени Луною, чтобы никто не смел трогать тамошнее население. [Хаким-бий] аталык и [Абдулла] кушбеги тоже были недовольны [такими действиями войска], однако мародерам это не понравилось и потому они разграбили все вещи и все имущество населения. Через 15—20 дней после овладения крепостью великие эмиры и бухарские войска отправились против Хазора. Эта крепость была весьма сильною, так что ты,—хвала Аллаху!—сказал бы, что верх ее стен касался неба, а ее крепостные зубцы своими верхушками были наравне с короной двух звезд Малой Медведицы[207]. || Глаза звезд через бойницы крепости[208] были видны, как глаза сторожей. Население ее никогда не могло заснуть от грохота вращающихся [над нею] небес[209]. До такой степени она была сильно укреплена, что превышала укрепление Харумана и стены Александра [Македонского][210], которые перед нею казались крепостями солончаковыми и их укрепления перед ее твердынями были [просто] руинами. 65*б* 66*а*

[Перед этим] два сына Абдулкарима, Ходжа Джан, Ходжа-йи чахарбаги, дядя по матери Раджаб-хана, который сделал его своим накибом, вместе с сыном Фархад аталыка, Ходжим Яр мирахуром и группой других лиц, всего около 300 человек, подойдя к крепости [Хазора], вошли в нее. Когда благожелательное [бухарское] войско осадило эту крепость, то [оказалось], не было никакой возможности взять ее военными действиями. Говорят, что основание этой крепости положил Афрасиаб[211]; действительно, она была [столь крепка], как будто ее сделали из семисплавного металла[212]. На стене этой крепости были построены дома в семь рядов, || что свидетельствует [о том], сколь она была обширна и широка. Бухарские молодцы, перехватив дорогу [между Кермине и Хазора], не пропускали из Кермине никакого провианта в Хазора. Однажды на заре они захватили несколько лошадей и постепенно пересели на них. Время было весеннее, погода была влажная, как глаза любовников, не было дня, чтобы не выпадали дожди, и поистине такой дождливой весны еще не бывало. Несмотря на это, люди днем 66*б*

и ночью пребывали вокруг крепости. Отряд туркмен, юзов и буркутов из-за доброжелательства пришел на помощь к осаждающим, вроде сына Даулат Мухаммед туркмена и других. Словом, осада [крепости] затянулась. Около одного месяца и двадцати дней, окружив ее, [бухарцы]
67*а* проводили правильную осаду; они со всех сторон || устроили искусственные доминирующие высоты (саркубы) из досок, вроде домов из нескольких убежищ, возвышавшихся одно над другим. Несмотря на это, дело все же не двигалось. Хаким мирахур, призвав благословение Аллаха на его величество [хана], направился на Кермине с целью его захвата; его сопровождал Хаджи буркут. Когда они приблизились к Кермине, о его движении узнал неприятель, и упомянутый мирахур, вернувшись, прибыл под Хазора с отрядом туркмен. В день его прибытия крепость сдалась. Дело в том, что в ней не было воды, а в находившееся против крепости озеро бухарцы бросили убитую собаку, опоганив этим воду, чтобы враги не смогли ею пользоваться. Оттого, что положение неприятелей стало [крайне] стесненным, они по необходимости попросили мира, настаивая на том, чтобы им дали возможность оставить Хазора
67*б* и свободно уйти в Кермине. Бухарские эмиры || приняли это предложение. С обеих сторон начались переговоры. Кучик-ходжа, получивший в управление Миankаль и отличавшийся красноречием, отправился в Хазора [от лица осаждающих] и [вместе с представителем защитников крепости] Ходжа Джан-ходжою оформил условия договора. Но гарнизон Хазора [бухарцам] сказал: «Отойдите в сторону и встаньте вдали, а мы выйдем из ворот и отправимся в Кермине». Отведя свои войска от Хазора на расстояние приблизительно одной станции пути, аталык и кушбеги с прочими эмирами остановились. Как только гарнизон вышел из крепости Хазора, все чунаки[213] и Хаджи Назар дадха хитай, которые [перед этим], отказавшись от [всего] своего имущества и поступив на службу к его величеству хану, оставили у себя лишь лошадь, бросились со всех сторон на гарнизон. Это было днем около намаз-и
68*а* дигара. Оба сына Абдулкарима имели || надежных лошадей и потому ушли подобру-поздорову. Сын Фархад аталыка пал от руки туркмен-юзов, Ходжа Джан-ходжа, принявший на себя звание накиба сбившегося с пути Раджаба, был убит, так что [всего] приблизительно пало двести человек. Хазора была взята. Из войск, бывших около трех месяцев на лошадях и в войне, некоторая часть вернулась в город [Бухару] при аталыке и кушбеги, [прочие] остались в ограниченном количестве [в Миankале]. По необходимости с общего совета [эмиры]

решили, что кушбеги и Багрин бакаул отправятся [к его величеству Абулфейз-хану] и, взяв его благородную личность, || заставят его вы- 68*б*
ступить против врагов. Оба [вышеназванных] благожелательных махрама, явившись во дворец, довели до высочайшего внимания мнение эмиров. Его величество, божественная тень, найдя правильным мнение эмиров, решил сесть на коня, выступить [походом] на врагов и сокрушить их. Астрологи [высочайшего], подобного небу, дворца нашли [для сего] благоприятным днем понедельник 11-го ша'бана. Его величество [хан] отдал приказание отправить вперед все необходимое при его [личном] походе. Ввиду [сего] || [так] и сочли этот поход решенным. 69*а*

ПРИБЫТИЕ ПРИБЛИЖЕННЫХ ДЕРЖАВЫ ИЗ ХАЗОРА

Двустишие:

Тонко мыслящие о деталях сферы совершенства [и]*
Проницательные прекрасные невесты [истории]

так повествуют. Когда великий везир, уважаемый администратор, шествующий к Ка'бе умерщвления страстей, обладающий ясным и совершенным взором очевидца, хранящий доктрины руководителя [веры Мухаммеда], то есть Абдулла хаджи кушбеги, и любящий народные сердца[214], командующий ареною доверия, Багрин бакаул прибыли из Хазора, то, положив на блюде доброжелательства и самоотверженности разные дары и советы эмиров, они представили на высочайшее благовоззрение божественной тени следующее: «Если уважаемый хан-государь, квинтэссенция потомков Адама, избранник рода человеческого[215], Солнце Джемшида Востока и Запада, подобно высочайшему светилу на хризолитовом горизонте небесного ожерелья, взойдет на небеса прекрасного города Бухары, с божественною помощью [мобилизует] поток сияний — || движенье могущественного войска, подобного лучу 69*б*
дыхания раннего утра, который, сокрушив хворост и щепки узкоглазых планет, скрывает их в море заката, то так же, как это могущественное войско уносило врагов в волнах блестящих мечей и с корнем вырывало основы их бытия, так и мы уничтожим их!» Все министры и придворные собрались на этот совет. Когда мудрый и достойный везир, счастливый полновластный ходжа, помогающий вере, книга высокославной нравственности, страница культурных знаний вселенной, автор сборника нравственного величия, пищущий начерно листы искренней дружбы и любви, великий ходжа, отмеченный знаками Гудерза[216], Асаф

по описанию[217], Низам ул-Мульк[218] сферы власти, оживитель милостей, все должности знающий, т. е. попечитель о положении бедных и неимущих и мечетей, Ходжа Инсаф; благожелательный, пророк возрождения, благодатный махрам, высокоименитая сфера войны, знаток сво-
70а его дела, || паломник к обоим священным городам Аравии, к Ка'бе величия, т. е. Хаджи Мушкин, и все дворцовые служащие и махрамы собрались на его совещание, как ожерелье Плеяд на небе, [они] стали совещаться обо всем том, что отразилось в зеркале дел государства и что было в отражении обладателя благих качеств[219]. Так что великие эмиры в конце концов пришли к заключению, что хорошо будет, если его величество благополучно выступит, как Александр [Македонский], и уничтожит потоком огня или мечом, вытащенным из печи ножен, твердыни Гога и Магога, племен багрин, хитай, кипчак и кенегес.

Последовал приказ, чтобы звездочеты и внимательно следящие за небесными светилами по движению планет определили наиболее счастливый час для царственного отправления в поход. Они, произведя наблюдения и выявив благоприятное влияние звезд, нашли все далеким от того, что внушало бы опасения, и довели об этом до высочайшего слуха. Так что в тот [указанный] астрологами счастливый час и в благо-
70б приятное время || выступили передовые части правительственных войск, благополучно совершая переходы. Мулла Абдуллатиф и Мир Муса астролог понедельник 11-го ша'бана определили [счастливым] днем, когда его величество до намаз-и дигара, подобно Солнцу, поднимающемуся над горизонтом из [своей] резиденции, сев в седло, выедет [в поход], как блестящий месяц, через ворота Углан[220]. Но ученый, господин небесной сферы, подобный Птоломею, Мовлана Сайфуддин, и пишущий эти строки увидели, что час, назначенный [вышеназванными] астрологами [для ханского выступления в поход], таил в себе опасности. Не напрасно символ ученых мира, достопочтенный философ, ахунд Мулла Хусейн Ваиз [ал-Кашефи][221] в своем труде «Лаваих-и Камар» («Скрижали луны») [правильно] заметил: «В выборе [дня] для путешествия астрологу надлежит быть проницательным человеком, а иначе случится вред для государства и верховной власти». В этой книге при-
71а ведено сорок три условия, определяющие выезды царей, || из них благоприятных двадцать одно. По этим указаниям, [основанным] на правилах [пользования] астролябией и на восходе счастливых планет, выступление [хана] было под семнадцатым градусом созвездия Девы, а Луна, являющаяся Галеном неба и управляющим активными небесами, [бы-

ла] в тридцатом градусе созвездия Весов, с которым лунный свет соединился путем охватывания со всех сторон. Поскольку упомянутый Мулла [Хусейн Ваиз ал-Кашефи] в [своей] книге написал, что такое положение звезд неблагоприятно, а другое то, что никогда четвертое созвездие (букв. дом) в конечном результате не существует для путешествий, зодиакальное же созвездие Стрельца отсутствовало с чрезвычайно счастливым его обладателем, планетою Юпитер, то не было никакого отношения к тому, чтобы его величество скоро возвратился из этого ужасного похода. А с другой стороны, [в этом положении созвездий] находилось [нечто] из того, что внушало опасения. Так как я, ничтожный, не был близок к небоподобному [ханскому] дворцу и [его] верным махрамам, то по этой причине я не мог достичь до [августейшего] порога величия и доложить то, что соответствовало случившемуся. Короче говоря, когда его величество, божественная тень, благополучно и счастливо || вложив ноги в стремена коня почета, направился против крепо- 71б
сти отщепенцев государства, все население шло подле августейшего стремени и, повернув свое лицо к михрабу молитв, [благоговейно] раскрыв ладони, просило у чертога [единого], ни в чем не нуждающегося здоровья [и благополучия] для его величества, господина [великих] степеней, [Абулфейз-хана]. В этом смысле стрела [народных] молитв присоединилась к цели выслушивания просьб [высшею истиною].

Двустишие:

О Шах, да будет благословенно твое выступление,*
И светлый дух — [твой] путеводитель!

Паломник же к обоим священным городам Аравии, упомянутый [Абдулла] кушбеги, положив на плечо упования на божественную помощь плащ смирения, пролил дождь слез из облака очей, чтобы от того [их] истечения луг на щеках царской жизни стал зеленым и цветущим, подобно райскому саду! Под этим же действием хана, подобного великолепием Джемшиду, мехтер Ибадулла, щедростью которого пристыжен и смущен сам Хатем[-и Тай][222], до [обратного] прибытия его величества в столицу, увидев совершенную звезду, (т. е. государя), подобно некоему месяцу, который вращался вокруг крепости небес, укрепленный сокровищницами сияний, до конца выполнил свое доброжелательство [по отношению к государю]. || На урочище Мирза-Халь, 72а
которое представляло собою луг, хан изволил остановиться с большой

помпой. Для оберегания [в его отсутствие] города [Бухары] был назначен Низамуддин Авез-бий парваначи, для охраны же высокого арка и всего населения города — Ходжа жилищ счастья[223] и министр — руководитель, талантливый человек, полирователь зеркал [душевной чистоты], украситель справедливым образом действий, со светлою душою достигающий своих желаний, опытный, осведомленный [о делах] государства, управитель блага царства, чистый сердцем, заботящийся о народе, требовательный до мелочей, справедливый приближенный его величества, чистосердечный Ходжа Инсаф.

Стихи:

Улицы города, благодаря его справедливости[224],*
Стали крепкими базами для жилищ.
Мудрый, нравственный Ходжа, ясномыслящий;*
Победа и одоление [у него] — в правой [руке, а]
Нравственная чистота — в левой.*
Его грудь наполнена религиозностью, а сердце — милосердием.
На кровле похвал [его] естество полноценно.*
72б Поистине тот || благожелательный Ходжа был перлом, украшенным уравновешенным характером;
Он был элементом, убранным подлинно изящными остротами.*

Как может перо объяснить его качества? Поскольку к числу его благородных доблестей относится то, что всю большую дорогу, на которой в зимнее время, ввиду ливней, народ ногами тонул в грязи, а руками в страхе хватался за сердце, он по собственной инициативе выстелил камнем, а на оросительных каналах построил мосты, подобно бровям красавиц. Он [раздавал неимущим] платья и тулупы и много делал тайных благодеяний. Он искренне жил ради Аллаха и все это раздавал во имя венца и трона победоносного и счастливого государя. Словом, когда Ходжа был назначен к сему делу, он принялся за сохранение высокого арка и лишенного войск народа, чтобы ни горячий, ни холодный ветер не веял над его населением. Когда наступала ночь,
73а Ходжа отдавал приказание, чтобы || горожане были на верху крепостных стен, подобно неподвижным звездам и планетам, смотрящими, ходящими и готовыми [отразить опасность]. Когда же наставал день, он требовал к [себе] министров и знатных лиц и отдавал [такие] приказания: «О люди, берегитесь, сто раз берегитесь и будьте внимательны к самоохранению! Мы ведь всем приказываем быть начеку, [ибо] город,

[его] население и ваши семьи — как бабочки, кружащие вокруг крепостных фонарей; будьте же бодрствующими и благоразумными! Если,— не дай бог! — враг нападет на город, разите его в голову ударами камней, стройте на улицах деревянные завалы, приготовьте каждый пять-шесть человек для охраны своей семьи!» Результатами такого распоряжения Ходжи было то, что досточтимый начальник, мехтер Ибадулла, «великий мехтер», составил || отряд почти в 200 человек 73б
из внутренней части города и в 200 человек из той, что за городской стеной, для несения караульной и патрульной службы[225].

«Убежище начальствования», Низамуддин Авез-бий парваначи кераит, сын Шах-бека диванбеги, тоже ничего не делал без совета с Ходжою[226]. Паломник к обоим священным городам Аравии, Хаджи Ашур тупчибаши, находился у подобного небесной сфере дворца с посохом стойкости в руках и также по распоряжению упомянутого [Ходжи] оберегал и охранял [высочайший дворец]. Ходжа был осведомлен как о стрелках при [каждых] воротах, так и о всех городских делах, так что —

[Стих:]

Если бы даже комар полетел, то он сжег [бы] свои крылья.*

Когда наступала ночь, Ходжа, как утро, набрасывал на шею плащ, брал в руку вместо посоха шашку и, гоня прочь сон и покой, не смыкал глаз до наступления дня. Аллах, Аллах, хвала такому опытному человеку! || Действительно, мало кто проявлял такое сердечное горе- 74а
ние [о вверенном ему деле] и такую опытность, потому что он служил трем, как Джемшид, могущественным государям и от каждого получал опыт, особенно за время своей службы в бозе почившего его величества Сейид Субхан Кули Мухаммед бахадур-хана, который в государствах бытия был бесподобен. Каждый выполнявший такую редкостную службу не будет нерадив и небрежен [к своим обязанностям]. На службе его величества хана-мученика, [Убайдулла-хана], он в том ужасном происшествии от начала до конца, вместе с совершенством [своей натуры], проявил самоотверженность. Да, сжигающий душу [в порученном ему деле] таким и должен быть! На службе его величеству он проявил полную преданность и распорядительность, особенно в должности, предоставленной ему в отношении высокого арка, которую он выполнял с крайней преданностью, как это выше объяснил пишущий это. Но ||

74*б* враг замыслил послать [на Бухару] отряд войска, так как его величество [хан] находился в Хазора, и, устроив ночное нападение, [хотел] взять город. Неприятельские шпионы принесли сведения, что, — хвала Аллаху! — чистый сердцем Ходжа, приближенный его величества Ходжа Инсаф, стоит во главе охраны и обороны города, так что —

[Двустишие]:

Если свеча поднимет голову кверху, ее голова сгорит,*
Если комар полетит, он сожжет свои крылья.

[Всю] ночь до утра, подобно планетам, Ходжа обходит [все] дозором, считая для себя покой сна запретным делом; он поставил весь народ на охрану городских стен, а ружейных и пушечных стрелков — у [городских] ворот, сам же [всегда был] осведомлен об их положении. Если [даже] десять тысяч всадников отправятся [под Бухару] при таком положении дел, то [все] они попадут в плен, благодаря порядкам,
75*а* установленным [этим] славным Ходжою. || Когда неприятели услышали о таких приготовлениях, они ослабли [в своих намерениях] и вернулись обратно.

Дорогой мой, таковы [должны быть] преданность и самоотверженность! Сей презренный богомолец оттого затянул свои слова, что крайняя степень преданности проявилась в том славном Ходже. Боже, да останется навеки, до дня Страшного суда, его прекрасное имя!

[Тем временем Абулфейз-хан] на остановке [в Мирза-Хале] пробыл три дня. Рабы [его] двора и благожелательные махрамы, подобно [звездам] в созвездии Девы, стояли на страже вокруг августейшей ставки, особенно «убежище войны», великолепный Даулат Таш Мухаммед шукурчи, подобный мотыльку, кружащемуся вокруг свечи, или горлинке,
75*б* которая в атмосфере кипариса кружится вокруг лужайки || и до наступления дня не имеет покоя от своего кружения.

Стих:

Жизнь подобна горлинке, потерявшей гнездо.*

Отсюда его величество отправился к благодатному мазару животворному, как чудодейственное дыхание Иисуса[227], сияющему, как Солнце, к Моисеевой сфере[228] могущества, чертогу [его] ослепительно сияющей руки, к [гробнице] святейшего шаха Накш-

бенда[229],— да будет священна память его! Там он совершил благочестивый обход ка'боподобной светоносной могилы [шейха], а оттуда направился к гробнице эмира Кулаля[230],—да будет священна память его! Затем счастливое ханское знамя было поднято и [его величество] двинулся по направлению к [урочищу] Ак-Сач, озарив эту остановку светом [своей] красоты. Был отдан [августейший] приказ, чтобы царская артиллерия, разрушительница центра вражеской армии, подобно весеннему [грозовому] облаку, которое громовыми раскатами сокрушает отвагу бесовского отродья || осени, открыла огонь. И пушкари ловко 76*а*
начали стрелять, чтобы пробить брешь в массивах стен и разрушить их до основания. Второй раз один человек из христиан, которые в этой местности известны под именем р у с с к и х, бывший из числа тех пушкарей высочайшего дворца, кои похвалялись огневою стрельбою, он, этот убийца страшного дракона, обратился [к хану с предложением своих услуг]. Так как обычаем этого народа и способом ведения войны ими было употребление з а м б у р е к о в[231], то последовал высочайший приказ [предоставить этому русскому свободу действий]. Тот христианин налил в мортиру нефти больше, чем позволяла обширность и вместимость его жерла, с большими усилиями забил туда чугунное ядро и выстрелил. Раздался ужасающий взрыв. Мортира разлетелась на три части, а тот русский отправился в небытие, в каменистые дебри ада: от сильного огня его разорвало на куски. Эта мортира была та, которая осталась от прихода в Балх Ауренгзеба падишаха[232]. Из Ак-Сача молодая отрасль пророческого покровительства [Абулфейз-хан] направился в крепость Хазора. ||

Копейщики, поражающие двуязычным пером, и мечебойцы, бро- 76*б*
вями до тонкости постигающие содержание написанного, так говорят. Когда божественная тень Абулфейз-хана счастливо и благополучно направилась из Ак-Сача в район города Хазора вместе с пожилыми и молодыми опытными [воинами], подобно освещающему мир Солнцу, по большой дороге упования на божественную помощь, то двинулись и [его] несущие ужасы Судного дня воины, подобно звездам, пришедшим в движение, или весеннему потоку, сворачивающему на пути целую гору. [Когда подошли к Хазора, то] все начальники войск и именитые люди явились [в ставку государя] с целью встретить его, поздравить с благословенным путешествием и облобызать его стремя. В крепости Хазора остались [лишь] опора эмиров, умудренный жизненным опытом Мухаммед Хаким-бий аталык и «руководство государством»,

Кутлук-бий диванбеги. Весть обо всем этом достигла Кермине, донесшись до слуха безрассудных ушей Абдулкарима. В это время к нему
77а присоединились Ибрагим, сын Рустема, Каплан кипчак || и сборище артиллеристов Миankаля в числе около тридцати тысяч человек, [в общем] войско, как бурный поток, как волнующееся море, из тех, у кого был провозглашен ханом Раджаб-султан, чье недостойное имя было подобно бессмысленной фразе или казалось непрочным образом, созданным художником-подражателем.

Стихи:

Не дает результатов дело подражательного характера,*
А если и будет от него что-либо, то плохое.
Если получался какой-либо результат от употребления мужского члена,*
То только в том случае, если имела место мужская потенция.

Эта банда наглых кровопроливцев, услыхав, что в крепости Хазора остались лишь Хаким аталык и Кутлук диванбеги с несколькими мулозимами, потому что все, как любовники, думавшие о [свидании со своей] возлюбленной, отправились навстречу августейшему кортежу, на общем совете решили направиться на Хазора и нанести поражение упомянутому аталыку или захватить его в свои руки. Однако они не знали, что для этой цели стае ворон и куропаток довольно одного тогрула, как для стада овец — одного хищного волка, [чтобы с ними расправиться]. Короче говоря, основываясь на этом незрелом и неполезном совете,
77б банда грабителей || и бесчестного сброда выступила по направлению к Хазора. Когда караулы победоносного войска, славного на весь Иран и Туран, известили о приближении полчища врагов Хаким-[бий] аталыка, последний, украсив свое авторитетное существо драгоценными камнями и цветами храбрости, а жемчужину [естества своего]—роскошью рубина энергии, отдал [такое] распоряжение: «Пусть сто и даже меньше мулозимов неустрашимо выйдут [из крепости] и, подобно стене [Александра Македонского, построенной] против народа Гога и Магога[233], перережут путь племенам багрин, кенегес, хитай и кипчак и, завернув ноги непоколебимости подолом спокойствия, подобно льву Аллаха [Алию], станут [на пути неприятелей]!»

И вот неожиданно на территории пустыни открылся бой. То скопище демонов, численностью около сорока тысяч человек, устремилось, подобно огромному потоку, окружило аталыка, а тот лев из чащи ко-

варства, крокодил моря бытия, схватив блестящую шашку, острый конец которой — украшение венца || управления государством, похищенного у беспомощного старца (?), а лезвие которого—железная преграда, разрывающая покровы подземной рыбы[234], прыгнул как барс с горной высоты, вскочил в седло и бросился на центр вражеского войска и как непрочную бязь разорвал их железные ряды и центр. В великом бою, где он разжигал пламя атаки, он сжигал гумно вражеской спокойной жизни. В какую бы сторону он ни бросал свое копье, он повергал им на землю подобного демону [врага]. То он своим исторгающим жизнь копьем делал в груди злосчастных врагов отверстия, как в пчелином улье, то, схватив рукою [свой] безжалостный меч, он, как Иосифа из колодца, вытаскивал его из ножен и опрокидывал им вверх ногами в колодец небытия насильников-врагов, то он выпускал из гнезда существования орла стрелы до тех пор, пока высоко парящий царственный сокол || стрел не доставал на пищу птиц. 78*а* 78*б*

Четверостишие:

В день сражения тот благородный человек*
Палицею, кинжалом и мечом
Рвал, резал и сокрушал*
У героев головы, груди, руки и ноги.

Так как проклятых полков было много, то они, окружив [бухарцев], напали на них со всех сторон. В это время «сфера действия Рустема», «убежище храбрости», Хакк Назар-бий дадха со [своими] двумя сыновьями и Ходжим Бирды ишик-ака-баши чунаком, подобного которому в бою не видел Рустем, отрасль Заля, и о подобном ему не слышало ухо небесной сферы, вместе с племенем чунак, которое из-за преданности [хану] все покинуло свои семьи, движимое и недвижимое имущество — все бросились в жестокую атаку на вражеский мост [через Зарафшан]. Под действием ресниц копий [неприятель], направив глаза своей воли к селению Мазар, обратился в бегство. Поток вод бухарских шашек, разрушив железный вражеский фундамент, как [какой-нибудь] хворост и сухие листья, вверг неприятеля в водоворот небытия. Вследствие такого нападения героев победоносных войск || яростный [бухарский] отряд погнал обессиленных врагов, преследуя их и отделяя ударами копий частицы их существа от соломы жизни. Кроме тринадцати человек, из именитых дахадаров[235], которых захватили при бегстве в плен, все [уцелевшие от избиения] враги бежали в расстроен- 79*а*

ном и опозоренном состоянии, возвращаясь к злополучному [Абдулкариму] в Кермине. Когда радостная весть об этом достигла государева слуха, румяный бутон его сердца распустился в цветнике его груди. Короче говоря, сопровождаемый Луною, его величество воздвиг над равниною Хазора свою разукрашенную палатку с верхом великолепного чертога и, подобный по пышности Джемшиду, воссел на трон кейанидов[236], творя повеления, а его могущественное войско, подобное [бесчисленным] сонмам людей, [собравшимся] в долине Страшного суда, заняло огромное пространство своим лагерем.

О ДОСТИЖЕНИИ [ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ] ГОСУДАРЕМ ОТМЕЧЕННОЙ БЛАГОМ [КРЕПОСТИ] ХАЗОРА

Когда его величество государь, равный пышностью Джемшиду, и [обладатель] солнцеподобного чертога разбил свою золотоукрашенную палатку, подобную куполу голубого неба на сапфировой [равнине] кре-
79б пости Хазора || и, как Солнце, водворив свое [в ней] благородство, расположился станом, — последовало неизбежное, как судьба, [высочайшее] повеление. Громогласные глашатаи и с зычными голосами бирючи объявили во всеуслышание, что все несущее ужасы Судного дня войско со своими знаменами и оружием, каждый в кольчуге с узкими кольцами, напоминающими небо, полное звезд, с привешенным у пояса благовонным, как амбра, колчаном, полным стрел из белого тополя, с круглым за плечом щитом, подобным розе, опоясанный мечом, что [остролистная] лилия, прошли бы украшенными перед испытующим взглядом государя. Когда ласкающий голос о [высочайшем] смотре войск, поданный глашатаями на высоких нотах, коснулся слуха высо-
80а кодостойных воинов, || каждый из военных героев, укрепившись и снарядившись наисовершенным образом, направился к месту сбора войск. Вдруг один отряд численностью около двухсот человек, каждый вооруженный сорока четырьмя видами оружия, стал производить стрельбу; каждый выстрел, подобно прямо летящему тираху[237], разрывал завесу мишени неба и делал предмет, как шелк, продырявленный наподобие сети. То они действовали шашками, направленными рукою ислама, которая уголки мечей сердца [нечестивых] племен джете[238] озаряла светом истинного руководительства. Затем смуглолицый человек, из числа состоящих на ханском довольстве лиц[239], «убежище сейидского достоинства», осведомленный об обязанностях накиба, [стоящий во
80б главе этого отряда] Мухаммед Хашим-ходжа || сейидатаи, которому бы-

ла пожалована должность накиба, приблизившись [к его величеству], открыв свои уста для похвал, благоговейно произнес —

стихи:

«О боже, пока будет существовать небо,*
Да будет жив в Бухаре шахиншах!
Да будет всегда его природа озаряема*
Милостями владыки лучезарного Солнца!»

И [затем упомянутый накиб] вместе со всеми ходжами из потомства Сейид-ата, вроде «убежища достоинства накиба», благородного Мухаммед Латиф-ходжа урака[240], сына внука Ходжа накиба, и прочих, приблизившись и удостоившись благосклонного ханского взора, прошли [перед ханом]. После того || показался другой отряд, от внушительного и сурового вида которого сам Марс плакал на эту страницу истории кровью, подобной киновари и мышьяку[241]. Концы копий этого отряда — когти львов, залегших в тростниковых зарослях, высоко взлетающие соколы их стрел (?) свивали гнезда в глазах орлов боя, а из облаков их безжалостных мечей [проливались и] сгущались капли крови врагов. 81*а*

Стих:

Облако, от влаги которого [все] становилось зеленеющим
и цветущим.*

Подняв свое знамя, они задевали [его верхом] солнечный диск четвертой [небесной] веранды, который есть властитель [всех] знамен неба. Под бунчуком отряда был виден молодой человек, который еще не достиг сорокалетнего возраста, но уже был карауановожатым храбрости и военачальником Турана, [муж] уважаемый || и почитаемый, среднего роста с небольшою бородою и усами, синеокий, рябой лицом, сильнорукий, как лев, — «опора эмиров», Хаким-[бий] аталык, и [с ним] роды и колена всего племени мангыт, его братья и племянники. [Приблизившись к его величеству хану], он рассыпал на его темя, подобное блестящим звездам Малой Медведицы, сверкающие перлы своего молитвенного и хвалебного обращения. Став на колени почтения перед тенью Аллаха, он говорил — 81*б*

[стихи:]

«О государь, великий покоритель мира и миродержец,*
Да будет твоя персона всегда хранима от несчастий!
Я надеюсь, что по милости всемилостивого*
Все враги твои станут ничего не стоящими и опечаленными».

Когда окончился смотр полка аталыка, подошел еще отряд; от кипения волн потока его ярости [рушились] основания опор бескрайних
82*а* тел || дерзких и кровожадных врагов. От криков и воплей [солдат] «Хватай, лови!» желчный пузырь Льва небесной чащи в лугах [всех] двенадцати знаков зодиака плавился подобно печени Венеры. Симург их колчанов свивал себе гнездо на горах боевых сеч (букв. на Кафе битвы). Их шашки сверкали на хризолитовом горизонте, скрывая закат [Солнца] и бросая лучи в охваченных темнотою рабов всеобщего воскресения, сражающихся на поле кровавой битвы. Острия их исторгающих душу копий вращались, как ось небесных полюсов. Ими предводительствовал муж, который в своем жизненном восхождении, пройдя больше восьмидесяти стадий, опережал тысячу месяцев из числа отведенного ему существования, став [как бы] шейхом ф е н а[242], Кутлук диванбеги сарай с сыновьями дяди по отцу, Мухаммед Салахом парваначи,
82*б* Шакир мирахуром и Яукашти мирахуром. || [Приблизившись к хану] и молитвенно приветствуя его величество, отряд, удостоившись благосклонного взора [государя], прошел.

Стихи, [которыми приветствовал хана от имени отряда Кутлук диванбеги]:

«О государь, да будет у тебя могущество в высочайшей степени, [ибо]*
Ради тебя возникло государство почета.
Жизнь твоя, о [продлении] которой просят твои богомольцы*,
Да будет по милости господа, как у Хызра!»

Затем показался отряд — сокровищница для знающего тайный язык, наполненная и завершенная сердцами его людей, как наличным капиталом и дорогими тканями [его] преданности [престолу]; страницы же [его] изящных выражений, набело переписанных на листах писателем, его мечи, читающие стихи самоотверженности творца их смысла; у орла же его достоинства взлет крыльев — колчан, полный стрел, а его горная твердыня — шашки у поясов, своего рода оселок, на котором определяют золото достоинства отличившегося человека. Ими начальствовал муж, сидевший на коне соловой масти, который изучал уроки

благочестия у святых отшельников, || а от державших сорокадневный 83*а*
пост святости, кои суть торговцы отшельничеством и воздержанием, он возжег в [своей] груди пламя страсти к божеству. Он был краснолиц и в зрелом возрасте; его благоухающие мускусом волосы были цвета шиповника. [Это был] Мухаммед Яр парваначи дурман. С племенем дурман приблизившись к его величеству [хану], они [все], приветствуя его, проходили.

Стихи:

О государь, величием равный Джемшиду, счастьем — Александру,*
В благоденствующей стране величием равный Соломону.
В твоем государстве одинаково имеет долю и муравей и царь!*
Высоко возвышается твой счастливый а й в а н (высокая открытая терраса).

Когда прошел полк сынов племени дурман, появился другой полк, который отличался тем, что бил в барабан отваги на террасе государства и почета, так что от его звуков водяные птицы вражеских жизней взлетали с соленого озера тела; он спускал с руки царственного сокола свои шашки, вынимая их из ножен, и давал им, как соколу, разлет || храбрости с тем, чтобы рассечь ряды камышовых зарослей вой- 83*б*
ны. Временами орел стрел этого отряда добывал себе пищу из мозга врагов, а кречет его копий проникал в их сердца. Этот отряд составляли катаганы, начальствовали ими Ир Назар дадха и Шах Мухаммед-бий дадха. Они также, приблизившись [к хану] и приветствуя его словами молитвенных и похвальных обращений, прошли [перед ним].

Стихи:

Твоя стрела — орел, пищею которого служит [человеческая] жизнь,*
Сокол твоего лука — блестящий [губительный] метеор.
Когти кречета твоего лука разрывают на куски шкуру тигра и льва!*

После этого отряда появился другой, метеороподобные стрелы которого взлетали из небовидных рук и из созвездий луков, кривых, как серп Луны, и от стрельбы ими [этот] полк злых демонов исторгал из природы человека дым горести и уничтожал ложные вести побиваемого камнями сатаны[243]. Когда радуга широко развертывала на небе [свой] хвост, пылью на арене битвы || осаждались сгустившиеся капли 84*а*
[крови], падавшие, как из облаков, с их мечей. Их вели двое доброже-

лательных [к престолу] людей, Хакк Назар-бий дадха хитай и Ходжим Бирды ишик-ака-баши чунак, которые, подобно Рустему, севшему на своего Рахша отваги и выехавшему со своей родины Сеистана, преодолели все «семь столов Мазандерана» хитай-кипчаков и, разорвав глубоко проникшею внутрь стрелою печень врагов, как печень Белого Дива, пораженного Рустемом, они сделали их мозги сурьмою глаз [своих] мечей войны, так как они слишком залежались в ножнах. Выбросив из [своих] сердец помышления об имуществе и о своих семьях и привязав себя [к престолу] нитью благожелательного отношения, они приняли на себя обязательства искренней преданности [его величеству]. Приблизившись к [хану] и приветствуя его, они прошли перед ним.

Стихи:

О государь, да будут наши головы прахом твоих ног*,
А макушки их да будут отпечатками твоих подошв!
Мы отказались от имущества и благ дорогой родины,*
Все мы готовы отдать жизнь за тебя!

Вслед за сим из того отряда показался один молодой человек, || 84*б* кипарис его роста был бесподобен в цветнике храбрости до такой степени, что когда он, подобно полюсу в центре неба, показывался на арене боя, то привлекал всеобщее внимание как друзей, так и врагов. Временами он, качествами подобный Рустему, один-одинешенек бросался на ряды воинов вражеского государя и, [как] Камуса Кешанского[244], пособника врагов и других неприятельских героев, так и этак захватывал их арканом, что их бесчестные мозги становились дровами для огня его отваги. Молодой человек проехал, красноликий, синеглазый, с едва пробивающейся бородкой и усами, сидя на [добром] иноходце и держа в руке разбивающее гранит копье.

Стихи:

В руке [у него] — смертоносное копье,*
А [сам] он — как стройный кипарис, растущий подле горы.
Ради отваги и славы, м и л ь[245] [его] руки вырезал глаза кольчуг.*

Двустишие:

Не надевайте кольчуги в тот день войны,*
Когда в местности, обильной источниками, уже поместился крокодил[246].

Это был Мухаммед Рахим ишик-ака-баши, который приходился внуком Хурраму хаджи; вместе с братом Ходжим Бирды || кукельташем[247], подъехав к [ханскому месту] и разбив цветник молитвенных возношений на росистом лугу похвал, он сказал — 85*а*

стихи:

«О государь, всем племенам и народам оказана [тобою]
благосклонность!*
Я горжусь [умением] стрельбы и [владением] мечом!
У меня сегодня грудь покрыта кольчугою отваги,*
Я всю жизнь проведу на службе тебе!»

Не вдаваясь в большие подробности, следует прекратить дальнейшее перечисление бывших на [высочайшем] смотру героев и войсковых частей и не утомлять этим внимания слушателей. После того, как все узбеки показались на [высочайшем] смотру, около пятнадцати тысяч человек, все, как один, и [каждый] одвуконь, [движимые] преданностью и самоотверженностью, собрались вместе, подобно созвездию Плеяд, [с твердым намерением] рассеять скопища врагов, как [звезды] созвездия Девы. После сего последовал высочайший приказ, чтобы все махрамы небоподобного дворца прошли перед благосклонным [ханским] взором и показали себя. В это время был поднят высочайший штандарт, || и все это небо храбрости и Солнца, или [вернее] центр земного 85*б*
шара почета, украшенное лучами молодого месяца, заколыхалось под дуновением зефира победы, издавая торжествующие звуки. Счастливый писец написал на красивых полотнищах пером надежд [коранский стих]: «*Помощь от Аллаха и победа близка!*»[248] Под этим знаменем все [выстроились], подобно бутону, как один, все как будто из одного воротника выставили головы; как будто у [остролистных] лилий, кроме мечей, из дерев их существа ничего не вырастало. Подобно аромату из розового куста, из тел поднимались колчаны стрел, в которых притаились очаровательные глаза красавцев с такою же, как у красивой женщины, привлекательностью и настойчивостью. Под тем основным [государственным] знаменем и бунчуком [высочайшего] дворца возвышался муж могущества с лицом смиренным, сияющим светом сидящего в келье учености или изучающим сияние небес, как некий лучезарный плащ, накинутый на плечи человека. || Он, имея список божественных 86*а*
призываний, подобных созвездиям Плеяд, которых держит в руке си-

дящий в келье ханаки небесной сферы Юпитер, [этот] мударрис шестого айва́на, источал сияния воздержания и лучи борьбы со страстями из своего сребровидного тела; подобно огню и блистающему Солнцу, чистое поклонение божеству отражалось в зеркале его лица, как сияние блестящей Луны. Его благословенное лицо было смугловато, он был черноглазый, со сросшимися бровями, с красивой бородой и усами, среднего роста; этот муж благородных качеств — великий везир, уважаемый руководитель [государственными] делами, паломник к обоим священным местам [Аравии — Мекке и Медине], Абдулла-бий хаджи кушбеги. Подойдя со всеми своими братьями [к его величеству хану], он открыл свои уста для похвал и сказал —

стихи:

«О ты, чьё лицо есть Ка'ба для шествующих в этом мире,*
О ты, чьи брови подобны молодому праздничному месяцу!
Подобно Хызру, твое веселое расположение становится [для всякого] водою жизни».
И истоки ручья жизни — вода твоего оросительного канала!»[219]

Когда прошло войско калмыков, то после него появилось другое
86*б* счастливое знамя. || [Во главе отряда] был стройный человек, возвышавшийся, как кипарис, в саду красоты или паривший, как птица, в увеселяющих душу садах. Он был мужем высокодостойным, блиставшим под знаменем [своего отряда], ибо каждый из его совершенных пальцев, которыми он написал столько тысяч удивительных работ на страницах [своего] времени, был искусником. [Все] существо его бытия было столь бесподобно, что являлось хранителем [самого] Мирового Разума. Свойство уравновешенности его характера [лежало] в основе [его] природы; источник острия его стрелы—ресницы глаз [его] искусства; а стрелы его слов зависят от небесных средств, [вспомоществующих его] качествам; дротик — в [его] удивительных руках; его действие — молния, [сжигающая] гумна жизней врагов; полотно грома его храбрости — облако несчастия, [испепеляющее] посевы жизни неприятелей. Он, приблизившись [к хану] со всеми высочайшими слугами и махрамами, произнес следующее благоговейное приветствие —

[стихи]:

«О государь, за тебя молятся все доблестные люди,*
Склонив головы под этим бирюзовым небом.
Нет иного желания, как то, чтобы вечно длилась твоя жизнь.*||
87*а* Не было у нас другой страсти, [как эта]!»

И тот сильный человек с крепкими дланями, сопутствуемый «великим ходжою» (ходжа-йи калан) Ходжа Ульфетом и Баки кушбеги, удостоившись благосклонного [государева] взора, прошел [перед ханом со своим отрядом].

Следом за ним появился другой отряд, от острых копий которого окраины пустынных степей храбрости [превращались] в красные тюльпановые заросли, а сады полей силою [его] доблести от молниеносного сверкания мечей [становились] зарослями кустарников с птичьими выводками. В четырех основаниях[250], опираясь [лишь] на огонь стихий, он неоднократно, с помощью четырех разделов веры[251], в целях оживления душ четырех друзей [пророка], предавал потоку и разграблению защищенные кызылбашские области, а их цветущие населенные места — разрушению. И никто не был в силах перейти через Джейхун блестящих мечей этого отряда, но даже вода [его] мечей (т. е. стекающая с них кровь) делала цветущей четвертую часть небесного круга, как бы орошая ее источниками [крови]. Их вел красивый молодой человек прекрасного роста, который подобно Иосифу в Египте почета, опирался на трость храбрости. Как месяц в палатке чертога [высочайшего] присутствия, он возвышался в небе отваги || и, подобно Солнцу, 87*б*
одною атакою уничтожал как звезды, узкоглазых тюрков[252]. Этот молодой человек, удостоившийся милостивого взора государя, был Хаким мирахур туркмен со [своим] племенем туркмен; опустившись [перед ханом на колени], открыл уста для следующего молитвенного обращения.

Стихи:

«О радостный владыка, хедив мира,*
Твоя Адамовой отрасли личность почитаема!
Мы все, твои богомольцы, служим тебе,*
Узбеки ли, таджики ли, туркмены ли — все одинаковы!»

После того появилось красное знамя, как бы окрашенное кровью врагов; оно в бою становилось потоком, обрушившимся на врагов, а красота его полотнища окрашивала в цвет савана воротники неприятельских кафтанов под боевыми доспехами кольчужников с тем, чтобы разорваться [им] до подола. Под знаменем находился всадник, мужчина внушительной наружности, сурового вида, воинственной внешности, среднего роста, краснолицый, от страшного вида которого у [самого] кровопийцы Марса белизна лица превращалась в желтизну Лу-

88*а* ны. || Его меч был рекою Нилом, который охранял друзей [с качествами] Моисея, а внешностью похожих на фараона врагов [низвергал] в море бедствия; от его ужасного взгляда сердце Рустема разрывалось на части, от его страшного крика «Хватай, лови!» дух Афрасиаба, владыки Турана, расправлялся в могиле. Этот отважный муж с видом Гива двух морей[253] был Бакаул калмык, который с отрядом калмыков приветствовал государя следующими словами —

Стихи:

«О ты, в мече которого столько силы и мощи,*
Что враг становится от страха перед ним [уже] раненым,
Да будет же потребностью надежды, о повелитель мира,*
Видеть мне голову врага под копытами твоего коня!»

Опять [после этого] показался человек, который,— хвала Аллаху! — когда выставлял из рукава храбрости [свою] почтенную руку, то в степи делалось землетрясение, а в небе — грохот. Когда он ступал [своими] могучими ногами по площади, подняв голову, то как будто кто-
88*б* то разламывал сухие ветви. Временами, подобно чугану, || употреблял на арене боя [свой] меч и, как шар, уносил им голову врага[254]. Когда он накладывал руку на курок ружья, то пронизывал [выстрелами] неприятельские ряды, словно [чудодейственным] посохом Моисея заросли, полные птиц. Подобный качествами Рустему, он один-одинешенек бросался в атаку на центр целой армии злых демонов-тюрков и разрывал на части жирные бока неприятелей. Опытный муж, выстраивающий ряды бойцов, который особенно проявил в этой [государевой] службе безграничную храбрость и самоотверженность,— да будут похвалы и одобрения достойно построившему войско! — заслужил общие похвалы от друзей и врагов. Поистине, все, что временами проистекало от витязей и слуг его величества [хана] из области храбрости и битв с упомянутыми врагами,— все было связано со славным именем [этого человека, деяния] которого писались на страницах меча, так что, подоб-
89*а* ного Таш Мухаммеду шукурчи || сердцем, как Рустем, не выходило ни из почитаемого Сеистана, ни из чистого Герата, ни из удивительного Семенгана. Он приветствовал государя вместе со своими мулозимами следующими словами —

Стихи:

«О государь, все существо твое — жизнь для всех,*
Победа, веселие [твои] — душа всех!

Твоя особа да не будет для нас всецело бездействующею,*
Поистине, ты более почитаем, чем жизнь всех,
О государь, все осведомлены о верности твоего раба*,
О верности, база которой во сто раз крепче [всякой другой]!
Пока мы не обагрим мечей в крови врагов,*
Да будет воспрещено нам от начала до конца великое веселье!»

Короче говоря, все махрамы удостоились высочайшего смотра. Абулкасим курчи, Аллабирды дастурханчи[255], Тагма-бек «хранитель печати», Фархад-бек «изготовитель табака» [для высочайшего потребления][256], Мухаммед Салах ясаул[257] [и прочие], все, явившись вооруженными, принесли государю приветствия.

О ПРИБЫТИИ ВРАЖЕСКОГО ВОЙСКА ИЗ-ЗА РЕКИ [ЗАРАФШАН]

Когда прошло три дня этих предварительных мероприятий, в направлении Кермине, из-за той стороны реки [Зарафшан] показалась пыль, за которой появилось войско, [двигавшееся] подобно водному потоку. || Река Зарафшан была на середине его пути. [В это время года] 89*б*
была [столь многоводною] рекою, что волны ее достигали до высоты волн Хазарского моря девятого высшего неба, били в берега, а пузыри их превращали в ничто сталь мечей воинов.

Стихи:

Что я увидел? Реку Нил, движущуюся, как колесо неба,*
Как у разгневанных людей от пены ярости расстроена ее чалма.
Выступившая на губах всякого пришедшего в ярость пена*,
Подобна этой реке, превращающей в воду желчный пузырь земли.
Водяные пузыри [бурлящей] реки от вечерней зари кажутся похожими
на опьяненные глаза;*
Чернота ее волн похожа на локон гурии,
При виде ее волнения [встает] образ опьяненного слона,*
У которого хобот превратился в крокодила.

Когда оба войска, [разделенные такою бурною рекою], успокоились каждое на своей стороне, большинство отважных бойцов, вроде Абдуррахман бахадур алчина и других, переправившись через реку, стали вызывать неприятелей на бой, однако, те никак на это не отзывались, не имея никакого желания вступать в битву. Когда таким образом прошла неделя, Нияз хаджи катаган посоветовал || употребить такую хит- 90*а*
рость: «Мы не можем,— [говорил он],— воевать с этим народом, кото-

рый жизнь ценит меньше дорожной пыли ради преданности [своим интересам], а смерть считает лучше жизни. А посему придумаем другое и пойдем во след этой хитрости. План мой таков. Мы возьмем все свое войско и отсюда вступим в [бухарский] вилайет. Если бы город Гишты[258] и попал в руки [неприятелей], так как большая часть его населения вступала с ними в переговоры, то особой беды не будет. Мы вступим в селения [бухарских] туманов и волей-неволей бухарское войско и равный величием Джемшиду высокодостойный Абулфейз-хан, повернув назад, подобно семи планетам неба, направится по дороге в направлении сферы [всех] созвездий, г. Бухары, чтобы потом опять вернуться обратно. Разумеется, разъединение и расстройство в этом собрании лепестков единого целого бутона стало бы явным, потому что, когда роза разрывается на части, вторично связать ее нитями близости дело трудное. Во всяком случае, если нельзя, завернув ноги невозму-
90б тимости в подол серьезности, спокойно оставаться на этом месте, || нам лучше отправиться отсюда и вступить в город Бухару». Поистине, обманщица-лиса придумала удивительные вещи, она не знала, что великие люди сказали: «Роющий другому яму сам попадет в нее, став пленником собственного коварства». Точно так же сама всевышняя истина в отношении таких людей, которые строили козни святейшему пророку, изрекла следующее: *«Они ухитрились великою хитростью*[259], и [этот] раб [Аллаха] вследствие своей хитрости стал жертвою его гнева»[260].

В результате всего утром в среду 27-го числа месяца рамазана неприятель выступил походом с того места по направлению к Гишты. Когда известие об этом дошло до страшного [бухарского] войска, все эмиры, объединившись, доложили его величеству государю: «Мы хотим переправиться через реку, перехватить дорогу неприятелю и там, где он появится, появимся и мы, так что, пока душа живет в нас, мы постараемся [это сделать]». Говорят, что в тот день возникло среди войска смятение. Его величество, благополучно вложив ногу в стремя, сел верхом на коня и на некоторое время изволил задержаться, пока навью-
91а чили палатки и боевое снаряжение. || Если бы его величество государь не изволил [столь] счастливо задержаться, то база звездоносного войска погибла бы. Когда палатки [и прочее снаряжение] были навьючены на гороподобных [верблюдов], тогда только его величество государь, подобно весеннему облаку, направился берегом реки. Воды последней были в чрезвычайном волнении. Так все ехали, а обоз с походным снаряжением[261] следовал за ними. «Убежище войны», командующий на поле битвы Хаким-[бий] аталык, прежде его величества нашел брод и пере-

правился через реку с отрядом храбрецов, которые и последовали наравне с ним. Когда достигли Гишты, стало известно, что враг намеревается [овладеть] Гишты. Крепость эта была сильная; ее гарнизон состоял из семисот ружей. В это время «убежище эмирского достоинства» Хаким-бий аталык послал Араб туксаба мангыта [в Гишты с известием], что его величество [хан] благополучно переправился через реку и следует к крепости Гишты, так что,—боже упаси!—если крепость вступит в переговоры с неприятелем и отворит ему крепостные ворота! Точно также и его величество [хан] послал [со своей стороны] в Гишты Абдуррахмана шукурчи. || Люди той крепости, [однако], не открыли перед 91*б*
ним ворота, сказав: «Если его величество сам соизволил благополучно прибыть [сюда], то мы откроем перед его благосклонным лицом врата победы и торжества». [В это время] поблизости крепости обнаружилась переправа [через Зарафшан]. Подошедший араб вызвался быть проводником для ее использования. Его величество хан, достойный сопутствования Луны, погнал своего коня к этой переправе и, хотя воды реки достигали до стремени его коня, тем не менее [хан], обладающий качествами Моисея, благополучно переправился через этот бушующий волнами Нил. За ним перешли, уподобляясь израильтянам, и отряды могущественного войска, а враг, свойствами равный фараону, был ниспровергнут в реку несчастья [и] в Арафат[262] небытия. Когда достигли крепости Гишты, то население ее, выйдя облобызать августейшее стремя, отворило перед благословенным лицом его величества ворота города, подобные вратам счастливых побед. Его величество государь, войдя в город и дав [своим прибытием] опору крепостным воротам, поднял [над стенами] свой счастливый штандарт, водрузив его, подобно Солнцу, освещающему мир. Низкий враг || обнаружил, что его вели- 92*а*
чество, благополучно прибыв, расположился, как Солнце, освещающее мир, в крепости Гишты, пока те демоноподобные бесы по своим действиям были в крепости Девкенд, расположенной в половине мили от Гишты[263] и, будучи заняты [разбором своего] бесконечного походного и прочего снаряжения, пребывали в беспечности. [Теперь они], подняв знамена, подошли к несущему ужас Судного дня [бухарскому] войску, и сразу запылал огонь битвы, и базар смерти, потрясший оба войска, расположился подле крепости Гишты.

Описывающие военные действия и честные славные историки так повествуют. Когда оба войска сошлись на поле битвы, в тот день его царственное величество, надев на [свое] победоносное платье еменскую жемчужину и вложив упование на святейшего и высочайшего [Аллаха],

он, подобно куполу неба, украсился драгоценностями, как подвижными и неподвижными звездами, повесил за плечо щит, блестящий, как Солн-
92*б* це. || Привязал к поясу вносящий расстройство в среду врагов колчан, полный быстрых стрел из эбенового дерева; взял в храбрую руку копье, подобное по остроте ресницам любимых и [по быстроте] — блестящему метеору или оси вращения земли, острие его являлось полюсом десницы [хана], [тогда как] его дротик был полюсом [его] левой руки. [Затем хан] сел на коня, быстрого, как молния, [скачущего], подобно зернам с и п а н д а[264], когда их бросают на огонь; зефир его скорости был сединен с плавно идущею поступью, подобной дыханию слабых, отживших людей. [Ханское же] знамя с бунчуком было столь внушительным, что его пятерня, как блистающий месяц[265], бросала свой свет на орнаментацию четвертого айвана (т. е. четвертого неба), так же, как —

[С т и х:]

Лучи солнца дарят свет.*

На правом фланге от того знамени были: его величество государь, паломник к обоим священным городам Аравии Абдулла-бий кули кушбеги, Авез Баки-бий и Хаджи Мир Хасан с боевым барабаном при знамени. Подняв это знамя, как знамя Хиджазского каравана, удостоен-
93*а* ного счастья быть у горы Арафат, || они выражали свою покорность высокодостойному владыке молитв, благосклонно приемлющему выражения безраздельной преданности [своих рабов]. На левом же фланге [армии] высококачественного государя Бузанджирова потомства [Абулфейз-хана][266] находилось «Санджарово знамя» Баки-[бия] кушбеги, пальцы отважной руки которого подобны праздничной Луне, а сам он являлся знаменитостью [в области разных] удивительных искусств. Стрела похвалы его храбрости подобна стреле искренней молитвы; в тот день, когда он стрелял ею из лука в мишень, она пронизывала семь небес, пройдя через кольчугу вражеских душ. Позади же великого хана, являвшегося опорою и убежищем основ веры пророка, выстроились все махрамы во главе с «великим ходжою» Ульфетом, Венера благородства которого была соединена в небе щедрости, в двенадцати знаках зодиака и в сферах [всего] наблюдаемого с Марсом, являющимся главнокомандующим на звездном поле битвы. Так стояли на этом возвышении величием равный Джемшиду государь и все махрамы высочайшего двора.

В тот же день у его величества государя || пришло в волнение море 93*б*
отваги и в движение облако энергии. Взяв в руки копье, подобно блестящей падучей звезде, убивающей демонов и врагов, он соизволил заявить: «Наша честь желает ударить на центр вражеской армии и заросли Иудина дерева [собственного] достоинства и оросить кровью презренных врагов, а тюльпановые цветники [нашего] желания одеть в пурпурные шапки из вражеских голов, молнией же стрелы так ударить в гумно жизней этого народа, чтобы оно превратилось в пепел». Везиры и махрамы, бросив на шею поводья коня это величества, плача, стеная, выражая смирение и искреннее расположение, последовали [за ханом], так что,— хвала Аллаху! — [все] войско, [эта] сфера вникания во все, вступило в бой с неприятелем. Его величество, убежище мощи, хотя и устремляется в сторону опытных витязей, теперь, [однако], колеблется: «Если враг,— не дай бог! — победит, тогда [всех] людей можно предать»,— [говорит он]. С тысячами трудностей и просьб удалось, [наконец], разжечь пламя [ханского] гнева, и хан изволил стать под драгоценное знамя. ||

Так как правое крыло высокого знаменитого войска, которое по- 125*а*
тюркски называют о н г, представляло собрание туркмен, из коих каждый, как барс, был полон отваги, а так как [каждый] готов был броситься в бой, то оно было подчинено Хаким мирахуру, который своим мечом воскресил [славную эпоху] сельджуков, возобновил строй войск Тогрула и поднял царственное знамя Санджара[267] со дня на день увеличивающимся могуществом Бузанджирова дома. На левом фланге, каковой по-тюркски означается термином с о л, [находился] «опора эмиров» Хаким-бий аталык; полный хмеля от пиршества мангытских принцев, которые имели этот хмель [еще] в чаще преданности наместнику всемилостивого [Аллаха], Мухаммед Шейбани-хану, омочившему [свою] шашку кровью,— он укрепился в удовольствии опьянения || [своей] пре- 125*б*
данностью государю. Во главе небольшого бдительного войска, оси государства, [был] завернувшийся ногами в подол преданности Кутлук диванбеги сарай[268], развернувший на фланге [своего] войска знамя катаган. Таким образом были расположены правый и левый фланги армии. Когда закончилось построение рядов войска, господин «убежище должности накиба», Мухаммед Хашим-ходжа из рода сейидатаи, занялся распределением обязанностей отдельных войсковых частей. Но несущие Судный день войска не успели еще в своей переправе через Зарафшан дойти до середины реки и выстроиться в боевой порядок, как враги воспользовались этим моментом. Оставив покорного

126*а* Раджаб-султана подле Девкенда, || Абдулкарим и Ибрагим-бек, [сын] Рустема сразу бросились в атаку на правый фланг страшного [бухарского] войска. Как стремительный поток несчастья, подобный волнам бедствия, [все сметающим на пути], они обрушились на правый фланг. А так как на правом фланге находились туркмены, то эта хорошо сражающаяся народность храбро встретила вражеский натиск. Ввиду того, что площадь боя была занята пахотными полями, на которых было множество кочек и низин, [вообще всяких] неровностей, то одни обратили тыл по туркменскому обычаю, уподобляемому в войне в начале боя, и бросились в [притворное] бегство, чтобы потом повернуть на врагов, что по-тюркски обозначается словом дунгук, другие по своему обычаю нападали, возбуждая храбрость врагов. Но так как неприятельское войско было многочисленно, то [бухарцы] поневоле обратились в бегство ||
126*б* как на правом, так и на левом фланге. И [все] несущее ужасы Судного дня [бухарское] войско потекло [вспять], как поднимаемый ветром песок. Однако бунчук «убежища войны», сферы подвигов Рустема, «опоры эмиров» [Хаким-бий аталыка] остался среди волн правого крыла неприятельской армии. И, упаси бог, [что бы случилось], если бы «убежище войны» не проявлял могучую устойчивость, подобную мощной каменной горе, и твердую выдержку, [хотя] никто из рук врагов не уходил подобру-поздорову. И когда [этот], храбростью подобный Сухрабу эмир палицы и единоборства, увидел, что враг храбро и без сопротивления гонит [бухарские войска], он взял в руки исторгающее жизнь копье вместе с бунчуком и бросился в атаку на небольшую группу неприятелей, погрузившись в море боя. Он рукою [ловкого] пловца, упо-
127*а* добляясь качествами крокодилу, || нанизывал кенегесов на вертел копья и жарил их, как шашлык, на огне меча. Поражая шашкою видом подобных леопардам багринов, он сбрасывал их с седел. [Как] некоего высоко взлетающего совершенного царственного сокола, он выпускал стрелу из гнезда лука. Он похищал из рядов арены боя вражеских орлов, а по временам огненную воду, т. е. меч Млечного пути небес отваги, отвязывал с небоподобного пояса [и разил им] по узким глазам звезд вражеского существования, сбрасывая [неприятелей], как пузыри, на поверхность воды небытия.

В тот день бойцы государства проявляли необычайную преданность и самоотверженность, особенно Хакк Назар дадха и Ходжим Бирды ишик-ака-баши вместе с «опорою эмиров» [Хаким-бий аталыком] от-
127*б* личились замечательным мужеством. || И действительно, если бы не помощь [всевышней] Истины, Хакк Назар дадха не добрался бы [помочь]

аталыку, и близко уже было к тому, что того Рустема Дастана враг захватит в волнах бедствий, обрушившихся на бухарское войско. Однако Ходжим Бирды ишик-ака-баши, сев на длиннохвостого коня, [бросился на врагов], и всюду, куда он ни нападал, он, как смерть, настигал неприятелей. С копьем в руке, исторгающим жизнь и проливающим кровь, он поражал им подобно стреле, прямо летящей в цель жизни врага. Подобно волне моря храбрости, с пеною на губах, с сердцем, полным преданности, он ежеминутно обращался к себе, говоря: «О нерадивая душа! Напряги все усилия, ибо это день отваги. О тело, существо которого из четырех [элементов], разбрасывай воду и глину [вражеских тел]! ‖ О жизнь! ты отпрыск души сердца, брось сегодня и существование и 128*а*
путь к небытию».

Стихи:

Тело есть верховое животное, привязанное на конюшне для дня битвы,*
И будет лучше, если оно в день боя окажется худым.
Голова же есть бутон, выросший из сада нашего небытия,*
И будет лучше, если она [в битве будет] под шлемом начальника[269]

В самый разгар боя совершенно неожиданно появился перед лицом бегущих отряд войска, а за ним следовал со стороны неприятелей муж, крепко сидевший на вороном коне, одетый в такой же кафтан под кольчугою, как и злополучные воины [бегущей] армии, с копьем в руке, обладавшим качествами [смертоносной] ехидны, отравляющей очи свои ядом. Это был один из славных вражеских витязей и героев, которого звали Таши калмык. Поистине, сколько бы ни упоминали неприятельских героев и богатырей, ‖ всегда на первом месте ставили его! Короче 128*б*
говоря, эти два витязя сошлись, вступив в поединок на арене боя. Когда лютый лев и могучий слон скрестили свои острые копья, руки и острия копий обоих, сверкнув, разъединились. Вторично повернув своих коней, они оба вскричали и, подобно огню, вскипели [яростью боя]. Вдруг, благодаря все увеличивающемуся счастью и благополучию державы его величества, у которого так много удач в победе и одолении, Таши калмык появился на близком расстоянии. Но [если он], подобно леопарду, бросился с вершины горы своего седла на землю, то Ходжим Бирды ишик-ака-баши, как феникс, ‖ взлетевший из гнезда, ударил ког- 129*а*
тями храбрости в талию Таши калмыка и сильною рукою отваги, повергнув его на землю, отрубил ему голову, как будто этот сильный враг был собакой, хотя подобного ему молодого витязя не было в среде вра-

гов. Побежав за головою Таши калмыка, братья ишик-ака-баши, [схватив ее], бросили под копыта коня его величества хана. Последовал высочайший приказ, чтобы Ашур-бек, взяв эту удачливую голову, поспешил бы с нею как со счастливым трофеем в Бухару и чтобы там подобные Иакову по своим качествам обитатели дома горести этого района, видя в этом [своего] рода [Иосифову] рубашку счастья [и вдыхая] в радостном известии зефир ее запаха, отерли бы слезы со своих горестных очей, как сказано в Коране, «*и побелели его (Иакова) очи* [*от печали*]»[270] ||
129*б* и стали бы зрячими.

Действительно, в четверг 29-го ша'бана, [т. е.] в последний день этого месяца, упомянутый Ашур-бек, предварительно сняв кожу с головы того живодера, доставил ее на живодерню столицы. Население города при этом радостном известии о победе обнаружило признаки довольства и удовлетворения. Чистый сердцем ходжа, Ходжа Инсаф, оставленный управлять городом и блюсти его неприкосновенность, по своей чистосердечной преданности к своему [царственному] господину в [такой мере] проявил совершенство своего самоотверженного служения ему, что ни одной мошке не допустил пролететь над крепостью [столицы]. Величкий мехтер, обладатель разных достохвальных качеств, мехтер Ибадулла, надел на Ашур-бека халат, [вполне] достойный царского двора. Сфера же Марии, [матери Иисуса], целомудренная и добродетельная высочайшая колыбель, || мать его величества, тоже оказав
130*а* [Ашур-беку] много милостей, вознесла молитву о своем дорогом сыне.

Что касается Ходжима ишик-ака-баши, то он, несмотря на то, что арена боя осталась за ним, вторично напал на центр неприятельского войска; группа вражеских бойцов окружила его и, с большим трудом ссадив с коня, отвела к Раджаб-султану. Но так как в том [неприятельском] войске было много близких ему лиц, его не могли убить, и [Раджаб-султан] приказал посадить его под арест, но через пятнадцать дней этого льва лесных зарослей боя умертвили в Вабкенде, задушив его, потому что, опасаясь его соплеменников, гласно не осмелились его убить. Так этот несчастный попомнил хлеб-соль [государя], но вместе с тем убийство Ходжим Бирды ишик-ака-баши было причиною поражения неприятельского войска. В этом сражении слуги его величества государя и собственный конвой последнего, [состоящий] из калмыков, таких, как Карчигай Шайтан, Шахбаз Кича, Карчигай и другие, проявили мужество. Другой из высокодостойных рабов, «убежище войны», сфера [подвигов] Рустема, сердцем Сухраб, по палице и храбрости по-

добный Дарию, по качествам — богатырь, Таш Мухаммед шукурчи проявил [в этот день] мужество и богатырскую беспощадность, поразив громоносными выстрелами двадцать человек [вражеских] мулозимов, из которых каждый был подобен облаку в небе отваги, || смежив 130б
смертью очи этих испытанных храбрецов. Поистине ты сказал бы, что [сам] Афлатун для него выработал эти качества и изобрел это искусство [боя], потому что его выстрелы гремели быстрее, чем сверкала молния. Он имел при себе двадцать пять человек ружейных стрелков, из которых каждый бил без промаха, и всякая пуля, посылавшаяся им из ружья, выбивала человека из седла и повергала его вниз головою на землю. Они застрелили [в этом бою] семь знаменитых [вражеских] начальников. И действительно, [Таш Мухаммед шукурчи] сберег сосредоточение вселенной, убежище страшного [бухарского] войска, [его величество Абулфейз-хана]! Каждый из [бухарских] храбрецов, бывших на арене боя, за свою рустемовскую отвагу || заслуживал тысячекратную похвалу, и его 131а
бой вызывал удивление у его величества хана. «Опора эмиров», [Хаким-бий аталык], был первый человек из знаменитых [бухарских] витязей, который исполнял [все] у его величества. Временами этот свирепый лев, рассердясь на ружье, хватался за рукоять блестящей шашки и сжигал гумно вражеских жизней молнией меча; временами он пытал ногтем стрелы брюхо льва боя. [Вообще] каждый из рабов подножия [высочайшего] престола проявлял подобное самопожертвование. В [том же] бою стремянный диванбеги, который был из числа рабов приближенного его величества, великого ходжи, оттого что в этой полной бедствий Кербела рисковал своею жизнью, он, подобный [райской] гурии, погиб смертью мученика. Абдуррахман шукурчи, сын Ходжа Авез-бия, глава Аулия-йи карахани, проявил в этот день чудеса храбрости, так что Рустем в свое время ничего подобного не сделал. Около двадцати всадников с правого и левого флангов схватили его и каждый из них стремился ударить [его] копьем. Временами он глазами копья отражал удары их копий, а временами бровями своей шашки он брал бровь арены боя. Вдруг один из врагов, занеся над ним руку, вооруженную боевою секирою, ударил по его руке так, что совершенно сокрушил [ее], и тем не менее [этот] молодой [герой] не перестал сражаться. Второй удар [неприятельской] секиры поразил его по золоченому шлему столь сильно, что раздробил кости черепа и, несмотря на этот удар, он не отвратил от врага своего лица. || Несмотря на тяжелую ра- 131б
ну в груди, он поразил человека и коня. Вот каков удар! И вышел из [вражеского окружения] в центр армии, но через месяц он от тех ран, что

так неустрашимо им были получены, переселился из этого преходящего мира во дворец будущей жизни.

Короче говоря, это сражение было таково, что ничье око в мире подобного не видело. Диванбеги Таш Мухаммед шукурчи, который был[271]..., в тот день мужественно разил врагов в лицо копьем, но сборище их окружило его, стащило с коня и, найдя у него в кармане сорок золотых, посадило в тюрьму. Упаси бог, если бы они его привели к Раджаб-султану или Ибрагим [аталыку], не было бы нужды объяснять, [что с ним было бы]! Благодаря все увеличивающемуся со дня
132*а* на день счастью || августейшего его величества государства, в ту ночь упомянутый диванбеги, освободившись из вражеских оков, бежал и [благополучно] прибыл [в ханский лагерь]. Вообще несущее ужасы Судного дня бухарское войско, несмотря на [свое] рассеяние, гнало скопище врагов, как поток, производящий наводнение, пока не осадило его у Баг-и Девкенд, так что пишущий это позволил себе написать несколько [следующих] двустиший на это поражение.

[Стихи:]

Сошлись два моря войска*
И равнина Девкенда стала ареною Страшного суда.
Погрузились древки стрел в кровь,*
Алые от крови луга и нивы — в бульвары боя.
Покраснели от крови наконечники стрел,*
Подобно бутонам на той [арене, где слышалось]: «Хватай, бери!»
Блестящий [смертоносный] метеор — [каждый] ружейный выстрел,*
[Поражающий] тела известных и знаменитых злых демонов.
Оттого, что шашка дрожит в крови врага,*
Она новолунием отражается в вечерней заре.
Конец меча стал экватором,*
Так что Солнце жизни — в склонении к закату в небытие.
Щиты полны крови; на концах копий* ||
132*б* Распустились красные тюльпаны.
Стал поток шашек полон вод крови,*
[В котором] обезглавленные тела кажутся опрокинутыми пузырями.

Словом, когда прошел тот день, до того момента, когда воссел для отдыха на трон славный шах, Солнце в небе, и уничтожил тьму в этом лазоревого цвета дворце, а авангард созвездия Девы стал для охраны августейшей ставки недвижимо стоящего Полюса[272], оба войска вернулись с поля битвы на отдых и, сняв боевые доспехи, каждое укрепилось в своем лагере. Его величество солнцеподобного государства, яростного, как

Марс, вступил в крепость Гишты и занял ее под свою резиденцию; демоноподобные же враги засели в крепости Девкенд, которая,— ты сказал бы,— была [своего рода] рустемовским неприступным Мазандераном у этого народа и горою Каф у этих племен. Последовал высочайший приказ, чтобы || Шакир мирахур и Мухаммед Рахим ишик-ака- 133*а*
баши и некоторые из отважных воинов отправились в Гидждуван к благодатному мазару святейшего полюса святых, полной Луны праведников, Ходжи Абдулхалика Гидждуванского[273], на управление каковым городом и [районом] получил фирман Суфи туксаба могол, и там бы были в целях укрепления обороны той крепости, не допуская, совместно с великими и благородными людьми Гидждувана, чтобы губительный самум [в лице] героев племени [кенегес] дул на сады и предгорья этой местности. Упомянутые мирахуры и ишикагасы совместно с группой чиновников, выехав [в Гидждуван] рано утром, прибыли туда. Великие и благородные люди Гидждувана, вроде судьи Абдуллы Гидждуванского, Ходжи Убайда и Ходжи мутавалли [мазара][274], стали во главе защиты крепости. Действительно, население крепости || и благо- 133*б*
родные люди той местности проявили преданность [престолу] и самоотверженность. И крайний предел их приверженности [к законной власти] выразился в том, что Ибрагим-бий и Нияз хаджи неоднократно присылали им «любвеобильные письма» и политические послания, чтобы они отворили им крепостные ворота, но они [всегда] в ответ [на это] били рукою отрицания по груди слов того народа.

Из-за преданности [его величеству Абулфейз-хану] крепость укрепили. Три дня оба войска были в том месте. Вторично возникло сражение, но храбрые бухарские воины, ежедневно садясь на лошадей, устремлялись на арену боя, неприятель же, хитрый, как лиса, прятался в нору коварства и никакого страха войны не испытывал.

О ВОЗВРАЩЕНИИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА || [ХАНА] ИЗ РАЙОНА ГИШТЫ В ГОРОД [БУХАРУ] 134*а*

Когда прошло три дня, Ибрагим-[бий], Нияз хаджи, Абдулкарим и все начальники артиллерии с общего совета порешили и остановились на таком каверзном замысле, чтобы, выступив на [бухарские] туманы, отправиться походом на город [Бухару]. Разумеется, его величество [хан], стременем которого достойна быть Луна, также захотел направить поводья своего намерения в сторону столицы. В [бухарском] войске, [этой] сфере Страшного суда, каждый, как в день великого сбора на

арену последнего судилища, куда хотел, туда и попал[275]. Напрасная же надежда врагов была такова, что, когда светоносная и драгоценная личность [его величества хана] достигнет до черты [бухарской] крепости, то население столицы, несомненно, запрет ворота перед его благословенным лицом, а перед ними откроет победно дверь государства. Но они не
134*б* знали, что население города [Бухары] является мотыльком, || всегда страстно стремящимся к свече высочайшего лица или не [ведали] того, что это население — суть соловьи, которые в весеннее время бытия, оставив лишь одну розу из розового цветника минувших государей, другой какой-либо, [кроме нее], не вдыхают и не желают, хотя бы им предложили сотню букетов разных ароматных цветов.

Причиною стеснения средств жизни, которую породил поток смут [во всех] концах и районах [Бухары], было уменьшение доходов и жалованья военного сословия, а несправедливые [верхушки] узбекских племен, которые считали приграничные районы своим наследственным, от предков доставшимся, владением, кроме хераджных сборов ничего не давали [в государственную казну], а в нужных для них случаях выпускавшуюся с монетного двора монету новой чеканки в подавляющем количестве забирали [себе][276]. Недальновидные же враги государства
135*а* полагали, что от такого образа действий умы || народных масс придут в расстройство и вызовут мятеж против [Абулфейз-хана]. Но оттого, что любовь к его величеству так охватила народные сердца, что взаимное расположение с обеих сторон не исчезало, то в этом смысле языком потустороннего мира люди напевали такое любовное двустишие:

> Для меня разлука с тобою сколько бы ни причиняла несправедливостей,*
> Я, едва увижу твое прекрасное лицо, все забываю.

Действительно, такого пламенного [расположения] к дому государей из династии Яр Мухаммед-хана и Шейбани-хана [у бухарцев] не было [ни к кому], исключая лишь Счастливого монарха [эмира Тимура]. Короче говоря, вследствие своих недобрых мыслей, [узбекские эмиры] надавали [разные] обещания главам племени хитай и начальникам артиллерии кипчаков и назначили одному из тех артиллерийских начальников [в полное] распоряжение ряд слуг его величества из народных
135*б* представителей, [говоря]: «Богатства и имущества их — || ваши». И каждый получил [для себя] отдельный приказ Раджаб-султана, что «такой-то и такой-то со всем своим достоянием есть ваш». Помимо этого, Раджаб-султан и его эмиры говорили партиям грабителей, посылаемым в набеги: «Когда мы отправимся на город [Бухару] и вступим [в его

пределы], то, как бы вы в течение трех дней ни унижали народ [и ни бесчинствовали], мы не будем вам в этом противодействовать и никаких жалоб [на вас] не примем»[277]. Ибрагим же жаждал крови народа, [говоря]: «Бóльшую часть моих сыновей и братьев убили таджики». Единственно, что вражеские намерения [отнюдь] не были чистыми. [Однако] всевышняя и всепрославленная истина не допустила их злобе разразиться над головами несчастного населения, так что к этому вполне подходит хадис пророка, — да благословит его Аллах и да приветствует! — как наилучшие из его слов, когда он сказал: «Нет действий в намерениях». Говоря кратко, || в воскресенье 3-го числа благословенно- 136*а*
го месяца рамазана то скопище злых демонов, как бы взлетающее с вершины хребта Кафа упорства и из Мазандерана гордости на ветре насилия, выступило в поход из Девкенда на [бухарские] туманы. Когда эта ужасная весть достигла до высочайшего слуха, его величество загорелся страшным гневом, подобно величайшему светилу, пылающему пламенем. Он приказал подвести своего счастливого коня, сел на него и отдал распоряжение, чтобы небоподобные палатки, юрты и все войсковые принадлежности навьючили на гороподобных верблюдов. Затем милостиво соизволил сказать: «Всюду, где бы неприятель ни решил остановиться, я тоже против него разобью свою палатку, и пока существует в теле [моих] войск чистая душа, буду [с ним] биться. Я уповаю на божественное милосердие, || что оно ниспошлет мне на помощь армию 136*б*
[своей] милости и подкрепит мое войско». И затем, повернув коня по направлению Гиждувана, отправился [туда]. Да, поистине в тот день была наблюдаема у его величества [вся] полнота отваги и храбрости! Победоносные [его] войска, подобно ожерелью Плеяд и нити жемчуга, из коих каждый следовал за другим, как движущиеся планеты в небесной зоне или как звезды созвездия Девы, сосредоточенные вокруг центра безопасности и покровительства, все следовали в пути [за ханом]. Когда достигли крепости Гиждувана, то хан, сойдя с коня и направившись к раеподобной гробнице, [этой] сфере небесных чертогов, святейшего шейха шейхов, «старца» тариката, шествующего в стадиях шариата, святейшего ходжи мира [Абдулхалика Гиждуванского], совершил хождение вокруг сего благодатного мазара || и, проливая жемчуж- 137*а*
ные нити слез из потока своих благословенных очей, он, [преклонив колени], тер своим лицом эту благословенную гробницу, которая является средоточием упований всех идущих в пустыню [своих] нужд, умоляя и взывая из [глубины души] у этого мазара к чертогу ни в чём не

нуждающегося об исполнении своих желаний. Вздохи, стенания и вопли всех [сопровождающих его величество] рабов и эмиров достигли до апогея небес.

Стихи:

Ни одна молитва не бывает услышана без слез,*
А ты, не ведающий этого, ты плачешь или смеешься?[278]
Да, благо тебе: тебе смеяться, а нам плакать!*

Его величество, страж государства, пожелал там (т. е. в Гиждуване) устроить свою ставку, как стало известно о приближении врагов. Его величество тоже отправился [против них], но эмиры сошлись на том, что его величество, поскольку это является для него величай-
137*б* шим счастьем, лучше бы вернулся в [столицу], в высокий арк. || Действительно, это был хороший совет. Если бы этого не случилось и, — упаси бог! — пришел враг и, подобно неожиданно обрушившемуся несчастью, овладел бы воротами [Гиждувана], то это было бы скверно! Но отважный и энергичный государь не соглашался с таким советом эмиров, [он говорил]: «Куда бы враг ни пошел, я тоже поспешу за ним. Что бог захочет, «*он делает так, как хочет*[279]; *он устанавливает, что пожелает*»[280]. Но «убежище войны» Хаким-[бий] аталык, Кутлук диванбеги и Мухаммед Садик-ходжа накшбенд, каждый в отдельности, уговаривали [его величество последовать упомянутому совету] и настаивали на том, чтобы его величество в благополучии вступил в [столичный] город. Его величество продолжал не соглашаться на это. Останавливаясь в нескольких местах и выпивая шербет, он медлил [с выездом]. Опять эмиры прилагали чрезмерные усилия посадить хана
138*а* на счастливого коня. Мухаммед Рахиму ишикагаси || приказали: «Поезжай на случай вперед и там, где повстречается враг, [тебе бы быть] против него». Упомянутый ишикагаси по указанию эмиров выехал вперед по направлению к г. Бухаре. Действительно, он оказался хорошим путеводителем. Словом, когда [хан и сопровождавшие его лица] достигли моста Мехтер Қасим, там его величество изволил остановиться. Эмиры же сказали: «Вот, если счастливая ставка [его величества] будет разбита подле селения Паянтаб, это будет лучше». Когда доехали до Паянтаба, все эмиры и Абдулла кушбеги с чрезвычайным трудом и усилием повернули поводья его величества [хана] в сторону города [Бухары]. Когда весть [о возвращении Абулфейз-хана] пришла в город,
183*б* население || испустило из [глубины] печени крики и вопли [радости] и

говорило: «Хвала Аллаху, что наследственный монарх и владыка вернулся, [этот] зрачок очей вселенной прибыл из похода!» Все великие и благородные люди [столицы] вышли ему навстречу и говорили

стихи:

Приди, ибо настало время лицезреть победоносного государя.*
Радостная весть о счастливой победе его достигла до Солнца и Луны.

Радостно звучали наккара и большой царский барабан, [возвещавшие прибытие в столицу хана]. После вечерней молитвы освещающее мир Солнце красоты его величества заблистало в воротах доблестного имама || Абу-Хафса. Все жители и все ходжи[281]... от полноты удовольствия и довольства, что они приобрели [в данный момент] безотлучную близость к [своему] наследственному государю, все говорили языком просьбы и чествования. 139а

Стихи:

«Хвала Аллаху, что мои очи снова просветлели при виде тебя —*
Я воспринял силу для жизни из рубинового ларчика твоих похвал.||
Хвала Аллаху, что счастливо и благополучно* 139б
Прибыл убежище веры, его величество хан!
У склоняющегося к праху его [августейшего] порога*
Голова величаво поднялась до Солнца и Луны!»

Подобно молодому месяцу, во славе и величии [хан] изволил последовать в высокий арк.

Двустишие:

Портал, открывающийся перед моими глазами, — твое гнездо,*
Дом милостей и озарений — твой дом. ||

О ВЫСТУПЛЕНИИ ИМЕНИТЫХ ЭМИРОВ ИЗ ГОРОДА [БУХАРЫ] В СТОРОНУ ВАБКЕНДА ДЛЯ ОТРАЖЕНИЯ ВРАГОВ 140а

На следующий день, когда царь Востока взял направление с границ мрачной крепости Запада к столичному городу Востока и ударами меча мести далеко отогнал от районов и областей высокой, оловянного цвета, городской крепости узкоглазые звезды и планеты, — но нет,

нет! когда Юпитер, это [воплощение целого] неба благородства, воссел в небесной сфере на коня счастья и движением великих небес пред-
140б определения и атласной сферы судьбы || вернулся в свой благородный дом, или иначе: когда Иосиф Египта почета обратил свое лицо к старцу Ханаана счастья, который выплакал от горя свои глаза так, что они покрылись бельмами, и подарил ему все, начиная со средства, исцеляющего слепоту, до рубашки свидания и опознания[282], — в этот день все сановники и уважаемые эмиры, как Хаким-[бий] аталык, Абдулла кушбеги, Кутлук диванбеги, Мухаммед Яр парваначи, Авез парваначи, Ир Назар дадха, Шах Мухаммед дадха, Шакир мирахур, Мухаммед Салах салханд[283] и все махрамы, [как] Хаким мирахур,
141а Багрин бакаул, || Хаджи Араб бакаул, Таш Мухаммед шукурчи, Абулкасим курчи и другие — все явились в небоподобный [августейший] дворец. Раскрыв уста для приветствия, подкрепляемого молитвами [за его величество], они рассыпали жемчуг похвал до самой выси Фаркадана[284], [пустили в ход] мельницы [своей] преданности и заявили о своей готовности служить хану, пышностью подобному Джемшиду, [в таких выражениях]: «Хвала и благодарение Аллаху, что Иосиф почета и счастья государства, который коварством братьев времени был вырван из объятий ханаанского Иакова, Бухары, теперь усилиями предводителя каравана преданности рабов [высочайшего] дворца вторично воссел
141б на трон своих отцов и дедов. || И теперь, с красноречием прочитав фатиху за людей веры и божественного познания с упоминанием в ней великого замечательного попечения [вашего величества] о своих рабах, мы, ваши рабы, подчиняясь велению судьбы, крепко держимся руками надежды за полу упования [на вас] в признательность за вашу к нам благосклонность. И, подобно орлам, мы готовы напасть на тот народ, [это] несчастное, по своим поступкам, воронье, вцепиться в их пояса руками со дня на день увеличивающегося счастья. Мы постучим железом о железо, чтобы высеченные так несущие несчастье искры упали в обильное ватой место вражеских надежд и от этого загорелись бы светильники михрабов и минаретов славы и величия государства».
142а Каждый || из эмиров и махрамов, повернувшись лицом искательства к порогу утешения, был отпущен. Выйдя полками и взводами через Хисарские ворота, [все они] направились в сторону Вабкенда, где бренный и гнусный враг расположился под минаретом этого места[285]. Перейдя через Зарафшан, бухарские войска расположились лагерем несчастья для этой местности. [И сейчас же] отряды мародеров, [подобно] неуместной молнии или дождю из облака насилия, обруши-

ваются на посевы и усадьбы [местного] населения. В то время светоносные повара, изготовляющие из фруктов и зелени пищу, подавали ее на сосудах дерев, а распорядитель пира, Тамуз, накрыл столы, полные всяческих благ; земледельцы же близнецов, подобно акушеркам, извлекли из лона матери-земли зерновые продукты звезд[286]. В такое время герои высочайшего дворца выступили с намерением дать битву врагам. Действительно, подобной храбрости и отваги никогда [и ни у кого] из прошедших людей не проявлялось.|| Дело в том, что, несмотря 142*б*
на недавнюю победу врагов, отступление (букв. возвращение) войска [высочайшего] двора и настроение народа, в тот день, вознеся молитвы, без отлагательства и промедления бухарцы перехватили врагам путь. За это они достойны были тысячи похвал, но что за необходимость утверждать и описывать выступающих на суфе арены [боя] певцов храбрости, равных по доставляемому удовольствию [небесному музыканту] Венере? Нет, нет, теперь так же как было [и прежде], каждый из бухарских витязей ради преданности, самоотверженности и сохранения собственной жизни вцепился рукой усердия в подол храбрости. И хотя Марс, являющийся главнокомандующим звезд, не смотрит враждебно на Зухру, заседающую на собраниях серебристого ночного покоя, но при ином положении вред, постигающий небесное тело Венеры, задевает также величественного и яростного Марса. Короче говоря, когда счастливые войска, будучи отпущены, удалились от августейшего стремени и достигли Пул-и янги хаузак, они соизволили остановиться там для совещания. || Одна часть войск стояла на том, чтобы остано- 143*а*
виться здесь, ибо место было это лучше, [чем другие], для развертывания войска, но «опора эмиров» [Хаким-бий аталык] и особенно паломник к обоим священным городам Аравии Абдулла кушбеги настаивали на том, чтобы, перейдя Пул-и Мехтер Касим, сблизиться с палатками врагов и там расположиться.

В конце концов порешили на том, чтобы Таш Мухаммед шукурчи [с отрядом] из узбеков-махрамов двинулся вперед. Подобно стремительному потоку, большинство войска перешло через Пул[-и Мехтер Касим] и выставило сторожевые отряды для связи с неприятелем. Те, двое храбрых, пройдя вперед, [погнали] коней, пока не достигли до предместья Мехтер Касим, куда уже подошли вражеские караулы. Когда последние увидели передовые отряды [бухарского] победоносного войска, то из-за страха перед со дня на день увеличивающимся счастьем [бухарцев] предпочли обратиться в бегство. Подошедшие искренне преданные караульные [бухарские] отряды довели до сведения именитых

эмиров, что неустойчивые враги, подобно черному облаку, разбили свой лагерь в районе минарета вокруг Вабкендской крепости. Словом,
143*б* благодаря стараниям аталыка и кушбеги, || достигли моста, который хотя и был известен под именем моста Мехтер Касима (Пул-и Мехтер Касим), но оставался памятником [строительства] эпохи великого государя Убайдулла-хана[287]. Мехтер же Касим был заведующим постройкою (кутвал) этого моста. Благожелательные [к престолу] войска благодаря [своей] энергии, быстро, как ливень, перешли через мост, подобно множеству людей веры и божественного познания, благополучно перешедших через прямой путь, чтобы пойти в райские сады блаженства[288]. Таким же образом, [как и прежде], они расположились лагерем на берегу реки [Зарафшан], вручив себя защите этой бурной реки. Это событие имело место в понедельник 3-го числа благословенного месяца рамазана. Что касается неприятелей, то они, при известии о такой отваге и смелости исламского войска, затрепетали, как древесные листья, и страшно забеспокоились, [опасаясь], что их сжавшееся от волнения сердце разорвется.

О БИТВАХ, КОТОРЫЕ ПРОИЗОШЛИ МЕЖДУ ЭТИМИ [БУХАРСКИМИ И НЕПРИЯТЕЛЬСКИМИ] ВОЙСКАМИ ||

144*а* С тех пор, как Джемшид-Солнце воссел на престол заката в крепостях Запада, а войско тьмы вступало в государство сего лазурецветного чертога и узкоглазые [мигающие] звезды устремились на грабеж, унеся фрукты света с листвы деревьев времени, и ночные факелы зажглись в выси неба, а величественная Луна возвысила светозарный шатер в сфере присутствия,

Стихи:

Спустился корабль Востока на темно-синее море, [и]*
Появилась светоносная лодка из ртутной реки.
На этом разукрашенном пире заблестели молодые невесты,*
Погас факел огня и появилась свеча лунного света,
Скинул [мир] парчовый царственный плащ и набросил на плечо купола неба серое рубище дервиша. —*

то в такую ночь оба войска вступили в бой. Храбрецы счастливого
144*б* монарха[289] || увлажнили свои мечи водою чести, тетивы делали из

жил врагов, воронов луков сажали в гнезда вражеских зрачков, орлов летящих стрел связывали ресницами надежды на бога, шары копий пропускали через вражеские головы, а свои головы поливали кровью из тыла неприятельских голов. Великий везир Абдулла кушбеги в келье покорности [Аллаху], обратившись лицом к алтарю молитв, непрестанно посылал сильною рукою повиновения из ларчика сердца в направлении врагов прямо попадающие в цель молитвы. Население города [Вабкенда], подобно неподвижным звездам, [не скрываясь], смотрело [на бой]. Рабы [высочайшего] дворца, подобно звездам созвездия Девы, группирующимся вокруг центра, состоящего из счастливого полюса, собирались вокруг высокого арка и стен города. || На следующий 145*а*
день поутру, когда золотая птица взмахнула своим светозарным крылом из темно-синего неба, пронизав его мрак, и воздвигла золотистые тонкие облака, а фараон ликов планет погрузился в безграничное небо мрака —

стихи:

Появляется утро из-за гор, влача блистающий атлас,*
Подобно светлому дыханию Гавриила из [черного] города Аримана;
Положила золотое яйцо черная птица*
[С блестящим] крылом павлина, грызущий сахар попугай, —

в такое утро оба войска опять вступили в бой. Звуки труб и грохот барабанов достигали до самого неба, и, [таким образом], беспечно счастливые [бухарские] войска из своего ночного покоя устремились на [своего рода арену] Страшного суда. Эмиры правого и левого флангов, подняв счастливые штандарты, подобно Рустемам, вступили в битву. «Опора эмиров» [Хаким-бий аталык] в тот день, как бурлящее море покрывается волнами, || надел на себя с мелкими кольцами кольчугу, как будто 145*б*
небо, полное подвижных и неподвижных звезд, и, поддев под нее пестрый ватный кафтан, похожий на четыре сезона года с разной окраской, положил на голову золоченый шлем, подобный куполу неба, украшенному звездами; привесил к поясу колчан [со стрелами], похожими на ряды ресниц жестоких красавиц; поражая врагов, их концы окрашивались неприятельской кровью. Он надел на перевязи шашку, изогнутую, как брови жестокой прелестницы, и которая на арене храбрости захватывала вражеские головы, как чауган шары при игре в поло; взял в руку кривой лук, похожий на одинокий серп Луны на темном небе; сел на быстрого, как ветер и молния, коня, стремительного

как блестящий метеор; поднял всем на вид счастливый штандарт, небольшой серп Луны которого венчала рука присяги верности полной Луне
146*а* [государства хану]. || С ним [были] сыны народа и племени мангыт, вроде Араб туксабы, Ходжима шукурчи, Малля ишик-ака-баши, Бахадура курчибаши и других из [числа его] братьев; все они устремились на арену боя, где стали на правом фланге страшного [бухарского] войска, [завернувшись] в полы чести. Кутлук диванбеги сарай, полный жизненного опыта и умственной зрелости, поднял белый бунчук, о котором ты сказал бы, что это взлетела белая птица храбрости и остановилась [в воздухе]. С ним [было] и его племя сарай. Шакир мирахур, Мухаммед Салах парваначи, Яукашти мирахур и другие, тоже явившись [на бой], стали там же. [Пришли] катаганы, из коих каждый был пловцом в море личного достоинства и боя. Ир Назар дадха и Шах Мухаммед дадха со своими сородичами [тоже пришли и] стали на поле битвы. [Явилось и] племя дурман, славное своею преданностью [престолу] и самоотверженностью и считающее наличие своей жизни луч-
146*б* шим товаром, || который теперь оно принесло, как некое сокровище, чтобы разбросать его [за государя на поле битвы]. Вцепившись в полы чести, с сердцами, полными любви и преданности [его величеству], с головами, наполненными страстью самопожертвования, дурманы выстроились на просторе боевого поля.

Хакк Назар дадха хитай, [избрав] путь добра и повиновения и будучи путником дороги мечевого боя, перервал ножницами энергии нити любви к богатству, имуществу и семье, предпочтя [своим] жизненным нитям веревку единения с государством [его величества] хана. Питая отвращение к [его] врагам, он отнял руку от подола этих злых людей и вступил в среду хороших. Вместе со [своими] братьями он, подобно лютому льву, рычал на поле битвы. [Кроме этих всех] еще Нияз дадха кипчак, славный на весь мир, прибыл к месту сражения со всею пышностью, во [всем] военном вооружении, с садаком[290] и со своим племенем. Другие были молодые воины-горожане [из Бухары], все вскормленные с ханского стола и воспитанные из милостивых
147*а* царственных рук. || Они в благодарность за хлеб-соль [его величества теперь] вышли на арену злополучных [врагов], таковы, например, были: Мухаммед Рахим ишик-ака-баши, Фарман кули ишик-ака-баши дурман, Юсуф караулбеги катаган, Яукашти туксаба, Худайбирды курчибаши, сын Шер Миша, отмеченного храбростью, Ни'матулла-бий и другие. Каждый, подобно сильному Сухрабу, крепко вправив ноги в стремя, отправился на поле сражения. [Из] войсковой части махрамов паломник

к обоим городам Аравии Абдулла кушбеги в тот день надел на себя доспехи благочестия, которые украсил уважением на милость Аллаха, надел шашку, изгиб бровей которой был подобен михрабу благосклонно принимаемых молитв, повязал на пояс колчан, каждая стрела которого была сердечным вздохом, соединенным с болью и направлялась в мишень покорной мольбы. Он поднял над плечом покорности [божественной воле] бунчук, || который как бы стремился своим острием к 147*б*
высшим небесам, имея древко из ветви прекрасного древа сего человеческого мира. Рядом с Абдуллой кушбеги, плечо к плечу, стал «опора эмиров», высокодостойный везир Араб бакаул. Надев под кольчугу боевой кафтан, подобный одежде Марса, отливающий цветами храбрости, он выставил из украшений кафтана руку, столь пленительно белую, как рука Моисея, и прикрепил на поясе колчан; представив сердце битве, он укрепился в мысли о необходимости рисковать телом и жизнью. Багрин бакаул, бывший центром почета, подобно неподвижному полюсу, крепко вросши ногами в землю арены боя, стоял с вращающимся в руке копьем, с сиянием Солнца на плечах, с мечом у пояса, подобного Млечному Пути по своим украшениям. Таш Мухаммед шукурчи и Абулкасим курчи плечом к плечу, подобно двум крыльям некой золотокрылой птицы, возвышались на арене боя; || обнажив шашки, они 148*а*
из их когтей кормили любимых орлов арены боя. Прочие махрамы, как лютые львы в сверканьях боя, [уподоблялись] Рустему, [сыну Заля] Дастана, вроде Аллабирды дастурханчи, Хазама курчи, Тагма-бека и Фархад-бека, и в атмосфере сражения беззаветно подставляли грудь под удары мечей.

Стихи:

Те самые славные, победоносные,*
Все возвеличенные честью и славою
Львы поля битвы,*
Испускающие крики, как черные куропатки;
Богатырскою рукою в день боя*
Разрывающие сердце [самой] коровы, что под землею,
Сильною мышцею отрубающие хвост дракона,*
Громкими криками сотрясающие атмосферу, —
Все они, как одно сердце, одно тело — самоотверженные,*
Все — жертвующие своею жизнью в бою,
Все борются за честь и славу.*
Каждый [из них] — меч на том поле битвы. || 148*б*

Словом, когда преданное [престолу бухарское] войско сферы Страшного суда вступило в бой, «убежище накибского достоинства» Мухаммед Хашим-ходжа накиб, сейидатаи, бывший хозяином обители арены сражения и заглавным листом современных [ему] шейхов мистического пути, исторгающим жизнь копьем накибского достоинства в руке в тот день строил войска рядами, подобным рядам ресниц храбрецов или рядам людей, спешащих на Страшный суд. Центр армии, являющийся фокусом чести, поручили «опоре эмира», великому везиру [Хаким-бий аталыку]; Хакк Назар дадху назначили командовать правым флангом, а Кутлука диванбеги — левым победоносным флангом. Махрамы высочайшего двора, как люди предусмотрительные [и осторожные], были помещены во главе войска. Крылья армии предоставили факелу дома [султана] Санджара, освещающему государство потомка Бузанджира [Абулфейз-хана], Хаким мирахуру и [его] туркменскому народу. Арьергард «убежища победы» поручили «арене городских укреплений» и охранителю границ областей Турана Багрин бакаулу; были введены и выстроены к бою и все [дворцовые] калмы-
149*а* ки. || Когда закончилось приведение в порядок войск, вдруг раздался беспорядочный барабанный бой со стороны Вабкенда и [показалось] двенадцать войсковых знамен, а с ними [и неприятельская] армия, подобно наводнению захватившая всю равнину. Как на Страшный суд, с целью нападения, прибыли: Ибрагим-[бий] аталык, Абдулкарим, Нияз ишик-ака-баши, Раджаб-султан и другие и выстроились в боевой порядок. После этого бойцы обеих армий стали задирать друг друга; стрельцы открыли ружейный огонь, который стал жечь гумна человеческих жизней, а посевы последних превращать в пепел. Неожиданно с неприятельского правого фланга [отделилось] около тысячи человек и бросилось в атаку на правый фланг победоносного [бухарского] вой-
149*б* ска || с копьями, положенными на лошадиные уши, с поднятыми головами, с обнаженными шашками, с громкими криками. Однако правые фланги [двух войск], подобно огромным каменным горам, завернув свои могучие стопы в подол величия, не двинулись с места. «Опора эмиров» [Хаким-бий аталык] был львом из чащи мужества, рассекающим вражеские ряды на арене военной опытности (букв. мудрости). Он, подобно Рустему, [сыну Заля] Дастана, сидевшему на своем быстром Рахше, взял в руку копье, как копье достопамятного Наримана[291] круглый щит и, обратившись к своему телу и душе, сказал: «О тело, сегодня день рынка счастья! О душа, [теперь] не время для успокоения тела! Сердце подобно корчаге с бродящим вином, а голова, как море энергии,

кипит!» И так говоря, он со [своими] дядями и племенем мангытов яростно напал [на врагов]; одного из них поразил копьем, другого повергнул на землю шашкой. || [И тем] отбил вражескую атаку. Подобно потоку, [погнав неприятеля], отправился [обратно]. Обратившись к дядям, он сказал: «Друзья и братья, не выпускайте из рук чести и подолом бесчестья не марайте рук [собственной] репутации! Помогите мне! У этого вражеского войска цель — я, и кроме меня они другого врага не имеют!» 150*а*

В тот день такая произошла битва, [что сам] мечебоец Марс в сражении на вращающейся небесной сфере подобного боя не видел. Если бы Рустем увидел такую битву во сне, у него бы со страху лопнул желчный пузырь. Если бы это сражение наблюдал Афрасиаб, он бы бросил [свою] индийскую шашку. В это время другой вражеский отряд с бунчуком ударил по знаменитому отряду великого везира Абдуллы кушбеги. В тот день его знамя || было знаменем [живительной] росы, [ниспадающей] из облаков, или штандартом победы. Паломник к обоим священным городам Аравии, [Абдулла кушбеги], обратившись к государевым рабам, сказал: «О люди, сегодня день чести и время храбрости! Посмотрите внимательно, какую страшную [смертельную] вражду питает к нам в сердце это [неприятельское] племя. Его злоба к нам дошла до такой степени, что не дай бог, если он нас победит, то будет считать [для себя] дозволенным пролитие нашей крови, [все] наше имущество заберет себе. Сегодня вы, как рабы его величества, пребывающего в степени халифского достоинства, порадейте ради преданности ему и, больше того, ради сохранения собственной жизни и спасения [своих] семей! Это племя сокрушается по вашему благу и вашему счастью и хочет завладеть вашим богатством, имуществом и семьями. Предпочтительнее, если вы умрете на моих глазах; || если вы будете убиты в ваших седлах, это будет лучше того, если бы вы, как женщины, умерли на постелях!» Сказав это, он начал плакать. Все рабы [его величества хана] и махрамы приняли этот призыв возгласом «л а б б а й к а!»[292]. Облекшись в священные и х р а м ы[293] чести и приняв вид сподвижников пророка и их последователей, они пошли в бой. Араб бакаул, Багрин бакаул, Таш Мухаммед шукурчи, Шугай-бек, Абулкасим курчи и другие, принявшие намерение вступить в битву, тоже подтянули подпруги у [своих] коней. В тот день великий везир [самолично] своей драгоценной особой вознамерился принять участие на арене боя и взял в руку блестящую шашку, ибо писец судьбы написал пером могущества на страницах [его жизни] драгоценные коранские письмена с выражением 150*б* 151*а*

«убивайте многобожников»[294]! И с этим мечом-талисманом, зажатым в
151*б* его почетной руке, || [вспомоществуемый] коранским [выражением] *«Помощь от Аллаха—и победа близка»*[295], озаряющим вид его удачи, повел атакующих на центр неприятельского войска. Справа от него Багрин бакаул, сидя на лошади с длинным хвостом, с копьем в руке, острие которого — голова врага, а шар под острием — вражеское сердце[296], тоже бросился в атаку. Слева — Араб бакаул с мечом в руке, изобилующие птицами заросли поверхности которого увлажнялись кровью врагов и потоки ее с корнем вырывали и уносили опоры неприятельских жизней, [тоже] двинулся вперед. Бросились в атаку также Таш Мухаммед шукурчи и Абулкасим курчи. Упомянутый шукурчи с громоподобным ружьем в руке, от пламени дула которого [гибли] враги, обладавшие качествами дивов, проклятые дьяволы, побиваемые камнями, и от грохота выстрелов его глохли уши небес, а при виде его ужасного лица немел язык Марса, так сразу ринулся в атаку, как будто огонь ||
152*а* с дымом упал в середину отверженных врагов.

На левом фланге правоверующего [бухарского] войска группа героев также пошла в атаку. Из них бойцы, принадлежащие к племенам сарай и катаган, тоже ввели в битву свои [могучие] плечи и руки. В тот день [Абдулла] кушбеги и отряд махрамов, подобно благородным сподвижникам пророка, выстраивавшим свои ряды против маркграфа[297] Ирана и командующего патриция[298] Византии, точно так же старались об оживлении веры и блеска счастливого государства. С противной стороны вели атаку: Абдулкарим ишик-ака-баши, Ибрагим аталык, Нияз хаджи, Каплан кипчак и группа начальников артиллерии, находившихся под знаменем. [Этот] бой, происходивший подле крепости Вабкенд, был такой жестокий, что зрячие очи [все видевшего] времени [подобного] не зрели. [На поле боя] поднялся как бы темный дым, так
152*б* застилавший || свет освещающего Солнца, что он казался мельничным фонарем. Орлы стрел, вылетая из гнезд луков, хватали себе пищу из сердец и печенок бойцов; у воронов луков обнаруживалась сила когтей царственных соколов, а у оперений стрел — твердость взлета крыльев; суфий смерти, усевшись между тетивою лука и самим луком, последовательно подпиливал пилою небытия корень кипариса жизни. Нет, нет! Дождь выстрелов был [дождем] метеоров, падавших из созвездий Стрельца, из его лука, поражая жизни отродий дивов. Кольцо шашек было водоворотом, в котором пузырями были головы храбрецов, а хворостом и валежником — самое существо бойцов. Копья [этой] битвы были похожи на ветви деревьев, отягченных плодами в виде нагнутых голов[299].

Кровь лилась из колец кольчуг, как слезы из глаз, оплакивающих покойника. В цветнике арены боя видны были отрубленные головы, От града стрел и залпов ружейного огня || [тела] стали изрешеченными, 153*а*
как занавесы или сети. От множества голов без тел земной шар и даже сам небесный глобус наполнились планетами и Солнцем человеческих жизней. На весах степени изнурения, определявшегося дыханием коней, печени последних разрывались на пастбищах неба. От звуков боевых труб, от криков сражающихся железное сердце самого Марса приходило в трепет.

Стихи:

Слились два моря войска [и]*
Ударами мечей стали рассекать ряды сражающихся.
Могучие наследники престола Рустема*
Все погрузились в это море общей свалки.
Кажутся на взгляд древки копий ветвями*
От человеческих голов на них, ветвями, отягченными плодами.
При вращении мечей [все] наполняется кровью.*
Пузырьки [на ее поверхности] — головы воинов.
От позолоченных шлемов земная поверхность* ||
Стала полною звезд, как небо. 153*б*
Скажи: окровавленные шашки окрасили каба,*
Ставшие, как тюльпан в праздник чести и славы[300].
Луки подобны михрабу шейха смертного часа,*
Тянущего конец стрелы под мышку;
Суфий смерти наложил на себя 40-дневный пост,*
[Его] дыхание — пила у ствола крепкой пальмы;
Орел стрелы, высоко взлетев из лука,*
Разил в сердце, свивая [там себе] гнездо.
От крови, [лившейся] из колец кольчуг,*
Звезды хорошо погружались в [алую] зарю вечера[301].
От ударов стрел головы становились, как решета,*
И сыпала смерть прах на молодого и старого.
И столько расцвело роз из тел [убитых],*
Что никто не перечислил ни садов, ни лугов [с ними].
Столь много осталось в телах наконечников стрел,*
Как будто это были бутоны на розовых кустах целого мира.
От множества ран на макушках голов*
Сердце [каждого] бутона казалось вышедшим наружу.
От звуков труб и грохота барабанов*
Разрывалось сердце слона и [распадались] тела дивов. ||
Треск выстрелов и пронзительные голоса г а у д у м о в[302]* 154*а*
Производили волнение времени и море [из звуков] бронзы.

Короче говоря, в такой день и в такую пору, когда приходил на память День великого доклада и [как бы] обнаруживалось обещанное Всеобщее воскресенье, смерть была на каждом шагу. В том месте общей свалки, где враги бросались в атаку, они оттесняли назад страшное [бухарское] войско. Но опять [бухарские] храбрецы чести и достойные герои, став плечом к плечу, бросались в атаку. Сильным вихрем выстрелов врагов сносило с места, как движущийся песок, и водою шашек их смывало, как потоком. Из именитых узбекских начальников в тот день проявили высокое мужество [такие лица], как Абдуррахман чухра агаси алчин, Араб туксаба мангыт, Яукашти мирахур сарай, из махрамов Таш Мухаммед шукурчи, из калмыков Шахбаз Кича и Карчигай Хисари. Оба войска весьма хвалили ряды калмыцких бойцов. ||
154*б* Особенно [отличался] Таш Мухаммед шукурчи, который ружейным огнем, совместно с мулозимами, извлекал дым из существа врагов. Катта-ходжа, один молодой человек из ходжей Мир Хайдара, бывший в братских отношениях с Баки кушбеги, в этот день яростно сражался, как лев или как храбрый Рустем. Вдруг один из вражеских стрелков выстрелил в него из ружья. [В этот момент] упомянутый ходжа встал, приподнявшись на стременах и положив стрелу на лук, — и ружейный выстрел неприятельского стрелка не попал в цель. Благодарение Аллаху за его премудрость! Когда ходжа встал на обоих стременах, то ружейная пуля угодила в седельную луку и прошла между ног ходжи. В этом-то и есть совершенная мудрость [провидения]! Если бы ходжа не встал на стременах, то он бы погиб. Сам же ходжа не успел еще спустить стрелы, как тот враг приблизился, чтобы застрелить его.||

155*а* Битва эта продолжалась до вечернего намаза[303]. Когда настала ночь, оба войска вернулись [в свои лагери] и предались там ночному отдыху. Когда они возвратились, население крепости Мир-Араб, народ Джандара и обыватели Зендени, в большом количестве придя к Раджаб-султану, принесли ему поздравление. Это было сделано потому, что они стали пленниками как божественного меча, так и ханского. Что касается мудрого населения Гиджduвана, то тамошний судья [кази] Абдулла не выразил повиновения [Раджаб-султану], хотя Ибрагим несколько раз посылал любвеобильные письма, смешанные с угрозами расправы. [Гиджduванское] же население, памятуя хлеб-соль [его величества], старалось обратить город в неприступную крепость. [Тем временем в г. Бухаре влиятельные лица], вроде «сферы шариата», верховного судьи, кази Мир Абдулбараката, убежища знания божест-

венного закона, ученейшего из ученых Садруддина а'лама и шейха шейхов, ахунда Муллы Латифа, «полюса полюсов», ишана шейха Мир Али, внука шейха, скрижали высокого сословия, каждый представитель которого был путником дороги хакиката и тариката || и руково- 155*б*
дителем центра божественного закона, — эти лица, бывшие светильниками у стола религиозных установлений, каждую ночь на понедельник и пятницу приглашались его величеством [ханом], величием равным Джемшиду, в высокий арк и им приказывалось прочитывать хатм-и ходжагон[304]. Благородная личность его величества, подчиняясь [божественному велению]: «*Кайтесь перед Аллахом истинным покаянием*»[305], омывшись чистою водою покаяния в источнике упования на божественную помощь Иосифа [своего] сердца, обратя лицо свое к Египту соборной мечети покорности [Аллаху] и к испрошению отпущения грехов, ухватившись рукою за подол достижения молитвенного поклонения и возложив надежду на господнюю помощь, усаживался [слушать упомянутое чтение].

Ях'я ходжа, бывший из потомков джуйбарских ходжей, ввиду своего близкого знакомства с Султаном кушбеги, после убийства последнего бежал в Шахрисябз, пойдя вместе с Ибрагим аталыком. Во время страшного события — общего избиения кенегесов, которое произошло перед этим в 1131/1718 — 1719 г., || он тоже приходил [в 156*а*
г. Бухару] с этим племенем.

Некоторые из людей довели до высочайшего слуха, что Ях'я ходжа шейх ул-ислам в одну из ночей прибыл в Джуйбар и, остановившись в доме [своего] отца, Мухаммед Хашим-ходжи, сына Абид-ходжи, [теперь] выехал [оттуда]. Не дай бог, если он осуществит соглашение с мятежниками Миankаля и введет врагов в город [Бухару]! В связи с такими народными разговорами Мухаммед Хашим-ходжу привели в арк и посадили [под арест]. Теперь [лишь Ях'я-]ходжа был бы здесь. Однако Мухаммед Хашим-ходжи клятвенно заявлял, [говоря]: «Я возмущен поведением этого [моего] сына!» Все влиятельные ходжи Джуйбара, как Абдулла-ходжа, Атаулла-ходжа и сын Мухаммед Муса-ходжи, стали хлопотать за него; явившись [в высокий арк], они дали поручительство за Хашим-ходжу и, взяв его, увезли [с собою] в Джуйбар. Его величество [хан] же оказал разные любезности ходжам, которые сделались радостными от его царских милостей. ||

В Вабкенде же произошло несколько других битв [с неприятелем]. 156*б*
Неприятельское войско ежедневно насчитывало до 30 тысяч, число же

правительственных войск определялось в 6 тысяч человек. Так как превосходство неприятелей было большое, то население г. Бухары, обратив свои лица к михрабу молитв, а голову — к Кибле искания убежища, с плачем молилось за славное [свое] войско, взывая: «Боже, заклинаем [тебя] любовию истинно любящих, которые из мира человеческого совершили прогулку в невидимый мир и видимый мир сделали зеркалом мира невидимого, которые на собраниях невидимого мира напились вина человеческого мира из рук виночерпия вечности; соделав сердца свои на огне [страсти к тебе] кебабом; они накрыли стол любви.

Стихи:

Заклинаем тебя любовью любящих с истерзанным [страданием] сердцем,*
Воздыханиями любящих о пречистой истине!
Заклинаем тебя кровавыми слезами из обоих глаз страдальцев,*
Внутреннею чистотою огорченных!
Заклинаем [тебя] любовью, которая вне плотской страсти,*
Прощением, которое есть путеводитель к безгрешности!
Заклинаем тебя локоном человека, до которого не дотронулась чужая тебе рука,*
И вздохами того, на которого сел прах возмущения [против тебя]!
Заклинаем тебя воздержанием юных в юности,*
Жизнью безгрешных младенцев!

157*а* Но не успела еще стрела молитв || достичь до цели благосклонного принятия ее, как на пространстве равнины показалась пыль, подобная вздоху влюбленных, который исходит из их горящей груди, или вроде пыли от каравана страстного желания, который идет из Египта почета с намерением свидания в Землю Ханаанскую, везя чудодейственную сурьму, возвращающую зрение ослепшим глазам современных горестных Иаковов. [Это] был отряд, состоящий, приблизительно, из двух тысяч храбрецов во всем согласных между собой и каждый одвуконь, разбивших [вражеское] войско. Нет, нет! Это были Рустемы «семи столов Мазандерана», разбившие «семь племен» [Миankаля], и, [как некогда Рустем, везший] голову Белого дива, так и они ехали, везя притороченными к седлам головы багринов из Миankаля. Впереди ехали два внушительного вида человека, при взгляде на которых [у самого] Марса растопилась бы от страха печень, а у Сатурна она бы разорвалась. Один из них высокого роста с большою бородою, пожилой; это был Даулат Мухаммед-бий туркмен. Другой — из народа горных кочевников (кух навард) Сарык-бий. [Оба они] с двумя

тысячами пятьюстами стрелков, явившись с выражением рабской покорности к счастливому монарху [Абулфейз-хану], довели до его высочайшего слуха радостную весть о победе над врагами. Каждый из воинов с обоими начальниками были обласканы за свою преданность и самоотверженность, так что от громких звуков большого царского барабана, [торжествующе возвещавшего населению о победе над врагами], оглохла небесная сфера[306].

Что касается встречи сего отряда с вражеским войском, то она перешла в [жаркий] бой. Сын Сарык-бия был в самом горячем месте схватки, так что || со своею быстротою он достиг до дерева того могу- 157*б*
чего человека и отрубил его ногу по колено, как [какую-нибудь] ветвь с плодами, и тот, как плод финиковой пальмы, сразу упал на землю. Группа неприятельских бойцов с кинжалами устремилась на этого изящного юношу, [но] племя туркмен нури[307], видя угрожающую опасность этому молодому человеку, став, как розы с разорванным воротником, все сразу выхватили свои, подобные остролистным лилиям, шашки и бросились на толпу багринов. Как море, кипя и ревя, они смешались все вместе, и бой разгорелся такой, что уподобился Страшному суду. Все—во власти страсти битвы, и смерть, не различая Иосифа от Иакова, отца от сына, разбила свой шатер [на этом поле брани]. Сильный ливень смерти обильно поливал заросли лезвий шашек кровью бойцов. Зеленые верхушки [этих зарослей] были схвачены когтями смерти, и головы под ударами мечей летели, как дервишские колпаки. Вдруг неприятельский отряд атаковал нуратинских туркмен, достигнув их знамени, и с силою погнал их. Другие же храбрецы, сбивающие с ног людей, положив копья на уши лошадей, как многоводный поток, обрушились на племя багрин и погнали их, достигнув бунчука Абдулкарима||...[308], чтобы похитить из небесной конюшни ко- 158*а*
ней [нужно?] устроить засаду из группы созвездия Плеяд. Несмотря на то, что это было у всех на глазах, одного [лишь] удастся захватить, [ибо] веки всех глаз столь плотно сомкнутся, что самый глаз того не увидит [и не осознает].

Прибывшие вместе с этим племенем имели встречу с его величеством государем. Последний оказал [им] свою царственную любезность. Оба сына мира, получив разрешение, в тот же день отправились и присоединились к высокодостойному [бухарскому] войску у моста Мехтер Касима. Когда неприятель услышал о походе отрядов кунгратов, он пришел [в большое] смущение, куда ему спрятать скот, имущество и лошадей. И действительно, каждое утро обманным образом

группа кунгратов, выезжая, приводила лошадей, верблюдов и привозила одежды [врагов]. Последние от всего этого пришли в уныние. Короче говоря, если бы подробно рассказывать, что произошло между обеими
158*б* [сторонами], || то было бы утомительно излагать все это и слушать (?). До 26-го числа месяца поста (т. е. рамазана) он (?) прибыл и около двадцати дней эти два войска простояли друг против друга подле Вабкенда.

Положение горожан и окрестного населения стало весьма стесненным из-за грабежей. [В это время] стало известно, что один человек по имени Махдум бараки, глава племени бараки, часто пишет Ибрагиму. Об этом узнал «опора эмиров» Хаким-[бий] аталык, он перехватил известие, посылавшееся этим бараки. Так как ежедневно Баки кушбеги вместе с детьми [своих] друзей сторожил начало пути грабителей, то на ночь возвращался в город [Вабкенд, где] был правитель [из] этого племени [бараки]. Когда кушбеги прибыл в город, его известили о поведении [Махдума] бараки. Произвели расследование, все подтвердилось. [Махдума] наказали. Хвала и благодарение Аллаху, что он оказал милосердие, и тайна эта обнаружилась через него, вседовольно-
159*а* го, || в противном случае произошла бы удивительная и необычайная гадость! Дело в том, что этот [Махдум] бараки в этом походе по ночам охранял высочайшую ставку (урду) и имел свободный доступ в высочайший арк. Всевышний господь наказал его, потому что он забыл [государев] хлеб-соль и желал причинить его величеству и войску вред. Бог же по своему милосердию отстранил его злое намерение. [Его величество] соизволил приказать содрать кожу с этого злосчастного перед лицом [всего] войска. В тот день, когда с Махдума бараки сдирали кожу, была среда. В эту ночь враг предпочел бегство. Происшествие это было такого рода. Когда кровожадный и наглый враг предал смерти Ходжим Бирды ишик-ака-баши чунака, руки его родственников стали развязаны в отношении его крови и ночью большая группа их совсем покинула [неприятельский лагерь], а в среду 21-го числа благословенного месяца рамазана [враги] оказались разбитыми (букв. разоренными). Действительно, чунаки в этом походе проявили безграничную преданность [престолу][309]. ||
159*б* Пишущий эти строки, на основании правил науки о звездах, пришел к заключению, что в этот самый день планета Марс перемещается в знак Тельца, так что последний является ответственным за Марса. И потому звезда злых людей ослабла [в своем влиянии] и обнаружи-

лась сила разъединения в сборище злых. Некоторые из [моих] друзей и близких объяснили это [другим]. Это определение, дошедшее до высочайшего слуха и везиров, по аналогии подтвердилось [еще] три раза. Короче говоря, когда в тот счастливый день враги рассеялись, так что ожерелье их банды развязалось, то каждый из них направился в свою сторону. Было время около намаз-и дигара (т. е. между полуднем и закатом Солнца). Правительственные войска, узнав об этом, сели на коней и бросились преследовать неприятеля. Все имущество населения, которое захватили мианкальские грабители и не могли с собой увезти, [бухарцы] не допустили, чтобы эти мародеры и [вражеские] войска его уничтожили, || [поэтому] все это попало в руки кунгратов 160*а*
и туркмен.

Стих:

Один понес обиду, другой — золото.*

Ночью в четверг упомянутого месяца [рамазана] известие об этой победе доставил в город Бухару к блистательному [ханскому] порогу Авез Идачи найман. И хвала Аллаху! Та ночь была ночью, [когда]

стихи:

Врата счастья раскрылись [и]*
Голос об открытии их [всем] даровал счастье,
Тот, кто дарует мне радостную весть, что я могу вылететь из клетки
на свободу,*
Может ли меня обрадовать большим, чем эта весть?

А ранним утром весь город был в волнении, так как весть о бегстве врагов дошла до ушей всей знати и простонародья. Народ толпами повалил на Регистан и все поздравляли друг друга с таким счастьем, дарованным его величеству, а когда рассвело, то от радости люди обнимали друг друга. Когда искусный наездник — Солнце счастья — уселся на своем благоденствующем троне и узкоглазые [мигающие] звезды обратились в бегство, || а с месяца упала шапка, герои войны 160*б*
стали стаскивать с коней неприятельское [разбитое] войско [и брать пленных]... Они привезли накиба Раджаб-султана с сыном; когда привели их перед очи его величества, последний хотел было сделать их наместниками виселицы [большого] минарета[310], но народ не допустил, чтобы они [оба] туда отправились. Схватив палки, народ во дворе высокого дворца потащил их и стал избивать, [пока не убил]. Около че-

тырехсот грабителей было захвачено и убито. Говорят, что из вражеского войска погибло около десяти тысяч человек. Один отряд грабителей, отправившись в набег на Каракуль, тоже бежал [оттуда] и, попав в пустыню Ходжа Аубан[311], погиб там от жажды. Нияз хаджи, бывший [главным] виновником мятежа и смуты, — ты сказал бы,
161*а* что он послушался голоса дьявола, — в ту ночь || достиг Ваганзи, упал с лошади и сломал себе хребет. В тот же день несколько человек нашли его с переломленной спиной и заявили об этом проезжавшему Алла Шукур туксаба мангыту. [По его распоряжению], положив на шею этого пройдохи хаджи два древесных сука[312], доставили [его в Бухару]. На седьмые сутки его в высоком арке посадили в тюрьму, а затем предали смерти.

Мятеж этот и волнение прекратились, унеся с собой множество запасов продовольствия и всякого добра. Абдулкарим в том бегстве упал с лошади и разбил себе плечо. Через три дня он приехал в Кермине в болезненном состоянии[313]. Хаким-бий аталык и Абдулла кушбеги отправились к крепости Хазора. А так как население ее, забрав имущество, скиталось по району, терпя лишения, и людей в крепости осталось ничтожное количество, то последовало высочайшее распоряжение, чтобы оно вернулось. Войско [бухарское] с помощью высшей истины покрыло себя славою. ||
161*б*

Стих:

Когда победа обращает [к тебе] лицо, не следуй за войском.*

Словом, в ночь на праздник эмиры вступили в город и молитва праздника разговенья была прочитана с тем выражением счастья и радости, которое в тот момент царило в сердцах мусульман.

Барат-бий был утвержден в должности диванбеги; Даниала[314] сделали парваначи, Сарыка — дадхою; Даулат-бию пообещали сделать его правителем Кермине и его района.

По прошествии после этого трех месяцев Абдулкарим от [имени] вышеназванных [бухарских] пленников, кои были Ходжим Яр дадха и группа лиц, [с ним] послал [в Бухару] Али-бека чагатайбеги[315], чтобы он привез [за пленных выкуп] золотом, после чего обещал их отпустить. [Али-бек] привез около двух тысяч золотых (ашрафи), после чего Ходжим Яра дадха и бывших с ним доставили [в Бухару], где Ходжим Яра немедленно сделали парваначи. ||

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В тексте дана сокращенная форма — Диним-хан.

[2] Вместо обычного Есукай.

[3] Разумеется известный эмиссар Аббасидов в Хорасане, впоследствии — хорасанский наместник, убитый по распоряжению халифа ал-Мансура в 137/755 г.

[4] Мифические цари древнего Ирана.

[5] До последнего времени этот сад был во владении бухарских эмиров (подле Бухары) и назывался в просторечии «Пиль марза», подробности о нем см. дальше в тексте.

[6] В тексте с а р р а ф, этим термином в Бухаре одинаково обозначались и золотых дел мастера и менялы, ибо в Бухаре сарраф был и тем и другим. Небольшой горн служил ему не только для ковки золота и серебра на ювелирные изделия, но и для опытов над доброкачественностью этих металлов. Наконец, слово сарраф означает также грамматику, риторику, почему здесь возможна игра слов.

[7] Что соответствует 17 марта 1711 г. По «Убайдулла-наме» Мир Мухаммеда Амин-и Бухари это событие произошло днем раньше — 26 мухаррама 1123/16 марта 1711 г.

[8] Такого точно стиха нет в Коране, но части его см. в ст. 22 суры VII, ст. 111, и 118 суры XXIII.

[9] В тексте — Идрис; этот пророк, нося имя, созвучное с арабским глаголом д а́ р а с а (читал, изучал), по воззрениям мусульман, будто бы получил потому такое имя, что много читал (см. Кысас ал-Анбия, персидская версия, бомбейская литография 1309/1891 г., стр. 27). По-видимому, вследствие этого Идрис в Бухаре считался патроном м у д а р р и с о в (преподавателей высших конфессиональных школ).

Так что смысл всей фразы следующий: «Этот мир есть то помещение, где многократно, а следовательно и преходяще, раздавались слова древних пророчеств».

[10] По мусульманским верованиям, древний могущественный царь Немврод, отрицавший бога, приказал развести огромный и ужасный костер и сжечь на нем верующего в единого бога-творца Авраама (Ибрагима), сына его верного телохранителя Азера, но по изволению Аллаха огонь не причинил вреда Аврааму и потух (см. Кысас ал-Анбия, стр. 39—46).

[11] Автор здесь сильно грешит против истины, ибо после возвращения Убайдуллы из Самарканда его престиж среди военных и эмиров неудержимо падал.

[12] Здесь и дальше, когда речь идет об узбеках, надо иметь в виду кочевые узбекские племена, переселившиеся в Мавераннахр после XV в. (*ред.*).

[13] Убайдулла-хан года за два до своей гибели заложил большой сад (Чарбаг) подле г. Бухары (к западу от него), возле ворот Тилипач, среди которого построил дворец; сад был наполнен разными фруктовыми и декоративными деревьями и цветниками и обнесен высокой стеной. Он получил название Ханабад (построенный ханом); в нем Убайдулла больше всего любил проводить время (Мир Мухаммед Амин-и Бухари, Убайдулла-наме, пер. А. А. Семенова, АН УзССР, 1957, стр. 248—258).

[14] В тексте стоит идиома дар сар-и суворн, которая означает разговор, при встрече двух человек, из которых один сидит на коне, а другой пеший. Так что для данного случая дело, по-видимому, обстояло так, что Убайдулла ехал верхом, его остановил пеший Мухаммед Рахим парваначи и предупредил о заговоре.

[15] Должность мехтера (собственно михтар-и калон — великий конюший) была ниже должности кукельташа, кушбеги и великого дворцового евнуха. Он ведал сбором заката, взимавшегося, в размере 1/40 части с имущества мусульман, 1/20 — с имущества иноверцев, подчинившихся мусульманам, и 1/10 — с иноверцев, покоренных силою оружия; в его же компетенцию входило заведование найденными вещами, неизвестно кому принадлежащими (луката) и состоящими из разного имущества, денег, скота и зернового хлеба (см. переведенный нами анонимного автора «Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре», Советское востоковедение, т. V, М.—Л., 1948, стр. 148—149).

Что касается самой личности мехтера Кабули, то он был в числе заговорщиков, и автор Убайдулла-наме, Мухаммед Амин-и Бухари, называет его «подлый Кабули» и «Кабули, хищный тигр, пожирающий собак,... захватил должность великого мехтера» после убийства Убайдулла-хана (Убайдулла-наме, стр. 251, 271).

[16] Из всего этого видно, что Абулфейз жил подле арка в отдельном помещении под арестом, без права выхода и сношения с окружающим миром.

[17] Фраза эта приведена мною по-русски без соответствия с оригиналом, где, очевидно с погрешностями, написано непонятное выражение زبی بر کردن نکه. Сличение с другою рукописью оказалось невозможным, потому что настоящий список единственный.

[18] Бехрам — сасанидский шах, знаменитый охотник, обольститель женщин и отважный воин; вместе с тем это слово означает также планету Марс.

[19] Слово наккара-ханэ, или, по-бухарски, наккора-хона, всюду на Востоке до самого последнего времени обозначало помещение с открытой передней стеной, расположенное над дворцовыми или кремлевскими воротами (арк) тех городов, где жили правители областей или государи страны. В древности в наккара-ханэ оркестр играл в течение суток так называемые макамы, музыкальные пьесы числом двенадцать, из коих каждая исполнялась в определенный срок в течение двух-трех часов, так что в течение суток завершался весь цикл макамов. В последние годы XIX в. в восточных странах (вроде Ирана) в наккара-ханэ исполнялись музыкальные пьесы пять раз в день по числу обязательных молитв (намазов). Оркестры наккара-ханэ имели свои уставы и традиции, которые свято соблюдались всеми потентатами. Начальник этого своеобразного придворного оркестра назывался мехтер, и он непременно должен был быть виртуозом на наккара — небольшом барабане с глиняным корпусом, обтянутым тонкой кожей; этот инструмент составлял неотъемлемую принадлежность оркестра, играя в нем ведущую роль и как бы заменяя собой палочку ди-

рижера. Никакой другой музыкант-виртуоз, кроме наккариста, не мог быть назначен мехтером в наккара-ханэ (см. Рисола-йи Мусики, сост. Дервиш Али, автор XVI—XVII вв., ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 499, л. 80*а*—81*а*; также А. А. Семенов, Среднеазиатский трактат по музыке Дервиша Али (XIII в.), Ташкент, 1946, стр. 55—57; Ахмед Расим, Османлы тарихи, Константинополь, 1326—1328; стр. 264—267).

[20] Вся эта тирада имеет тот простой смысл, что ранней весной Убайдулла-хан предпринял поездку в «Матерь городов» Балх, но так как весна означает оживление природы, появление молодой зелени, первых цветов и т. п., а Убайдулла-хан тоже был молодым человеком, то автор олицетворил весну и его в одном образе.

[21] В тексте стоит непонятная фраза كردوای آن مملکت برکردندی из-за слова كردوی, в котором конечное *яй* играет, несомненно, роль изафета; такое же слово находится и на следующей странице. Можно думать, что это есть искажение переписчиком бухарской идиомы كردونوا (гард-у нава), что означает осмотр, исследование чего-либо с целью нахождения недостатков, неисправностей, недочетов и т. п., например, в выражении «лабасра гард-у нава гардед» («осмотрите платье, нет ли на нем дыр, пятен»).

[22] Ни'матулла-бий дадха, из племени найман, был личным другом Убайдулла-хана. Историк последнего называет Ни'матулла-бия «дерзким и наглым человеком, дружба с которым для государя была хуже вражды» и в конечном результате тоже способствовала гибели хана. При всеобщем недовольстве Ни'матуллою со стороны эмиров и придворных Убайдулла вынужден был расстаться с ним, назначив его правителем Термеза (Убайдулла-наме, стр. 224).

[23] В тексте пеш хана-йи кирйоз. Термином «пиш ханэ» (пеш хана) в Бухаре обозначились все те принадлежности, которые лицо, отправляющееся в поход, переезжавшее на дачу и проч. отправляло впереди себя ,палатки, постель, сундуки с платьем и проч., чтобы по прибытии на место там уже все было готово, дабы расположиться с удобствами.

[24] Фарраш (фаррош)—дословно «расстилающий ковры, содержащий их в порядке». Поскольку на Востоке мебели не было и ковры заменяли ее, то слово фарраш обозначает в нашем понятии прислугу, лакея.

[25] Мехтер Хаджи Шаф'и был инициатором выпуска в обращении низкопробной монеты, теньги, с содержанием серебра меньшим в четыре раза, но с такою же стоимостью, что и полноценная теньга. Эта мера была вызвана тем обстоятельством, что доверенные хана забрали в долг у бухарских купцов огромные суммы денег, платить которые в конце концов оказалось нечем. Выпуск в обращение этой низкопробной монеты вызвал в г. Бухаре большое восстание и всеобщее возмущение. Массы народа, вооруженные чем попало, бросились к арку и стали громить камнями его ворота, выкрикивая ругательства и оскорбления. Восстание было с трудом усмирено. Историк Убайдулла-хана всячески порицает мехтера Шаф'и за эту меру и не жалеет для него «поносительных» эпитетов (Убайдулла-наме, стр. 157—159, 226, 227).

[26] В этом стихе в оригинале не достает одного или двух слов до метра, почему и пришлось перевести его по смыслу в связи с пониманием предыдущего стиха.

[27] В тексте намаз-и шам — вечерняя молитва, совершаемая минут через 20 после захода солнца.

[28] По-видимому, Ма'сум аталык, как старейший из сановников, на время отсутствия в столице Убайдулла-хана был оставлен в городе правителем, заместителем хана. Зная о подготовлявшемся заговоре против хана, он рекомендовал ему иметь в поле своего зрения оставленный им бухарский арк, где был главный центр интриг.

[29] Пращи в Бухаре и вообще в Средней Азии устраивались в виде не особенно большого лука с двумя тетивами из жил. Посредине прикреплялась вязанная из суровых ниток вкладка, куда помещался небольшой камень. Тетива после этого натягивалась и спускалась обычным порядком, и камень летел к намеченной цели. Мальчики-подростки из этих пращей стреляли птиц.

[30] По воззрениям средневековых мусульман, горы Каф окружали со всех сторон землю, в них жили демоны и гении.

[31] В тексте ятим — сирота, но в Бухаре это слово употреблялось также в значении слуги, вышедшего из тех сирот, которых воспитали отдельные лица из сострадания и жалости.

[32] Ишик-ака-баши в бухарской придворной иерархии того времени — главный хранитель высокого порога, на обязанности которого лежала охрана дворца, когда там проживал хан (Бухарский трактат о чинах и званиях, стр. 150).

[33] Почти тотчас же после убийства Убайдулла-хана все принимавшие участие в этом бросились в арк и предались там самому дикому грабежу, насилиям и убийствам. Много придворных и дворцовой челяди было перебито (Убайдулла-наме, стр. 271—272).

[34] В тексте, несомненно, ошибочно написано رسايان вместо سرايان, это зачеркнуто и на поле справа другою рукою написано بهخواجه انصاف سينه صاف همراه حضرت (؟), т. е. послал «чистогрудого Ходжа Инсафа вместе (с кем?) к его величеству [известить].

[35] Здесь или пропуск переписчика, или отсутствует целый лист.

[36] По воззрениям мусульман, существует шесть измерений: перед собою и позади себя, вправо и влево, в высоту и в глубину.

[37] Коран, сура XVIII, ст. 77, по переводу Саблукова.

[38] По-видимому, игра слов, так как слово «сладкая» означает и собственное имя известной на Востоке красавицы Ширин, возлюбленной Сасанида Хосрова Первиза и героини бесчисленных поэм, легенд и преданий почти всех мусульманских народов.

[39] Коран, сура III, ст. 182; сура XXI, ст. 36 и сура XXIX, ст. 57.

[40] Михрабом называется ниша в стене мечети, перед которой имам читает вслух молитвы, стоя впереди молящихся. Перед насильственною смертью осужденному обычно давали возможность совершить омовение и помолиться, часто и само лицо, знавшее, что скоро придут его убить, заблаговременно совершало омовение и затем молитву.

[41] На полях написано против этого места (л. 15*а*): «...вроде приближенных его величества, [отмеченных] титулами: Ходжа Инсафа, Мухаммед Назара дадхи, Джанибека ишик-ака-баши и других сорока—пятидесяти человек из мулозимов, присутствовавших [здесь]».

[42] Здесь Убайдулла-хан сравнивает себя со вторым сыном четвертого «праведного» халифа Алия имамом Хусейном, погибшим в равнине Кербела (в Месопотамии) в 680 г. со всеми своими близкими от руки воинов халифа Езида из династии Омейядов.

[43] Выражение фигуральное, в значении «представиться августейшей особе и удостоиться поцеловать ее руку». Общераспространенное в бюрократических и военных кругах ханской и эмирской Бухары выражение б а р и к о б - и о л и («у высочайшего стремени», «при высочайшем стремени») означало «в свите государя».

[44] Намек на выдумку братьев Иосифа, продавших его купцам и сказавших отцу, что волк унес мальчика; так как Иосиф был юн и красив, то автор уподобляет ему правление (давлат) молодого и красивого Убайдулла-хана.

[45] Вместо этих двух слов в тексте коранский стих: «Да будет! И оно будет!» (по переводу Саблукова), встречающийся в суре II, ст. 61, 129; в III, ст. 73 и в др. сурах.

[46] Вся эта цветистая тирада, описывающая утренние события, в действительности излагает следующее. Сейчас же после убийства хана разбушевавшаяся военщина, как выше упомянуто (прим. 33), бросилась в покои хана, захватила его жен и всех женщин, сорвала с них одежды и всех их босых и простоволосых разобрала по рукам, каждый посадил позади себя по женщине на круп лошади и все повезли их в казармы на потеху.

[47] Этим стихом устанавливается точная дата составления настоящего стихотворения (февраль 1711 г.), синхронная самому событию, свидетелем которого был автор. Следовательно, и весь труд является произведением современника описываемых в нем событий.

[48] Бухарцы всегда опоясывали шашки вокруг талии, а хивинцы носили их на портупеях через плечо.

[49] В тексте о т а г а, что в староузбекском языке, собственно, означает султан на чалме, на шапке, на шлеме (см. Л. Б у д а г о в, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I, СПб., 1860, стр. 110).

[50] В тексте ради метра — аз хан у аз ман вместо аз хан у ман.

[51] Чтобы понять это восхваление нашим автором и автором «Убайдулла-наме» преданности Афлатуна калмыка, следует иметь в виду, что личный конвой Убайдулла-хана, как и его преемника Абулфейз-хана, состоял из русских рабов и рабов-калмыков. Оба хана доверяли им больше, чем кому бы то ни было из своих узбеков. А при Абулфейз-хане дело дошло до того, что он больше всего надеялся на тех своих русских рабов (по словам очевидца, русского посла), «которые на Руси родились, а которые и здесь родились от отца или от матери басурманской, и тем не весьма верит и оных одних без калмыков никому в партию не высылает». Правда, личный ханский конвой из русских рабов не проявил никакой попытки защищать Убайдуллу и при проникновении заговорщиков в арк притворился спящим; не было и со стороны калмыков активных выступлений на стороне хана. Поэтому тем более проявление необыкновенной верности хану со стороны одного «неверного» язычника-калмыка сильно поразило современников, среди которых никого не нашлось, кто бы разделил с ханом участь, уготованную ему узбекскими эмирами и военным сословием (Убайдулла-наме, стр. 266, 268, 273; две реляции Флорио Беневени из Бухары от 10 марта 1722 г. Петру I, Приложение к работе А. Н. Попова «Сношение России с Хивою и Бухарою при Петре Великом», Записки ИРГО, кн. IX, СПб., 1853, стр. 373).

[52] В тексте буквально — «горсть своей воды и праха [из которой я создан]».

[53] Т. е. «Я происхожу от Субхан Кули-хана (1091/1680—1114/1702), я — внук Надир-хана (1051/1642—1055/1645)».

[54] Как было упомянуто выше, Джаушан калмык с братьями получил за убийство Убайдулла-хана от мехтера Кабули 8 тыс. тенег; часть этих денег была им, несомненно, обещана другим лицам за активное участие в убийстве хана.

[55] В священный месяц мухаррам, когда нельзя было воевать, а следовательно, и проливать кровь человека. В первые десять дней этого месяца (так наз. ашура — десятидневие) имам Хусейн испытывал свои предсмертные бедствия в равнине Кербела, пока не был убит в десятый день мухаррама.

[56] Таджикско-персидский термин «вода лица» (абру, абруй; обру и обруй) в переносном смысле обозначает достоинство, честь. Здесь переведено буквально, в соответствии со смыслом последующего стиха, в котором тоже говорится о «волнах вод».

[57] Т. е. «Я — дорогое дитя Субхан Кули-хана».

[58] Об этом эпизоде в «Убайдулла-наме» не упоминается, хотя сам Кучик-Хайван фигурирует в числе заговорщиков и убийц хана (см. Убайдулла-наме, стр. 267, 269).

[59] Здесь игра слов: имя узбека было Кучик-Хайван (из племени минг), что дословно значит «малое животное», «малая скотина».

[60] Мулозимами в Бухаре обозначался довольно многочисленный класс низших служителей при высокопоставленных лицах [в Бухаре эпохи мангытов — при улема (уламо) — вроде верховного судьи, раиса, судей вообще и проч.]; они комплектовались из сирот и исполняли разные поручения своих патронов. Словом мулозим — арабского происхождения и дословно значит «безотлучно присутствующий при ком-либо».

[61] Коран, сура II, ст. 151.

[62] По верованиям мусульман, двое ангелов — Харут и Марут — влюбились в одну женщину по имени Зухра, замечательную музыкантшу. Она поставила условием, что отдаст им свою любовь за песнь, которую поют ангелы перед престолом Аллаха. Те исполнили ее желание, а Зухра попробовала повторить эту песнь, но едва она ее закончила, как была вознесена на небо и помещена на нем в виде блестящей красивой звезды, известной под именем Зухра, обычно отождествляемой с Венерой и играющей в мусульманских сказаниях роль небесного музыканта. Харут и Марут были свергнуты Аллахом с неба. Канун—музыкальный струнный инструмент, доставшийся мусульманскому миру от эллинского мира.

[63] Восточные литераторы и поэты отождествляют нарцисс с человеческим глазом, так что это выражение соответствует нашему «его глаза померкли».

[64] Выражение горя и траура по умершим в Средней Азии былых времен. Мы имеем на это указание в истории Тимура. Когда он возвращался из своего четвертого похода на Моголистан, он получил известие о смерти своего сына Джехангира, оставленного им на время своего отсутствия наместником Самарканда. При приближении Тимура к столице, «все министры, вельможи, великие и благородные люди,

СТИХИ:

Все одетые в темно-синее платье,*
С сердцами, полными крови, проливая реки слез,

Все, посыпав головы от горя землею,*
Как платье, изорвав свою грудь,

поспешили выступить ему навстречу. Весь народ, обнажив головы и набросив на шеи черные войлоки и паласы, вышел из города...» (Шарафуддин Али Езди, Зафар-наме, принадлежащая мне рукопись, по-видимому, XVI в., л. 68*а*—68*б*).

65 В этом стихе пропущено какое-то слово, так что перевод дается неточный.

66 Стих переписан с погрешностями против метра.

67 Тело Убайдулла-хана похоронено в мазаре шейха Бахауддина в усыпальнице его предков, вместе с его отцом Субхан Кули-ханом (Убайдулла-наме, стр. 274 и др.).

68 Против этого сбоку написано другою рукою: «Псевдоним Мовланы Абдуррахмана, составителя этой книги, был Тали' (Толе'), о чем упомянуто в начале книги».

69 Абдулла-бий хаджи занимал должность кушбеги при Убайдулла-хане, который незадолго перед своею гибелью отстранил Абдулла-бия от этой должности в г. Бухаре, предоставив ее молодому дворцовому служителю из рабов Тюря Кули, а Абдулла-бия назначил в Балх верховным кушбеги (Убайдулла-наме, стр. 277).

70 Так как кенегесы жили в Шахрисябзской области, юртом которых она считалась, и были подданными бухарских ханов, то Худаяр-бий, оскорбленный отказом в утверждении его аталыком, отправившись в Шахрисябз со своим сыном, сторонниками и соплеменниками, что, по-видимому, представляло значительные вооруженные силы, начал войну с кенегесами, разорял и опустошал их земли, как подданных хана, тем желая отомстить хану. Эта картина была обычной в феодальной жизни среднеазиатских ханств.

71 Махрамами в Бухаре назывались низшие дворцовые чиновники, нечто в виде пажей, которые исполняли разные обязанности при ханах или эмирах. При Убайдулла-хане они имели большую власть; воспользовавшись неладами хана с военным сословием, стали пренебрежительно относиться к военным и даже отдавать им приказания. Дело дошло до того, что у военных, как выше упоминалось, отняты были их танхо и забраны дворцовыми служащими. Индусам-ростовщикам было оказываемо особое покровительство, а мусульманам чинились всяческие препятствия добиться правосудия в тяжбах с индусами. Такие и подобные им явления, совершаемые дворцовой кликой, вызывали крайнее недовольствие узбекских эмиров и военного сословия и были в числе причин, повлекших свержение хана и его убийство (Убайдулла-наме, стр. 284 и сл.).

72 Оба эти ходжи были богатыми и влиятельными людьми, весьма близкими к Убайдулла-хану; поэтому сейчас же после убийства хана Джаушан калмык постарался устранить этих ходжей. Воспользовавшись тем, что Ибрагим-бий диванбеги не получил своей доли из грабежа ханского добра, как, вероятно, и Ходжа Кули парваначи, новый кушбеги отдал ходжей в руки этих лиц (по Убайдулла-наме, стр. 284— в руки одного Ибрагим-бия), которые в несколько приемов дочиста обобрали ходжей.

73 Два значительных медресе Ходжи Даулата и Ходжи Нихаля, расположенные на Регистане, существовали до конца Бухарского ханства.

74 В своих кровавых расправах над знатью Джаушан в конце концов, по-видимому, потерял всякое чувство меры. По словам историка Убайдулла-хана, имущество всех лиц, имевших хоть какое-либо отношение к убитому хану, он конфисковал; о разных почтенных лицах распространял слухи о несправедливостях, чинимых на-

роду; за каждое непонравившееся ему слово предавал виновного смерти с конфискацией его имущества. Сборщики податей и все служилое сословие страшно боялись его из-за жестокого с ними обращения. Его высокомерное обращение не только со всеми, но и с Абулфейз-ханом, которого он третировал и, как ходили слухи, хотел извести, чтобы самому стать ханом, вывели из себя даже слабовольного Абулфейза, и тот высказал свое недовольство Джаушан Ма'сум аталыку. В согласии со всеми эмирами было решено отделаться от кушбеги. Его под каким-то предлогом попросил к себе аталык вместе с его братом Салах курчи, и когда Джаушан прибыл к аталыку, он был там схвачен, брошен в тюрьму, подвергнут пыткам и убит с своими братьями Малахом и Ибрагимом (Убайдулла-наме, стр. 286—288).

[75] Арбабом называлось в городе лицо, следившее за общественными работами по очистке оросительных каналов, за сбросом подпочвенных вод и проч. (Бухарский трактат о чинах и званиях, стр. 142).

[76] Семь племен, или семь родов, — объединение семи родов узбеков Зарафшанской долины (П. П. Иванов, Восстание хитай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—1825 гг., Л., 1937, стр. 116, прим. 13).

[77] Все эти события, так отрывочно, но весьма определенно передаваемые нашим автором, их непосредственным свидетелем, сводятся к тому, что при общем хаосе в государстве, последовавшем за убийством Убайдулла-хана и возведением небольшой кучкой заговорщиков ничтожного Абулфейз-хана, поместные феодалы и главари племен почувствовали себя совершенно не связанными с центральною властью и подняли бунты. Особенная анархия, по-видимому, царила в Миankале, где свободолюбивые хитай-кипчаки представляли благодатную почву для всяких сепаратистских выступлений и движений и где имелись в распоряжении родов крепости, служившие опорными пунктами для мятежных выступлений против центральной ханской власти или соседей. Все это были предпосылки для последующих крупных и продолжительных народных восстаний в Миankале, вроде восстания, возглавленного Ибадулла-бий хитаем в 1159/1746 г. при том же Абулфейз-хане, или большого и многолетнего восстания хитай-кипчаков в 1821—1825 гг. при эмире Хайдаре. Следствием всего этого было крайнее разорение оседлого населения с расстройством оросительной системы, запустением пахотных полей и неизбежным уменьшением населения вследствие его гибели и выселения в другие места.

[78] Один из маленьких бухарских базарчиков, существовавших до Октябрьской революции, где торговали всеми продуктами. Он находился неподалеку от Лаб-и Хауз-и диванбеги.

[79] Факт чрезвычайно любопытный, показывающий, до какой степени главарям племен было чуждо уважение к авторитету высшей государственной власти, до какой степени они не понимали идею целостности государства и безразлично относились к преступным посягательствам на нее, что заведомого бунтовщика и вымогателя Худаяр-бия возвели в самое высокое звание аталыка.

[80] Должность великого ходжи, можно думать, есть то же, что должность великого евнуха. Он являлся начальником над дворцовыми евнухами; на его обязанности лежала охрана гарема и доставка в него пищи, платья и проч. (Бухарский трактат о чинах и званиях, стр. 148).

[81] Т. е. эта область была в столь номинальной зависимости от Бухары, что управлять ею бухарскому ставленнику было делом невозможным.

[82] В тексте, несомненно, ошибочно написано «Бай Мухаммед-бию», а слева на полях другою рукою приписано против этого «Фархад-бию».

[83] Должность п а р в а н а ч и (от старотаджикского парвана — царский письменный приказ) была одною из высших должностей; на обязанности парваначи лежала выдача эмирских или ханских указов или ярлыков жалуемым ими лицам. Выдавая такой указ награжденному должностью, чином или званием, парваначи особым образом складывал бумагу и вставлял ее в чалму награжденного, и тот в течение трех суток ходил с таким указом.

[84] Т. е. сотканный из противоположностей, мог быть хладнокровным и крайне вспыльчивым.

[85] Против этого места на полях написано другою рукою: «Ибадулла-хан из потомства Вели Мухаммед-хана вступил в Балхе на престол»; следовательно, Ибадулла происходил из рода Аштарханида Вели Мухаммед-хана, сначала правившего в Балхе (1007/1599—1014/1605) в качестве удельного князя, а потом бывшего ханом всего Мавераннахра (1014/1605—1020/1611). Все это и нижеследующие строки показывают, что Балх в это время Бухаре фактически не подчинялся.

[86] На должность н а к и б а назначались лица сейидского происхождения. Накиб принадлежал к военному ведомству, он должен был быть компетентен в вопросах устройства, снаряжения и расположения войск во время похода, обычного передвижения воинских частей и во время военных действий (построение армии, посылка авангардов и арьергардов, устройство засад и проч.), на его обязанности лежало не допускать достойного или пригодного для определенной должности человека к исполнению неподходящей для него (Бухарский трактат о чинах и званиях, стр. 140).

[87] Т. е. известного среднеазиатского суфийского шейха и политического деятеля Ахмеда, сына Джалалуддина Ходжаги-йи Касани, умершего в 949/1542 г.

[88] Т. е. из потомков известного бухарского многоученого шейха Мухаммеда Парса (ум. в 822/1420 г.), его сын Ходжа Абу Наср-и парса (ум. в 865/1460—1461 г.) построил в Балхе богатую мечеть, импозантные развалины которой сохранились до сего времени.

[89] По-видимому, эта женщина была тюркского происхождения, принадлежала к одному из племен позднейшего Семиречья, которое в ту пору вместе с районами по р. Чу называлось Туркестаном, туркестанцев тогда в Бухаре было, видимо, немало.

[90] А'л а м о м в Бухаре назывался самый ученейший из муфтиев столицы, печать которого ставилась на юридических актах выше печатей муфтиев. Не скрепленные печатью а'лама подобные акты были недействительны.

[91] Ни'матулла-бий был н а й м а н, и его племя проживало в Термезском вилайете, который был юртом узбеков племени кунграт. Поскольку Ни'матулла-бий был продолжительное время правителем Термеза, то его знакомые и доброжелатели оставались в сильной термезской крепости.

[92] Это отправление в Мекку высокопоставленных и влиятельных лиц в прежней Бухаре было своего рода почетным изгнанием, когда им по тем или иным соображениям нельзя было оставаться не только в столице, но и в стране вообще. Поскольку путь к священным городам Аравии был длительный и караваны шли не торопясь, то все паломничество даже при нормальных условиях продолжалось не меньше двух лет. Но так как такой паломник-изгнанник знал, что возвращение его на родину нежелательно, а порою и небезопасно для него, он обычно в пути где-либо задерживался на

более или менее продолжительное время, или совсем оставался в облюбованном им месте, или выжидал известий с родины — не изменилась ли там в благоприятную для него сторону политическая ситуация. Если же он был стар и немощен, то обычно оставался умирать в Мекке или Медине.

[93] 1129 г. хиджры начался 12 декабря 1716 г. н. э.

[94] Шейх ул-ислам в то время был высшим судьей, к которому аппелировал верховный судья (козий калан) столицы, будучи связан его решениями (Бухарский трактат о чинах и званиях, стр. 139). Таким образом, назначение на эту должность пятнадцатилетнего мальчика, ненавидимого своими сородичами, джуйбарскими ходжами, быть может за его поведение, являлось издевательством над здравым смыслом, поруганием и окончательным дискредитированием правительственной власти, отныне распыленной по рукам беспринципных и беспардонных узбекских эмиров.

[95] В точном переводе этой фразы я не уверен, ибо она для меня не вполне понятна.

[96] Саркуб обозначает высоту, доминирующую над чем-либо; в военном искусстве Востока при осаде крепостей вокруг них создавали искусственные возвышения из земляных насыпей, из валежника, деревьев и проч., так что эти возвышения, нередко превышавшие высоту стен осаждаемой крепости, давали осаждавшим возможность успешно вести осаду, корректировать свою стрельбу и видеть все происходившее у неприятеля.

[97] 1130 г. хиджры начался 5 декабря 1717 г. н. э.

[98] Чисто бухарское выражение — гург ошти кардан (заключить лицемерный, для вида мир).

[99] См. прим. 10.

[100] Праздник тюльпанов (гул-и сурх) — древний национальный праздник населения Бухары, торжественно и шумно справлявшийся в апреле при появлении красных тюльпанов. Почти все население столицы ханства выселялось со всеми семьями и пожитками в Бахауддин, где устраивались огромные базары, разные увеселения. Все это тянулось в течение месяца и восьми дней.

[101] Личности пока неизвестны.

[102] Аштарханид Надир Мухамед-хан, правивший с 1051/1645 г., не пользовался никаким влиянием ни у своих подданных, ни в собственной семье, в которой его сыновья, получившие уделы в разных местах страны, отказывали ему даже в элементарном повиновении и восставали против него, стремясь его свергнуть с престола. Одним из них был упоминаемый здесь Абдулазиз-хан, свергнувший с престола отца, который вынужден был бежать в Балх. Абдулазиз правил с 1055/1645 по 1091/1680 г.

[103] В тексте числовые комбинации этого выражения касаются только слов «хан-и тахт шах» (хан трона — шах), которые дают хронограмму 1065 — год вступления на престол Абдулазиз-хана.

[104] Подробности об этом см. Мухаммед Юсуф мунши, Муким-ханская история, Ташкент, 1956, стр. 97—101.

[105] В числовом отношении выражение дает 1061 год.

[106] Бастам (Бистам) — город в провинции Шахруд в Иране.

[107] Коран, сура LXXXIX, ст. 28.

[108] Участие, которое проявлял Аббас II к Надир Мухаммеду, объяснялось тем, что мать последнего происходила из знатной семьи мешхедских сейидов и была в род-

стве с домом сефевидов. В тексте название места погребения написано без диакритических точек и, по-видимому, означает Бакы' ал-гаркад — кладбище в Медине.

109 Праздник этот сохранялся в Бухаре до самого последнего времени, он падал на первый пятничный день раджаба и назывался 'ид-и раджаб; чтение Корана от начала до конца тоже происходило (с четверга на пятницу и в субботу). Между прочим, по словам покойного Адилова, с этим днем совпадало большое народное гулянье подле водоема Санглисак (около Регистана). Рядом лежал огромный продолговатый мраморный камень (вроде намогильного) в наклонном положении, вверху его было выдолблено углубление вроде большой чашки, от которой вниз шел желоб. В первую пятницу раджаба к этому камню стекался народ в огромном количестве и устраивалось нечто вроде гулянья, появлялись разные торговцы сластями, съестным, фруктами и пр. Давка бывала невероятная. Сюда же вели малых детей в возрасте двух-четырех лет, которые были пугливы, невнятно говорили и вообще страдали расстройством речи. Их подводили к низу камня, куда сбегала по желобу наливавшаяся сверху в чашку вода, и заставляли подбирать ртом стекавшие вниз капли воды, при этом ребенок припадал ртом к камню и, естественно, лизал его. Отсюда и название всего водоема — «Хауз-и санглисак», т. е. «Водоем облизываемого камня».

110 Все эти сравнения взяты из «Шах-наме». Семь столов Мазандерана означает следующее: когда Кейкаус, сын Кайкубада, попал в Мазандеране в плен, для его спасения отправился герой Ирана, богатырь Рустем. По дороге он был вынужден на остановках сражаться с дивами и волшебниками и после победы над ними каждый раз в благодарность за победу устраивал пир и угощение. А так как Рустем достиг Мазандерана в семь переходов, одержав семь блистательных побед над злыми силами и сделав семь угощений, то отсюда и термин Семь столов Мазандерана. Афрасиаб — мифический могущественный царь Турана, обширного царства, лежавшего от Ирана за Аму-Дарьей.

111 Т. е. в Фатхабаде (см. дальше прим. 147).

112 См. прим. 27.

113 В тексте «джилав-хана», т. е. помещение для лиц, принимавших от приезжавших в арк лошадей и карауливших их до их возвращения из арка. Когда тот или иной сановник садился на коня, такой стремянной (джилавдар) держал коня за поводья, когда тот слезал с лошади — поддерживал его и принимал от всадника лошадь. Если конь был утомлен долгой ездой и взмылен, то джилавдар устраивал ему проводку. Так как съезд всегда бывал большой, то и стремянных было много. Против помещения их находилась большая суфа — прямоугольное большое земляное возвышение с гладко утрамбованным верхом, на нем сидели стремянные и разные лица, сопровождавшие высоких всадников (см. Бухарский трактат о чинах и званиях, стр. 150, прим. 77).

114 Тупчибаши — начальник артиллерии. Их, собственно, было два: один назывался тупчибаши-йи лашкар, т. е. начальник артиллерии войск, ему были подчинены все начальники воинских частей ханства, почему он иначе назывался «вазир-и харб» (военный министр). Он жил в городе. В арке же жил другой тупчибаши, о котором здесь и идет речь; он назывался тупчибаши-йи дарваза-йи арк-и 'али, т. е. «начальник артиллерии ворот высокого арка». Иначе говоря, это был своего рода комендант цитадели столицы. Обычно он сидел на возвышении (суфа), находившемся с правой стороны при входе в главные ворота арка. Если же случалось

что кушбеги, соблюдая древний обычай, выходил сюда и садился на возвышение, то названный тупчибаши занимал место ниже; в отсутствие же кушбеги он сидел на его месте. В просторечии он (по крайней мере при последних мангытах) часто назывался «дарвазабон-и арк-и 'али», т. е. «охранитель ворот высокого арка». К непосредственным обязанностям его, между прочим, относилось наказание преступников палками и заключение их в тюрьму, так как кушбеги все распоряжения по сему отдавал тупчибаши арка (см. А. А. Семенов, Очерк устройства центрально-административного управления Бухарского ханства позднейшего времени, вып. II, «Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии», Сталинабад, 1954, стр. 59).

[115] Переписчик написал в тексте непонятное мне слово — ضلا حل

[116] После этих слов следует лакуна.

[117] Термином кутваль в Бухаре назывался заведующий казенными (эмирскими) постройками (см. Н. Ханыков, Описание Бухарского ханства, СПб., 1843, стр. 186 и Бухарский трактат о чинах и званиях, стр. 149—150).

[118] Чтобы понять это, следует иметь в виду, что внутренность бухарского арка не представляла какого-либо законченного ансамбля зданий. Вступая через Регистан и большие ворота внутрь здания, посетитель попадал в относительно небольшой двор, со всех сторон охваченный разными строениями, эти постройки были самого разнообразного назначения, начиная от покоев самого хана или эмира, и имели свои дворы с запирающимися дверями или воротами.

[119] Намаз-и хуфтан — молитва перед отходом ко сну, совершаемая часа через полтора после захода солнца.

[120] В тексте — хаджиб (ходжиб), в позднейшем бухарском языке это означало — привратник, страж. Здесь так назван вышеупомянутый тупчибаши Хаджи Ашур.

[121] После этого на четырех следующих строках л. 103*б* до его конца и на первых двух строках л. 104*а* опять повторено: «В это время Ибрагим аталык и Ходжа Кули диванбеги, несмотря на то...» и т. д.

[122] Речь идет о мечети Паенде аталыка, находившейся к юго-западу от арка.

[123] Следующий стих рукописи, несомненно, опущен, и на его месте каллиграф написал киноварью ничего не значащее بیت آبدار مذکورشد («блестящий стих упомянут»).

[124] В самом арке находились монетный двор (зарраб-хана, в тексте ошибочно: саррафхана — меняльный двор) и конюшня (тавила-хана) для личных ханских или эмирских лошадей, которых там стояло не больше 10—15.

[125] Перечисленные здесь должности, кроме мирахура, причислялись к придворным. Мирахор (по-бухарски — мирахур) обозначал конюшего, шталмейстера (собственно мир-и ахур—начальник конюшни). В описываемую эпоху мирахур-и калон (верховный конюший) при выездах хана находился при его стремени, зорко следя за всем, что делалось вокруг (Бухарский трактат о чинах и званиях, стр. 150). Бакаул — один из второстепенных чинов, ведавших съестными припасами ханского дворца. В позднейшем бухарском дворцовом обиходе бакаул баши — главный распорядитель эмирской кухни.

О кутвале см прим. 117. Шукурчи (букв. зонтиконосец) — служащий при выездах ханов или позже — эмиров, носивший над ними большой зонт из шелка, украшенный золотом и драгоценными камнями. Так как это была тяжелая и громозд-

кая вещь, то обязанности шукурчи исполняли люди сильные и дородные. К у р ч и в описываемую эпоху обозначал, по-видимому, телохранителя (старое тюркское слово курчи значило оруженосец). При мангытах к у р ч и б а ш и — смотритель склада пороха, боевых припасов и проч., а курчи — служащий при таком складе. А ф т а б а ч и (от офтоба — кувшин с длинным узким носом для воды) — рукомойничий, подаватель воды для умывания.

[126] Стих этот приведен с погрешностями.

[127] Собственно, «как Сухраб — лев». Сухраб — сын известного героя Ирана, Рустема, неустрашимый храбрец, погибший по недоразумению от руки своего отца.

[128] Судя по рифмам, в тексте пропущена строчка.

[129] Коран, сура XII, ст. 84.

[130] Аяз — невольник, любимец Султан Махмуда Газневидского (388/988—421/1030), отличался роскошными черными кудрями.

[131] В тексте слово написано без диакритических точек и потому не прочитано.

[132] Рахш — знаменитый конь Рустема.

[133] В тексте бухарское ш и ш а-х а н а — большая комната, стены и потолок которой были отделаны зеркалами в больших и малых кусках.

[134] В тексте бухарское х о д е в а н д—государь, владыка.

[135] Т. е. принадлежавших лицам, занимавшим известные военные и административные должности, которые давали им право иметь свои служебные печати.

[136] Очевидно, он был хакимом или правителем большой области.

[137] В тексте т у ш а к-х а н а — кладовая в арке, где хранились постели, оружие и прочие вещи государственного дворцового обихода (Бухарский трактат о чинах и званиях, стр. 144).

[138] Гора Демавенд — высочайшая горная точка Ирана (5900 *м*), у подножия которой расположена столица государства Тегеран.

[139] Джуйбар — район в г. Бухаре к западу от арка, занимал шестнадцать кварталов (гузаров) и был населен так называемыми «джуйбарскими ходжами», потомками Ходжа Ислама (XVI в.) и предшествовавших ему шейхов. Джуйбарские ходжи играли большую роль в жизни Бухары.

[140] Дальше три строчки смазаны влажным пальцем.

[141] После этого почти целая строчка смазана влажным пальцем, почему и дальнейший текст до точки непонятен.

[142] На Востоке, в частности в Средней Азии, когда хотели кого-либо публично убить (не по приговору судьи, санкционированному ханом), с того стаскивали платье и голого приканчивали. Последним по времени такое убийство было в 1917 г. хивинского министра Мад Вафы. Возмущенные туркмены привели его к небезызвестному мятежнику Джунаид-хану, раздели его и совершенно голого зарезали на глазах Джунаида.

[143] У подножия Большого минарета (Манор-и Калон), как это видно из «Ханского подарка» Мухаммед Вафа Керминги, находился дом родоначальника мангытской династии упоминаемого здесь Хаким-бия парваначи. Мир-Араб—одно из самых больших в Бухаре медресе — находится также подле Большого минарета. Весь квартал, где находится этот минарет, носил всегда название «Гузар-и Тахт-и Манар», т. е. «Квартал под Минаретом».

[144] Выражение в тексте در کوچها جوبها بند کرده بوده اند в бухарском оби-

ходе означало следующее. Во время смут и войн, когда столице или городу вообще угрожали беспорядки и вторжение неприятелей, по ширине улиц на известном расстоянии друг от друга врывались столбы друг против друга, и на них клалась жердь; по сторонам ее (у каждого столба) ставились вооруженные люди. Пешие горожане могли идти улицей, нагибаясь под жердями, но для конных и арб движение было невозможно. Этим исключалась возможность проезда по улицам конных неприятельских отрядов и патрулей.

145 Здесь, очевидно, разумеется тот бухарский цензор нравов и мер веса и длины, который в славе и величии медленно проезжал по улицам и базарам в сопровождении слуг с палками, проверял правильность весов и аршин у торговцев, испытывал встречавшихся в знании молитв, в мечетях устраивал перекличку прихожан и виновных в обвесе и в обмере, в незнании молитв и т. п. тут же наказывал палками; обычный титул такого цензора был ишан-раис.

146 Оба эти лица, как упомянуто выше, играли большую роль в последние годы правления Убайдулла-хана и в первое время по восшествии на престол Абулфейз-хана.

147 Фатхабад, расположенный километрах в полутора к востоку от г. Бухары, славился мазаром шейха Сайфуддина Бахарзи (ум. в 658/1258—1259 г.), куда бухарские ханы и эмиры выезжали на поклонение сейчас же после поднятия их на белом войлоке, символизировавшем провозглашение и утверждение их в ханском или эмирском достоинстве.

148 Дальше идет небольшая лакуна.

149 На полях против этого места другою рукою написано: «Ходжим Яр дадха был красноречивым поэтом, известным под псевдонимом Зафар; стал мучеником. Пишущий это видел его диван вместе с несколькими [другими] диванами, вроде Шауката и его современников; дата написания [списка этого дивана] была 1161/1748 г. [Весь] сборник был написан почерком шекесте». По словам научного сотрудника Института по изучению восточных рукописей АН УзССР покойного Адилова, эта запись сделана рукою вышеназванного бухарского библиофила принца Мухаммед Сиддика.

150 Приблизительно полстрочки здесь смазано влажным пальцем.

151 Таким образом, этим подтверждается сообщение русских источников, что до Шир Гази в Хиве был ханом Муса, который однако не упоминается ни в «Мусульманской династии» С. Лен-Пуля (перев. В. Бартольда, СПб., 1899), ни у Zawbaur, Manuel de Genealogie et Chronologie pour l'histoire de l'Islam, Hanoure, 1927 (см. прил. к работе А. Н. Попова «Сношение России с Хивой и Бухарой при Петре Великом», 1. Показания Хаджи Нефеса, 2. Реляция Флорио Беневени из Тегерана от 25 мая, из Бухары от 10 марта 1722 г. и 4 марта 1723 г., стр. 321, 369, 371—372 и 381—383).

152 Дальше идет непонятная фраза بان مدارتك دە ايستادە

153 Наразм (نرزم), в просторечии — Наразы, Наразим — небольшой вилайет в Бухаре по среднему течению Аму-Дарьи, прежде служил пребыванием особого правителя (хакима), позже входил в состав Бурдалыкского вилайета на правах амлякдарства.

154 Дабба (دبّه) — специальная посуда для масла, делавшаяся из кожицы семечек масляничных растений, спрессованных с древесными опилками. Особенностью такой бутылеобразной формы посуды было то, что она отличалась необычайной крепостью и легкостью и совершенно не пропускала наружу масла.

155 Хаджжадж, сын Юсуфа — знаменитый наместник восточной части Арабского халифата в эпоху халифов омейадов (ум. в 95/714 г.), железной рукой подавлявший всякие возмущения, беспорядки и проявления недовольства населения.

156 В рукописи 124 лист дописан вместо утраченного и оканчивается по-другому: «...чем... все они собрались в Самарканде и принца Раджаб-султана 14-го числа рабиул-эввеля 1134 г. (?) посадили на Серый камень». Кустода же بنازيج. сделанная, видимо, другой рукою, относится к листу 43*а*, с которого и начинается дальнейшее изложение.

157 По русским данным того времени, он был двоюродным братом хивинского хана Шир Гази (1127/1715—1140/1728), известного истреблением посольства кн. Бековича-Черкасского (см. реляцию Ф. Беневени из Бухары от 4 марта 1723 г., в прил. к книге А. Н. Попова «Сношение России с Хивой и Бухарой при Петре Великом», стр. 383).

158 Т. е. на известный Кок-таш, находившийся в Самаркандской цитадели.

159 Потомок известного среднеазиатского шейха эпохи последних тимуридов, Ходжа Ахрар (ум. в 895/1490 г.).

160 Речь идет о главе джуйбарских ходжей.

161 Общеизвестный легендарный Хызр, по восточным воззрениям, тесно связан с легендарной историей Александра Македонского. Когда последний дошел до страны мрака, где был источник живой воды, он послал на поиски его отряд воинов, который от лишений и встреченных им ужасов весь погиб, и лишь один воин Александра, по имени Хызр, в глубоком подземелье нашел чудесный источник, напился из него и стал бессмертным; где бы он ни появлялся, даже в зимнее время, все вокруг него начинало цвести и зеленеть. Хызр считается наставником и руководителем ряда святых и пророков.

162 Все эти метафоры свидетельствуют о том, что деньги и подарки раздавались военным.

163 Амиль (по-бухарски омиль)—сборщик подати, особенно заката.

164 Должности великого везира в то время не существовало, и либо автор ввел ее «для красного словца», либо переписчик ошибочно написал вместо великий ходжа — великий везир.

165 Великий диван ведал дефтерными записями, касающимися раздачи земель во временное пользование (танхо) служилому сословию, чеков на получение с того или иного района определенной суммы денег или зерна в натуре (бильгу) и проч. (Бухарский трактат о чинах и званиях, стр. 141).

166 В оригинале абруи — вода лица, т. е. личное достоинство, на чем основана вся игра слов в этой витиеватой фразе.

167 Наукарийя, иначе наукары — иррегулярное войско, собираемое во время чрезвычайных обстоятельств; воины должны были являться с собственными конями, оружие же получали от казны; боевая готовность их оплачивалась освобождением от податей. Вся фраза, таким образом, означает, что была объявлена мобилизация наукаров, которым было выдано из казны жалованье вперед.

168 В тексте, видимо, ошибочно написано نضم вместо نظم

169 Коран, сура VI, ст. 96; сура XXXVI, ст. 38 и сура XLI, ст. 11 (по переводу Саблукова).

170 Такого стиха в Коране нет.

171 Т. е. вышеупомянутого Ибрагима, сына Рустема аталыка из племени кенегес. По свидетельству Мухаммеда Вафа-йи Керминеги, этот Ибрагим, очевидно, тождествен с неоднократно упоминавшимся Ибрагим-бием (племя которого кенегес, как мы выше видели, отняло Шахрисябз у бывшего там правителя Хаким-бия, сына Худаярбия), являлся ярым противником Хаким-бия, который забрал в государстве всю власть в свои руки. По образному выражению Мухаммеда Вафа, «Ибрагим-бий кенегес, правитель Шахрисябза, на арене [борьбы] из-за власти выступил конкурентом опоры эмиров [Хаким-бия] и поднял знамя своих притязаний, на почве соперничества с ним, до высоты голубого небесного свода. Водрузив штандарт обмана, как значок восходящего Солнца во вращающемся небе, он сеял на нивах [людских] сердец семена злобы [к упомянутому эмиру], пока дело не закончилось тем, что в 1134/1721—1722 г. он провозгласил в богохранимом Самарканде ханом одного из принцев Турана, по имени Раджаб.» (Мухаммед Вафа-йи Керминеги, Ханский подарок, стр. 18).

Даулат Тали', как мы видели, дает большие подробности провозглашения в Самарканде ханом Раджаба, перечисляя по именам всех заговорщиков, решивших покончить с бухарской центральной властью, бывшею в безнадежном параличе. Здесь он подчеркивает, что мятеж Абдулкарим ишик-ака-баши багрина (в рукописи чаще бахри — بحری) получал еще большее значение, осложняя положение центральной власти тем обстоятельством, что Абдулкарим был в дружбе с самаркандскими мятежниками. О том, что этот Абдулкарим-бий, багрин, и большинство из семи хитай-кипчакских родов (етти уруг) Миankаля были на стороне Раджаб-хана, говорит и Мухаммед Вафа-йи Керминеги.

172 Значение всего этого выражения, по-видимому, надо искать в связи с мусульманским представлением о месяце ша'бане: в течение этого месяца арабские племена разъединялись для поисков воды и не представляли объединенного целого. Рожденные в рамазане на мусульманском Востоке считались людьми несчастными, приносившими другим зло и огорчения, подобно тому, как у русских когда-то считались такими все зачатые в дни Страстной недели и под «великие» церковные праздники.

173 Т. е. принадлежащий к потомкам Сейид-ата, известного ташкентского шейха, проведшего значительную часть своей жизни в Хорезме, где он и умер (в 691/1291—1292 г.). О нем см. ас-Сафи, رشحات, Лукнов, 1323/1905, стр. 12—13 и Насируддин-ал Бухари, تحفة الزايرين, Бухара, 1328, стр. 86—88.

174 Ворота Кавола, прежде Келлабад (иначе — Каршинские); (см. И. Умняков, К вопросу об истории топографии средневековой Бухары, Сборник Туркестанского восточного института в честь проф. А. Э. Шмидта, Ташкент, 1923, стр. 153).

175 В тексте стоит بیکی ازالما نان چوبین رکاب دار, т. е. буквально «одному из всадников с деревянными стременами». Поступок этот представлял для Абулфейз-хана величайшее оскорбление, нанесенное в присутствии его послов.

176 Иначе говоря, Абдулкарим требовал должность всемогущего министра, которая бы совершенно аннулировала власть ненавистного ему Мухаммед Хаким-бий аталыка.

177 Должность туксабы состояла в том, что он ставил перед ханом блюда с кушаньями и управлял туманом Харакан с заведованием его оросительной системой (Бухарский трактат о чинах и званиях, стр. 150). В Бухаре мангытов должность эта и чин считались седьмым в восходящем порядке в местной «табели о рангах» (см.

А. Семенов, Очерк устройства централизованного административного управления Бухарского ханства позднейшего времени, стр. 60).

178 Ходжа Абдулла, по литературному псевдониму Хатефи, — известный таджикский поэт (ум. в 927/1521 г.), племянник последнего великого классического поэта Джами (ум. в 898/1492 г.); из его произведений наиболее популярна «Книга Побед» (Зафар Нома-йи Хатефи), посвященная деяниям Тимура.

179 В тексте слово накшбандан (ед. ч. накшбанд), что в современном языке означает художник, в старом языке слово накшбанд означало ткач шелковой широкой и тяжелой материи, затканной золотыми и серебряными нитями кимхоб, кимхо (перс. — камха, камхаб, китайское — камфа, старорусское — камка).

180 Ваганзи — то же, что Ком-и Абу Муслим. Центр этого тумана — селение Ваганзи — лежит по левую сторону Зарафшана в 6 *км* от Қызыл-тепе и в 35 *км* от г. Бухары в северо-восточном направлении. Гиждуван расположен рядом с этим туманом.

181 Коран, сура III, стр. 153.

182 Каба — узкое длинное платье с узкими рукавами (род кафтана), надеваемое под широкое верхнее платье.

183 О горах Каф см. примеч. 30. Так как колчаны со стрелами подвязывались к поясу, на левой стороне, то этим и объясняется настоящее уподобление.

184 Халилобой (حلیم بہ) в Бухаре называется кушанье, даваемое женщинам по рождении ребенка; оно делается из полстакана лучшей пшеничной муки, ложки баранього сала или коровьего масла и небольшой миски воды. Сначала растирается мука с маслом или салом и ставится на огонь, затем вливается вода и вся смесь хорошо кипятится. Для вкуса добавляется яйцо. Это называется первая халилоба; спустя несколько дней, когда роженица окрепнет, ей дают вторую халилобу, в состав которой вместо муки входит рис.

185 Все построено на игре слов — дадхах (додхо — по-бухарски) — ищущий, добивающийся правосудия, и дадхах — должность и чин в табели бухарской иерархии. На обязанности дадхи лежало доставлять владетелю страны прошения обижаемых лиц и вообще жалующихся на те или иные несправедливости и сообщать им на них ответы верховной власти. В Бухаре XIX в., в эпоху последних мангытов, чин дадха являлся десятым чином в восходящем порядке (Бухарский трактат о чинах и званиях, стр. 147—148; Очерк устройства централизованного административного управления Бухарского ханства позднейшего времени, стр. 61).

186 Хут — Рыбы, положение солнца в этом знаке зодиака соответствует февралю.

187 Обязанность садра состояла в учете и проверке вакфов, находившихся в предместьях г. Бухары (Бухарский трактат о чинах и званиях, стр. 147).

188 Фатиха — первая сура Корана; в просторечии же — «вознести за кого-либо молитву», «пожелать всего наилучшего».

189 Крепость и селение Хазора — центр одноименного бухарского тумана, лежит на запад от Кермине, на левом берегу Зарафшана. О современном состоянии старого города с крепостью см. статью проф. А. Ю. Якубовского «Зарафшанская экспедиция 1934 г.», Труды отделения истории культуры и искусства Востока, Л., 1940, стр. 133 — 142.

[190] Автор имеет в виду влиятельных эмиров, от которых зависело возведение ханов на престол.

[191] В тексте сипанд-и Кайван — рута планеты Сатурн. Зернами этого растения во всем Иране, в Средней Азии и Афганистане окуривают страждущих от дурного глаза детей и взрослых. Что касается всей фразы текста, то ее астрологический смысл заключается в том, что приносящий несчастье Сатурн исчезнет из созвездия огненного треугольника и на смену ему появится счастливая планета Юпитер; иначе говоря, эмиры надеялись, что неблагоприятное для них положение изменится в хорошую сторону.

[192] В Бухаре, как, впрочем, и везде на Востоке, каждое должностное лицо имело свою печать — перстень, обычно носившийся на мизинце правой руки. Камень, на котором вырезывалось имя и титул владельца, обычно бывал сердолик, оправа в большинстве случаев была серебряная, реже — золотая.

[193] Мовлана Нуруддин Абдуррахман-и Джами — великий таджикский поэт (ум. в 898/ 1492 г.), виднейший представитель блестящей Гератской эпохи второй половины XV в.

[194] Мэн (ман — по-бухарски) — мера веса в зависимости от места и территории; так, мэн гератский в эпоху Джами равнялся почти 3 фунтам, мэн бухарский — 8 пудам и т. п.

[195] Узулушкент — теперь селение того же имени, лежит в 2,5 *км* к западу от Хазора, на правом берегу Зарафшана.

[196] В тексте калмокон-и хасса — «собственные ханские калмыки», т. е. калмыки-рабы, из которых была сформирована ханская военная охрана.

[197] Это метафорическое выражение имеет в виду обучение попугаев разговору, принятое на Востоке: обучающий ставит клетку с попугаем перед зеркалом, а сам садится позади зеркала и начинает повторять какую-либо фразу; попугай, видя свое отражение в зеркале, думает, что это голос птицы его семейства, и начинает повторять человеческие слова.

[198] Следующая строка переписчиком пропущена, ибо все стихотворение должно было заключать 5 двойных рифмующихся между собою стихов (месневи).

[199] В оригинале — лишнее против размера слово.

[200] Т. е. торчащие из колчана оперенья стрел походили на длинные ресницы красавиц.

[201] Один из подвигов легендарного богатыря Рустема, героя знаменитой эпопеи «Шах-намэ» Фердоуси — победоносная борьба с могучими дивами Мазандерана. Наш автор этим хочет сказать, что, благодаря доблестям Хаким-бия, враги Мианкаля далеко отгоняются.

[202] Т. е. формулу «Аллах велик!» («Аллах акбар!»).

[203] Так, по-видимому, звали сына Абдуллы кушбеги, которому посвящено настоящее стихотворение.

[204] По воззрению восточных поэтов, содержание земной жизни человека определяется термином «пять дней»; для отошедшего в вечность юноши прожитая им жизнь (детство и юность) нашим автором уподобляется двухдневному существованию.

[205] В оригинале—дил- михнатгар (аст), это выражение в числовом отношении дает цифру 1132, т. е. год хиджры, соответствующий 1719 — 1720 г. н. э.

[206] Коран, сура II, ст. 151.

[207] В тексте Фаркадан — две звезды Малой Медведицы близ зенита, которыми руководствовались при путешествиях, особенно в пустынных и степных местностях.

[208] В тексте ошибочно ازصفیر قلعه вместо ازسنبل قلعه «через бойницы крепости».

[209] Автор хочет этим сказать, насколько высока была крепость (что население ее не могло спать от грохота вращающейся над ним вселенной).

[210] Две известных в восточных сказаниях крепости: одна на границе с Египтом, другая — в Азии, построенная Александром для ограждения мира от многочисленных и ужасных народов Яджудж и Маджудж (библейские Гог и Магог).

[211] Афрасиаб — мифический могущественный царь Турана, т. е. страны, лежащей за Аму-Дарьей.

[212] В тексте хафтджуш — восточная бронза, семисплавный металл, в состав которого входили: золото, серебро, железо, олово, медь, цинк и свинец. Этот металл отличается очень большой крепостью, темно-кофейным цветом очень теплого тона и приятным серебристым звуком при постукивании.

[213] Узбекское племя, которое упоминается и дальше.

[214] В тексте— پسند ضمایر حامه, причем третье слово не читается по неразборчивости; произвольно заменяю его словом عامه —«народная масса».

[215] В тексте буквально «избранник воды и праха» (برگزیدهٔ ماوطین), очень распространенное в Бухаре выражение, означающее «избранника из числа потомков того, кто создан из воды и праха», т. е. Адама.

[216] Гудерз — один из героев «Шах-намэ».

[217] Асаф по мусульманским воззрениям был мудрым министром царя Соломона, отсюда в переносном смысле — умный, мудрый советник.

[218] Низам ул-Мульк — знаменитый премьер-министр сельджуков (ум. в 485/1092 г.).

[219] Смысл, по-видимому, тот, что эмиры стали совещаться не только о том, что необходимо хану самому выступить против мятежников, но и о пришедших в крайнее расстройство делах государства и косвенно, быть может, о неспособности Абулфейз-хана.

[220] Ворота Углан в Бухаре соответствовали прежним Рамитанским (Рамитанийэ) (И. И. Умняков, К вопросу об истории топографии средневековой Бухары, стр. 153).

[221] Мулла Хусейн Ваиз ал-Кашефи — известный гератский проповедник, ученый, литератор (ум. 910/1506 г.). Приводимый нашим автором его труд (на таджикском языке) посвящен ауспициям, или предзнаменованиям, по положениям луны (о нем см. E. Blochet, Cat. des MSS Pers. de la Bibl. Nationale, II, Paris, 1912, p. 149—150, № 902).

[222] Хатем из племени тай — бедуин, прославившийся необычайной щедростью, вошедшей в пословицу.

[223] Собственно в значении «господин (или хозяин) счастливых жилищ», т. е., по-видимому, имеется в виду забота Ходжа Инсафа о некотором благоустройстве города Бухары и его обитателях (об этом см. дальше).

[224] В тексте игра слов, потому что ходжу звали Инсаф; в арабском языке это

слово означает «справедливость, правосудие», так что первая строка этого стихотворения в оригинале имеет такой вид:

Кучаха-и шахр аз инсаф-и у.

225 В тексте برسم طلایه و چیندا اولی. Слово талоя в современном бухарском языке обозначает караул; чендаульь — ныне неупотребляемое слово — значит тоже караул и арьергард (ср. Л. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I, стр. 477). Нами переведены эти два слова как караул и патруль в соответствии со смыслом общего положения дел в то время в столице ханства.

226 Такое назначение двух лиц управлять столицею во время отсутствия в ней хана имело место и в позднейшей Бухаре при мангытах. Во время отсутствия эмира (вроде его поездок в Россию) или тяжкой болезни, мешавшей ему управлять страною, в управление ею вступали два сановника — кушбеги, обычно живший в арке, и закатчи-йи калон (великий собиратель заката), живший в городе подле арка.

227 По мнению средневековых мусульман, дыхание Иисуса оживляло умерших.

228 По тому же верованию рука Моисея (яд-и бэйза) изливала ослепительный свет.

229 Т. е. известного патрона Бухары, шейха Бахауддин Накшбенда (ум. в 790/1388 г.].

230 Сейид Эмир Кулаль — духовный наставник шейха Бахауддина, умерший в 772/1370 — 1371 г. и похороненный в сел. Сухари (в просторечии—Мир Кулаль), в 4 *км* от Бахауддина.

231 Замбурек — небольшая пушка, возившаяся на верблюде, фальконет; в Бухаре замбурек—мортиры с огромными отверстиями вроде глубокой чаши, стрелявшие при помощи нефти; передвигали их с помощью нескольких лошадей.

232 Имеется в виду следующее событие: дед Абулфейз-хана, Надир Мухаммед-хан (1051/1642 — 1055/1645), ввиду неповиновения его сыновей, вынужден был удалиться из Бухары в Балх, оттуда он обратился за помощью к «Великому Моголу» Шах Джехану (1037/1628 — 1069/1659). Тот охотно откликнулся на этот призыв и послал в Балх значительное войско под начальством своих сыновей, Мурад бахша и Ауренгзеба. Однако индусы вместо помощи Надир-шаху захватили Балхскую область и владели ею более двух лет, покинув ее только после длительной борьбы с узбеками и вследствие наступившего голода и суровых холодов (подробности об этом см. Мухаммед Юсуф мунши, Муким-ханская история, стр. 97—101).

233 В тексте Яджудж и Маджудж — два мифических многочисленных и крайне свирепых народа, живших на крайнем севере и северо-востоке.

234 Т. е. той гигантской рыбы, на которой, по народным мусульманским воззрениям, стоит земля.

235 Термином даха в бухарских бекствах, расположенных в Зарафшанских горах, назывались их административные единицы, соответствующие современному участку, району; отсюда дахадар — участковый начальник, начальник района. Некоторые из этих бекств делились не на даха, а на сада (в том же значении).

236 Кейаниды — одна из династий древних мифических царей Ирана.

237 Тирах (تیراه) — птица с красивым золотистым оперением; сойка, как это поясняют некоторые словари (см. Villers, v. I, p. 488 и др.).

[238] Джете (разбойники), так в XV—XVI вв. правители и народы Мавераннахра называли население восточной части б. Чагатаева улуса (Моголистана), т. е. западной части Кашгара и южной части Семиречья. Здесь мятежники Миankаля отождествляются с этими джете.

[239] За верность перевода этой части фразы, занимающей в оригинале три строки (*л. 80 аб*), поручиться трудно, ибо в ней есть какой-то пропуск, а два слова написаны неверно.

[240] Урак (великий урак — урак-и калон) исполнял обязанности мухтасиба между сейидами, находившимися в войсках (см. Бухарский трактат о чинах и званиях, стр. 140—141).

[241] Т. е. как киноварью в соединении с мышьяком пишут в книгах красными буквами названия глав и разделов, так и Марс от страха плакал кровью на страницы этой истории.

[242] Фена, суфийский термин, имеющий несколько значений: 1) уничтожение в человеке его «самости», всех его желаний, воли, склонностей и пр., 2) небытие, 3) нирвана.

[243] За точность перевода ручаться трудно, ибо фраза записана с большими погрешностями орфографического и синтаксического характера.

[244] Камус — один из героев «Шах-наме» Фердоуси; царь обширной страны Кешан, простиравшейся до Рима, он был союзником владыки Турана, Афрасиаба. В бою его захватил арканом Рустем и убил.

[245] Миль — острый раскаленный стальной стержень, которым на Востоке выжигали глаза с целью навсегда обезвредить врага или опасного человека. Здесь это слово метафорически означает копье, а круглые кольца кольчуги уподобляются глазам.

[246] Опять метафора (кольчуга бесполезна в бою, в котором участвует этот герой).

[247] Кукельташ ведал получением сведений со всего государства относительно враждебных и благонамеренных элементов страны, ему принадлежало осуществление мероприятия против тех, кто позволял себе высказывать «опасные мысли» (см. Бухарский трактат о чинах и званиях, стр. 148).

[248] Коран, сура LXI, ст. 13.

[249] Таким образом, на смотру махрамов, телохранителей хана и дворцовых служащих первым проходил личный конвой Абулфейза из рабов-калмыков и, вероятно, русских. Во главе всех махрамов, как видно, стоял кушбеги, своего рода премьер-министр, живший в арке, которому, очевидно, были подчинены все махрамы.

[250] Под четырьмя основаниями (чахар аркан) здесь разумеются четыре стихии: вода, огонь, земля и воздух.

[251] Четыре раздела веры — четыре «величания» Аллаха: «Аллах велик! Нет божества, кроме Аллаха! Аллах велик! Аллах преславен!»

[252] Автор, по-видимому, противополагает туркмен с их немонголоидным типом тюркам Бухары, в первую очередь, столь надоевшим тогда хитаям, кипчакам и примкнувшим к ним другим мятежным узбекским племенам.

[253] Гив (Гев) — сын Гудерза, один из героев древнего Ирана, фигурирующий в «Шах-наме» Фердоуси. Два моря: одно—Ирана, другое—Рима.

[254] Гуй-у чуган (букв шар и палка)—игра в поло, бывшая в большом ходу в Иране и, вероятно, в Средней Азии, где до последнего времени еще сохранялась среди

памирских горцев. Играющие сидели на лошадях, имея в руках по длинной палке с круглыми концами (чуган), которой каждый старался загнать деревянный шар (гуй).

255 Дастурханчи (дастарханчи)—лицо, ведающее угощением послов, почетных гостей и прочих лиц, которых хан почитал необходимым угостить. Интересно отметить, что в данную эпоху эта придворная должность, соответствуя должности «стольничьего боярина» Московской Руси, соединилась в одном лице с должностью высшей бюрократии, «хранителя печати» (мухрдар), чего в более раннюю эпоху не бывало.

256 В тексте — тамакусаз, т. е. «приготовитель табака» из сухих желтых листьев этого растения для курения в чилиме или кальяне (лучшим табаком считался каршинский). На его же обязанности лежало приготовление табака для закладки в рот под язык (так наз. насовай); такой табак изготовляется из сухих зеленых листьев табака (другой сорт, чем вышеуказанный), растертых в порошок с примесью извести, древесной золы и растительного масла (кунжутного, хлопкового и др.).

257 Ясаул — низший служащий, в данном случае дворцового ведомства, на обязанности которого лежало исполнение разного рода мелких поручений административно-полицейского характера; например, при выездах хана или эмира в город человек двести ясаулов с палками расчищали дорогу, ибо народ, завидев государя, бросался к нему густыми толпами со всех сторон.

258 Гишты — небольшой (в свое время укрепленный) городок, находящийся к северо-востоку от Гиджувана, на правом берегу Зарафшана. Необходимо иметь в виду, что бухарское войско стояло на левом берегу Зарафшана, где-то между Хазора и бугром Абу-Муслим-тепе, к юго-западу от которого лежат Гишты.

259 Коран, сура XXI, ст. 21 (по переводу Саблукова).

260 «Хитрый план» Нияз хаджи катагана, как видно, состоял в том, что бухарцы должны были бы уйти из вилайета Кермине и направиться обратно в Бухару, там подготовиться надлежащим образом и опять выступить походом на неприятеля. Но в действительности Нияз хаджи надеялся, что потом выступление против мятежников может и не состояться, чем они и выиграют задуманное. Двусмысленность и коварство этого плана и хочет подчеркнуть автор.

261 В тексте стоит чисто бухарский походный термин кош-у асбоб (букв.— походные принадлежности и домашние вещи: палатки, кошмы, котлы и пр.), ибо тюркским словом кош у бухарцев означаются походные для лагеря принадлежности, а арабское слово в этом сочетании означает домашние вещи.

262 Гора Арафат, лежащая милях в 12 от Мекки, известная по ритуалам паломников к священным местам Аравии.

263 Девкенд (Деукен) лежит выше Гишты также на правом берегу Зарафшана. Употребляемая автором мера длины миля в Бухаре обычно составляла одну треть фарсанга, или в просторечии—санга. Считая нормальный узаконенный фарсанг равным 12 тыс. гязов, а каждый гяз равным 50 *см* (двадцать четыре пальца руки, или шесть кулаков, положенных в ряд), мы получим фарсанг равным 6 *км*, а милю—2 *км*. Но для данного случая это не подходит, ибо по 10-верстной карте Бухарского ханства, изданной штабом Туркестанского военного округа, расстояние между Гишты и Девкендом составляет 4 версты.

264 Сипанд, или испанд-рута (см. прим. 191), семена ее имеют ту особенность, что, когда их бросают на огонь, они отскакивают вверх. Отсюда и эта метафора.

[265] Разумеется металлическая ладонь (из жести, латуни и пр.) руки с вытянутыми пальцами, которая прикреплялась к верху древка знамени. Шиитское истолкование ее, как символ «пяти особ» (п я н д ж т а н): Мухаммед, Али, Фатима, Хасан и Хусейн, бухарцам было несвойственно.

[266] В тексте «бузанджири» (без диакритических точек), т. е. относящийся к Бузанджиру, предку Чингиз-хана, отец которого был неизвестен, а лишь мать — Аланкува. Абулфейз-хан считался последним реальным ханом Бухары из потомства Чингиз-хана.

[267] Упомянутые здесь Тогрул и Санджар — «великие сельджуки», первый правил с 429/1038 г. до 455/1063, второй — с 511/1118 по 552/1157 г.

[268] В тексте перед словом сарай — лишнее مع.

[269] Этот стих написан с ошибками против смысла и погрешностями против метра, поэтому перевод дается скорее смысловой, чем точный.

[270] Коран, сура XII, ст. 84.

[271] Далее следует непонятно написанное слово حيد قل.

[272] По воззрениям мусульман, звезды Девы сосредоточены вокруг неподвижной центральной звезды, служащей для них неподвижным полюсом (к у т б). Здесь с этим неподвижным полюсом отождествляется ставка хана и, как увидим дальше, сам хан.

[273] Ходжа Абдулхалик Гиждуванский — известнейший бухарский шейх ордена накшбенди, умерший в 575/1179—1180 г.

[274] М у т а в а л л и — управляющий вакуфными имуществами того или иного конфессионального и общественного установления.

[275] Вся эта тирада, связанная с последующей фразой, в затушеванном виде говорит о поражении бухарских войск и поспешном отступлении их с Абулфейз-ханом в столицу.

[276] Для пояснения этого следует иметь в виду следующее. Благородный металл (золото и серебро) в выпускаемой монете стоит гораздо дороже, чем в сыром виде на рынке. В Бухаре, например, в дореволюционное время кружок серебра для теньги стоил копеек 11 золотом, а теньга, как таковая, по номинальному правительственному курсу до 1901 г. ходила за 20 копеек (после 1901 г. — за 15 копеек); таким образом, правительство наживало на одном штампованном кружке серебра 181,8% его рыночной стоимости. Учитывая такие колоссальные прибыли, узбекские влиятельные феодалы (эмиры, миры и пр.) в описываемую эпоху — как мне в свое время передавали в Бухаре — привозили свои запасы серебра в арк на монетный двор, где их превращали в монету с правительственным штампом, и они, забрав ее, неимоверно обогащались. Нужно ли говорить, какой хаос вносили в финансовую жизнь страны эти своевольные действия, способствуя обогащению одних и разорению других! Это и имеет в виду наш автор.

[277] Иначе говоря, занятые бухарские районы вместе с городом Бухарой (в случае взятия) будут отданы на трехдневный поток и разграбление.

[278] По-видимому, одна строчка пропущена.

[279] Коран, сура III, ст. 35; сура XXII, ст. 19.

[280] Т а м ж е, сура V, ст. I.

[281] Далее полстрочки текста сорвано.

[282] Вся эта метафора уподобляет Абулфейз-хана Иосифу Прекрасному, а город Бухару — его отцу Иакову, до слепоты выплакавшему свои глаза по утрате любимого сына.

[283] С а л х а н д — собирающий, сзывающий левый фланг.

[284] О Фаркадане, см. прим. 207.

[285] В Вабкенде имеется очень большой древний минарет, построенный в 593/1196 — 1197 г. одним из бухарских садров (См. И. И. Умняков, Архитектурные памятники Средней Азии, Ташкент, 1929, стр. 20).

[286] Речь идет о том, что новый поход бухарцев против кенегесов и союзных с ними хитаев и кипчаков в долину Мианкаля был в июле месяце (тамуз — по сирийско-османскому календарю). После этого идет фраза, которая не поддается чтению ввиду того, что в середине ее два слова написаны с помарками:

امامهلال صیام .....وام خاص گذاشته بود

[287] Разумеется, несомненно, Шейбанид Убайдулла-хан (940/1533—946/1539).

[288] В тексте арабское сырат ал-мустаким—прямой путь, путь-истина, ведущий человека к раю. Пуль-и сырат — мост над адом, узкий, как волос, и непроходимый для грешников. Вероятно, автор его и разумеет.

[289] В тексте ошибочно صاحب کلام вм. صاحب قران.

[290] Садак (саадак) — кожаный футляр, в который помещался лук со стрелами; носился на левом боку.

[291] Нариман, отец Сама, деда Рустема — один из геров «Шах-наме».

[292] Т. е. «Вот я перед тобой!», что было возгласом сподвижников пророка на его призыв к битве, вследствие чего автор дальше уподобляет бухарские войска сподвижникам пророка и их последователям.

[293] Ихрам — одежда, надеваемая мусульманином-паломником, вступающим в священную область. Она состоит из двух кусков материи, покрывающих верхнюю и нижнюю части туловища.

[294] Коран, сура IX, ст. 5.

[295] Там же, сура LXI, ст. 13.

[296] Т. е. удар одного копийного острия поражал насмерть голову врага, а удар всем острым концом пики до яблока под ним пробивал сердце неприятеля.

[297] مرزبان — начальник или правитель пограничной области.

[298] بطارق (вм. بطریق) — командующий, патриций.

[299] На Востоке в бою считалось особой доблестью подцепить отрубленную голову врага копьем и поднять ее на копье для всеобщего показа, а так как голова была тяжела, чтобы держать с нею копье прямо, то копье, естественно, наклонялось вперед.

[300] В этом стихе весьма неразборчиво сделана поправка с помарками, потому произвольно, ради смысла, переведено как «тюльпан».

[301] В начале стиха нет слова, так что передается лишь смысл фразы.

[302] Гаудум — род медной трубы. Последний стих написан с орфографическими и метрическими погрешностями и потому перевод дается приблизительный.

[303] Т. е. до самой ночи.

[304] Термином хатм-ходжагон в Бухаре обозначалось чтение кратких сур Корана, повторяемых несколько раз в память или в честь какого-либо именитого лица. Обычно в мечети после намаз-и пешин (полуденной молитвы) по приглашению мутаваллия оставалось несколько человек (в большинстве из бедняков). Усевшись в углу мечети в круг, читали по несколько раз упомянутые суры, получая за это изюм, хлеб и т. п.

[305] Коран, сура LXVI, ст. 8.

[306] Дальше следует изложение эпизода, не связанного с предыдущим повествованием, а потому не вполне понятного; начало его написано в конце л. 157*а* более сжатым и небрежным почерком и переходит на следующую страницу, которая написана обычным, как и вся рукопись, насталиком.

[307] Нури — туркмены из Нур-ата; они живут там и поныне.

[308] Кустода на этом листе آن مریخ (тот Марс), но следующий лист начинается со слов از طویله (из конюшни) и т. д., так что в этом месте, несомненно, утрачены листы.

[309] Вся эта фраза, хотя и отчетливо читается, но очень невразумительна. Выходит, как будто чунаки были на стороне бухарцев, а значительная их часть — на стороне миankальцев, и когда Ходжим Бирды был убит миankальцами, то его сородичи покинули своих союзников и перешли к бухарцам; но может быть автор имел в виду и другое.

[310] Бухарская идиома — хаким-и дор-и манор кардан, т. е. «сбросить с высокого минарета», подобна другой идиоме — хакимро бадор-и рисмон бурдан — «зарезать на площади перед воротами арка», где поблизости был базар различных веревочных изделий.

[311] Мазар и местность Ходжа Аубан (просторечии Ходжа Абан) лежит на запад от Вабкенда, километрах в 26 — 30 от него, известна находками предметов большой древности.

[312] Хорошо известное на Востоке, в Иране и в Средней Азии приспособление для пленных, чтобы они не могли бежать. Оно называлось по-бухарски ду-шохайи махбуси. Наглядное изображение его на превосходном рисунке мастера гератской школы Ибрагима — в труде E. Blochet, Musulman Painting XIIth—XVIIth Century, London, 1929, pl. CXIX.

[313] После этого стоят два слова ابراهیم بلدستور., относящиеся к начатой, но недоконченной фразе.

[314] По-видимому, брата Хаким-бий аталыка, известного впоследствии узурпатора верховной власти в Бухаре, дяди Мухаммед Рахима (ум. в 1171/1758 г.) и отца эмира Шах Мурада (ум. в 1215/1800 г.).

[315] Джагатай (чагатай) беги — бухарский чиновник, управляющий племенем чагатай и туманом Амирабад; на его обязанности лежало также заведование оросительной системой этого тумана (см. Бухарский трактат о чинах и званиях, стр. 150).

УКАЗАТЕЛЬ

Стоящие перед личными именами слова сейид, мир и т. п. опущены, исключая те случаи, когда каждое такое слово составляет как бы одно целое с последующим за ним одним именем, вроде Сейид Ата, Мирза Гуль и проч. В указатель не вошли имена Мухаммеда и других пророков и лиц из мусульманского «священного писания».

—А—

Аббас II, шах 46
Абдулазиз-хан 19, 46, 47
Абдулваси' дадха, юз 78—81
Абдулкарим ишик-ака-баши, багрин 73—77, 81, 82, 87, 88, 96, 98, 112, 117, 128, 130, 135, 138
Абдулкарим, отец Ни'матулла-бия диванбеги 66—68
Абдулла-бек 21
Абдулла-бий хаджи кушбеги 22, 36, 37, 39, 40, 42, 43, 64, 66, 70, 78, 82—89, 91, 104, 110, 120, 122, 123, 125, 127, 129, 130, 138
Абдулла Гиджувани, судья 117, 132
Абдуллатиф, мулла 49, 90
Абдулла-хан, Шейбанид 69
Абдулла-ходжа 133
Абдуррахман бахадур чухра агаси, алчин 107, 132
Абдуррахман-бий 42
Абдуррахман Джами 14, 82
Абдуррахман-и (Даулат) Тали' 14, 35, 54—56, 85, 86
Абдуррахман (Котак баш дурман) 39
Абдуррахман-ходжа 72
Абдуррахман шукурчи, сын Ходжа Авез-бия 109, 115
Абулбаракат, мир 132
Абулкасим Мухаммед Салах курчи 51, 54, 56, 61, 64, 65, 67, 82, 83, 107, 122, 127, 129, 130
Абуллатиф, мулла 49
Абулфейз (Мухаммед)-хан 13, 17, 21, 22, 25, 26, 37—40, 44, 45, 47—50, 52, 53, 56, 58—60, 62—65, 67—71, 73—78, 81, 85, 86, 88—91, 93—95, 98—102, 104—106, 108—111, 113—122, 126, 128, 129, 133, 135—137
Абу Муслим, мервец 13
Абу-Хафса, кладбище 36, 121
Авез Баки, аулия-м карахани 74
Авез Баки-бий 71, 110
Авез Баки хаджи раис 63, 75
Авез-бий парваначи 67 (туксаба), 68, 79, 122
Авез Идачи найман 137
Авез Мухаммед, человек диван Ибрагима 49
Авез туксаба 65, 68, 69
Адиль аталык, минг 19, 40
Азур-хан 13
Аина Низамуддин 80
Ак-Сач, урочище 95
Аланкува, прародительница Чингизидов и Тимуридов 13, 17, 28, 34, 45, 114
Александр Македонский 78, 90
Александрова стена 87, 96
Али-бек чагатайбеги 138
Али-Сулейман, мост 62
Аллабирды дастурханчи 51, 61, 107, 127
Алла Шукур туксаба, мангыт 138
Аллаяр диванэ 41
Анхуд, город 42
Араб туксаба, мангыт 109, 126, 132
Араб-хан, сын Муса-хана 41; 127, 129, 130 (бакаул)
Аравия 25, 46, 50, 70, 74, 78, 90, 91, 93, 104, 110, 123, 127, 129

Арал 66
Арафат 109, 110
Атаулла-ходжа 133
Атсыз-хан 13
Аурентзеб, сын Шах Джехана, Великого Могола 46, 95
Афлатун курчи, калмык 24, 26, 29, 30
Афрасиаб 47, 55, 87, 106, 129
Ахмед, сын Джалалуддин Ходжагий-йи Касани 41
Ахмед-хан 13
Ашур-бек 114
Аяз, невольник Султана Махмуда Газневида 57

—Б—

Баг-и Девкенд 116
Баглышдад-хан 13
Багрин бакаул 51, 54, 55, 60, 64, 65, 67, 68, 71, 78, 88, 89, 122, 127—130
Багрин, племя 76, 90, 96, 112, 134, 135
Базар Ходжа, в г. Бухаре 39
Байду-хан 13
Бай Мухаммед-бий дадха 38—40
Байсука бахадур 13
Байсунгур-хан 13
Бакаул, калмык 106
Баки-бий, кипчак 43, 67
Баки мирахур 36, 63, 64
Баки Мухаммед кушбеги 51, 54, 61, 64, 70 105, 110, 132, 136
Балх 18, 19, 40—43, 46, 47, 95
Бараки, племя 136
Барат-бий диванбеги 138
Барат диванбеги 41
Барганчи 61
Бастам, город 46, 47
Бахадур курчибаши 126
Бахауддин Накшбенд, шейх 94, 95
Бек-бий оглы дадха, багрин 18, 40, 66—68
Бек Мурад, сын Ходжа Кули 44
Биби Зудмурад 36
Большой минарет (Манор-и Калон) в Бухаре 62, 137
Бузанджир-хан 13, 62, 110, 111, 128
Бука бахадур 13
Бука-хан 13
Бупай-хан 13
Буркуты, племя 87
Бурхан-бек 86
Бурх кал'а 42
Бухара, город 14, 15, 19, 21, 22, 27, 36, 38, 39, 41—45, 47, 50, 52, 55, 66—68, 75, 76, 89, 91, 92, 94, 99, 108, 114, 117, 118, 120—122, 126, 132—134, 137, 138

—В—

Вабкенд 114, 121, 122, 124, 125, 128, 130, 133, 136
Ваганзи, бухарский туман 76, 138

—Г—

Герат, город 40, 41, 106
Гив (Гев), сын Гудерза 106
Гидждуван, крепость 76, 78, 79, 117, 119, 120, 132
Гишты, укрепление 108, 109, 117
Гур-хан 13

—Д—

Дабайку-хан 13
Даниал-(бий) парваначи 138
Дастан (Зал) 79, 113, 127, 128
Даулат Мухаммед-бий, туркмен 73, 88, 134, 138
Даулат Таш Мухаммед шукурчи 94
Девкенд, укрепление 109, 112, 116, 117, 119
Демавенд, гора 61
Дере-йи Гез, в районе Балха 41
Джагатай, сын Абдулваси' дадха 81
Джалма бахадур 13
Джами, см. Абдуррахман Джами
Джамун-хан 13
Джандар, селение 132
Джани-хан 13
Джаушан калмык 14, 16, 17, 21, 30, 36, 37
Джейхун, река 105
Джете, племя 98
Джувак Мухаммед-хан 13
Джуин бахадур 13
Джуйбар, квартал в Бухаре 62, 133
Джук бахадур 13

Джучи-хан 13
Джуюты, племя 49
Дин Мухаммед-хан 13
Дост Мухаммед ишик-ака-баши, багрин 21
Дурман, племя 101, 126

—Е—

Етти уруг, народ («Семь племен») 38, 43, 134

—З—

Зарафшан, река 43, 87, 97, 107—109, 111, 122, 124
Заххак, мифический царь 13
Зендени, селение 132

—И—

Ибадулла, великий мехтер, сын Сайфуллы Самаркандского 37, 50, 52, 72, 86, 91, 93, 114
Ибадулла, принц, потомок Аштарханида Вели Мухаммед-хана 40, 41
Ибрагим-бий диванбеги 39—41
Ибрагим-бий, туркмен 43
Ибрагим, сын Рустем-бия, кенегеса 36, 42, 44, 45, 47, 49, 50, 52, 53, 60, 62, 64, 66, 69, 73, 81, 96, 112, 116, 117, 119, 128, 130, 132, 136
Ильджа-хан 13
Имам, каландар хана 37
Индостан 46
Иран 55, 72, 96, 130
Ир Назар дадха, сын Хушхаля парваначи, катагана 78, 81, 101, 122, 126
Исмаил мирахур 45, 49, 50, 66
Исфаган, город 72

—К—

Ка'б, сад 19, 89, 90
Кабули, мехтер 17, 21, 37
Кавола, ворота в Бухаре 74
Казвин 72
Кайдул-хан 13
Кайду-хан 13
Калмыки, племя 51, 54, 61, 83, 104, 106, 128, 132
Камбар-бия, крепость 38
Камус Кешанский 102
Каплан ишик-ака-баши 68; 69, 96, 130 (кипчак)
Каракуль, оазис 36, 66, 68, 138
Каракульские ворота в Бухаре 43
Кара-хан 13
(Кара)-хитаи, племя 43
Карчигай-бий 83
Карчигай (Карчигай хисари), калмык 114, 132
Карчигай, племя 61
Карчигай Шайтан, калмык 114
Карши (Несеф), город 39, 40, 42—44, 64
Касби, укрепление 43
Касим-бий 40
Катаган, племя 48, 63—66, 101, 111, 126, 130
Катиш Мухаммед шукурчи 71
Катта-ходжа 132
Кенегес, племя 36—38, 42, 48, 49, 51, 58, 60, 62, 63, 69, 90, 96, 112, 117, 133
Кербела, равнина в Месопотамии 25, 29, 31, 35, 115
Кермине, город 38, 43, 66—68, 73, 74, 81, 82, 87, 88, 96, 98, 107, 138
Кеш 49, 62
Кипчак, племя 48
Китай 80
Клыч диванэ 21
Кок-таш, «серый камень» в Самарканде 69
Кубил ходжа-хан 13
Кундуз 46
Кук-хан 13
Кунграт, племя 43, 135—137
Курчибаши, сын Бек Мухаммед-бия 79, 80
Кутлук аталык, кипчак 41
Кутлук-бий диванбеги, сарай 63, 67, 78, 96, 100, 111, 120, 122, 126, 128
Кутлук-султан 46
Кутлук Тимур-султан 13
Кутлук Тимур-хан 13
Кучик-Хайван, минг 14, 31—33
Кучик-ходжа 88

—Л—

Ланг Мухаммед Мурад, туркмен 21
Лачин-и Хисари, калмык 83
Лачин, племя 61

—М—

Маверанахр 37
Мазар Бахауддина Накшбенда 36, 39, 45
Мазар, селение 97
Малля ишик-ака-баши 126
Мангыт, племя 49, 63, 99, 126, 128
Ма'сум ходжа аталык, сарай 18, 20, 21, 25, 37—39
Махдум бараки 136
Медина, город 19, 46, 50, 70, 74, 78, 86, 90, 91, 93, 104, 110, 123, 127, 129
Менгли бахадур 13
Мекка, город 19, 36, 42, 46, 50, 70, 74, 78, 86, 90, 91, 93, 104, 110, 123, 127, 129
Мерв, город 42
Мехтер Касим, селение 123
Мехтер Пулад 37
Мечеть Паенде аталыка 52, 60, 62
Миankаль, местность 38, 43, 44, 66—69, 84, 88, 96, 133, 134
Мингли, селение 41
Мир Али, шейх 133
Мир-Араб, медресе 42, 63
Мир-Араб, крепость 132
Мир Муса, астролог 90
Мир Хайдар 132
Мирза-бек, туркмен 43, 66, 68
Мирза Гуль, сын Мирзы Омара 41
Мирза Омар 41
Мирза Улуг, великий диван 72
Мирза Халиль 41
Мирза-Халь, урочище 91, 94
Могул-хан 13
Мулла Латиф, ахунд 133
Мулла Я'куб 49
Мумин-бек мухрдор 37, 42
Мумин ходжа парсай (Кафир-хан) 41
Мурад туксаба, сын Ходжа Кули-бий бека 42
Муса-хан, хивинский хан 41, 66
Мухаммед Али-бий, туркмен 42
Мухаммед Кул мирахур 60
Мухаммед Латиф-ходжа урак 99
Мухаммед Малах курчи 37
Мухаммед Ма'сум-бий аталык 36
Мухаммед Муса-ходжа 133
Мухаммед Назар ишик-ака-баши, катаган 65
Мухаммед Назар мирахур 50, 60
Мухаммед, Рахим-бий парваначи, дурман 16, 24, 38, 103
Мухаммед Рахим ишикагаси 120
Мухаммед Рахим ишик-ака-баши 82, 102, 103, 117, 126
Мухаммед Садик-ходжа накшбенд 120
Мухаммед Са'ид-ходжа, балхский накиб 41, 42
Мухаммед Салах курчи 21, 83
Мухаммед Салах парваначи 82, 100, 126
Мухаммед Салах салханд 122
Мухаммед Салах ясаул 61, 65, 107
Мухамед Хаким-бий аталык, см. Хаким-бий аталык
Мухаммед Хаким мирахур, туркмен 67
Мухаммед-хан, падишах в Балхе 41
Мухаммед Хашим-ходжа накиб сейидатаи 74, 98, 99, 111, 128
Мухаммед Хашим-ходжа, сын Абид-ходжи 133
Мухаммед Шейбани-хан, см. Шейбани-хан
Мухаммед Яр парваначи, дурман 78, 101, 122
Мухаммед Яр парваначи, кераит 63
Мухаммед Ях'я-ходжа, сын Хашим ходжа-йи Джуйбари 43

—Н—

Надир-бий, минг 43
Надир бий туксаба 42
Надир Мухаммед-хан 13, 30, 47
Найман, племя 43
Накуз бахадур 13
Намазгах, ворота в Бухаре 67
Наразам (Наразим), крепость 66, 68
Нариман, отец Сама 128
Низамуддин Авез-бий парваначи, кераит, сын Шах-бека диванбеги 92, 93
Низамульмульк дервиш 78
Ни'матулла-бий дадха, найман 18, 39—44, 64, 66, 67, 126
Нияз дадха, кипчак 126, 128
Нияз хаджи катаган 42, 43, 65, 67—69, 82, 107, 117, 130, 138
Нур туксаба 65

—О—

Оз Тимур-хан, сын Кутлук Тимур-Султана 13
Оз Тимур-хан, сын Тукай Тимур-хана 13

—П—

Падшах-ходжа ахрари 69
Паенде аталыка, мечеть, см. Мечеть Паенде аталыка
Паршан бахадур 13
Паянтаб 120
Пир-и Марза, сад 14, 19—27
Пулад курчибаши, сын Бек Мухаммед-бия 79, 80
Пул-и Мехтер Касим, мост 120, 123, 124, 135
Пул-и янги Хаузак 123

—Р—

Раджаб-султан (Раджаб-хан) 68, 69, 73, 81, 82, 87, 88, 96, 112, 114, 116, 118, 128, 132, 137
Регистан (Ригистан), в Бухаре площадь перед арком 52, 60, 63, 137
Рустем, сын Заля Дастана 19, 47, 50, 55—58, 60, 61, 73, 78, 79, 84, 97, 102, 106, 113, 115, 125, 127—129, 131, 132, 134

—С—

Садруддин а'лам 133
Сайфуддин Бахарзи, шейх 48
Сайфуддин, мавлана 72, 90
Сайфулла Самаркандский, арбаб 37
Самарканд, город 15, 32, 37, 38, 40, 43, 48, 66—69, 81
Сам'и-йи Хисари, судья 66
Сам'и ясаул 61
Санджар, султан Сельджукский 111, 128
Санджар-хан 41, 42
Сарай, племя 126, 130
Сарыг (Сарык)-бий, буркут 73, 134, 135, 138
Сеистан, область 102, 106
Семенган 106
Сейид Надир Мухаммед-хан 46
Субхан Кули-хан 13, 19, 30, 31, 46, 47, 61, 66, 93
Султдуз бахадур 13
Султан-бий кушбеги 21, 43, 44
Султан кушбеги 49—51, 53, 54, 58—60, 62, 133
Султан туксаба, кенегес 36, 38, 40, 43
Суфи туксаба, могол 117
Суюндж бахадур 13

—Т—

Тагма-бек, хранитель печати (мухрдор) 51, 54, 56, 61, 107, 127
Таджики 65, 105, 119
Тарнгу бахадур 13
Таши, калмык 82, 87, 113, 114
Таш Мухаммед шукурчи 51, 54, 56, 61, 106, 114—116, 122, 123, 127, 129, 130, 132
Термез, крепость и город 18, 39, 42, 43
Тимур Кутлук-хан, сын Оз Тимур-хана 13
Тимур Кутлук-хан 118
Тинигиз бахадур 13
Тогрул, сельджукский султан 111
Тукай Тимур-хан 13
Тумина-хан 13
Тумин-хан 13
Туран 47, 55, 84, 96, 99, 106, 128
Туркестан, страна 42
Туркмены нури (Нуратинские) 135
Туркмены 66, 83, 84, 88, 105, 111, 112, 128, 137
Туюг бахадур 13
Тюрк, сын Яфета 13
Тюря Кули кушбеги, найман 22, 24, 26

—У—

Убайдулла, сын Мехтер Пулада, великий мехтер 37
Убайдулла-хан, Аштарханид 14—36, 40, 47, 59, 93, 124
Углан, ворота в Бухаре 90
Угуз ата-хан 13
Узбеки, кочевые узбекские племена 16, 36, 44, 45, 63, 65, 67, 82, 103, 105, 123, 132
Узулушкент, крепость 82—87
Ураз Али кушбеги 66
Ургенч, город 66, 69
Урду-хан 13

—Ф—

Фарман кули ишик-ака-баши, дурман 126
Фархад, раб Ни'матулла-бия 44
Фархад-бек афтабачи (тамкусаз — изготовитель табака) 51, 54, 56, 61, 107, 127
Фархад-бий аталык 87, 88
Фархад-бий парваначи, утарчи 18, 21, 37—40, 42—44, 48, 67—68
Фархад-бий кипчак 66
Фаттах диванбеги хаджи 84
Фатхабад, пригородное селение у г. Бухары 64
Феридун, мифический царь 13, 17

—Х—

Хабибулла, шейх 36
Хаджжадж, сын Юсуфа 67
Хаджи Араб бакаул 122
Хаджи Ашур тупчибаши 50, 52, 53, 93
Хаджи Бадр 63
Хаджи Бехрам 46
Хаджи буркут 88
Хаджи Мир Хасан 110
Хаджи Мушкин 90
Хаджи Назар дадха, хитай 88
Хаджи-ходжа сейидатаи 67
Хазам Курчи 127
Хазарское море 107
Хазора, крепость 79, 82, 87—89, 94—96, 98, 138
Хаким-бий аталык, мангыт 36, 41, 42, 44, 62—67, 73, 78, 82—84, 87, 95—97, 99, 100, 108, 109, 111—113, 115, 120, 122, 123, 125, 128—130, 136, 138
Хаким-бек, мухрдор 51
Хаким мирахур 43, 54, 55, 61, 63, 68, 88, 105, 111, 122, 128
Хаким парваначи, сын Худаяр-бия аталыка, см. Хаким-бий аталык
Хакк Назар-бий дадха, хитай 38, 97, 102, 112, 126, 128
Хал-Мухаммед ясаул 61
Ханабад, сад 16
Харуман, укрепление 87
Хатем-и Тай 91
Хашим-ходжа накиб 75, 133
Хашкаль диванбеги, катаган 36
Хисарские ворота в Бухаре 122
Хитай-кипчак, племя 38, 40, 90, 96, 102, 118
Хитаи и кипчаки, см. Хитай-кипчак
Ходжа Абдулла Хатефи 76
Ходжа Абдулхалик Гиждуванский 117, 119
Ходжа Аубан (Ходжа Абан), местность 138
Ходжа Балту 16, 21, 22
Ходжа Даулат, сарай 16, 17, 36
Ходжа Джан-ходжа, сын Абдулкарима 87, 88
Ходжа Инсаф 51, 54, 64, 70, 89, 90, 92—94, 114
Ходжа Исмет 15
Ходжа-йи чахарбаги, сын Абдулкарима 87
Ходжа Кули-бий мирахур, катаган, сын Хашхаля диванбеги, катагана 18, 21; парваначи 36, 39—44, 52; диванбеги 36, 62—65; мехтер 64, 65; аталык 64
Ходжа мутавалли (Гиждуванский) 117
Ходжа Мушарраф 41
Ходжа накиб 99
Ходжа Нихаль 36
Ходжа Убайд 117
Ходжа Ульфет, великий ходжа 51, 64, 70, 72, 86, 105, 110
Ходжа Ферхенг, сарай, великий ходжа 39
Ходжа-хан ходжа 69
Ходжим Бирды ишик-ака-баши, чунак 97, 102, 112—114, 136
Ходжим Бирды кукельташ 103
Ходжим шукурчи 126

Ходжим Яр дадха, дурман, сын Аллаяр аталыка 63, 76—82, 138
Ходжим Яр дадха (мирахур) 63, 87
Ходжим Яр дадха, сарай 45, 64, 65
Хорасан 66
Хорезм, страна 62
Худайбирды курчибаши, сын Шер Миша 126
Худаяр-бий диванбеги, мангыт 18, 21, 36—43, 62
Хуррам бахла бардор 61
Хуррам курчи 61
Хуррам хаджи 82, 103
Хусейн Ваиз ал-Кашефи 90, 91
Хусейн, имам 31, 35
Хусейн, шах персидский 72

—Ч—

Чагатай, племя 44, 46
Чарбаг, город 69
Чарджуй 36
Чингиз-хан 13, 25, 48, 69, 78, 81
Чирагчи 43
Чунак, племя 88, 136

—Ш—

Шакир мирахур, сарай 24, 79, 100, 117, 122, 126
Шаф'и, мехтер 19—22, 37
Шахбаз Кича, калмык 83, 114, 132
Шахбаз, племя 61
Шах Мухаммед-бий дадха, сын Оз Тимурбия диванбеги, катагана 78, 81, 101, 122, 126
Шахрисябз, город 36—42, 49, 62, 66, 68, 69, 133
Шахрияр, писец 65
Шах Тимур-султан 66
Шейбани-хан 44, 70, 111, 118
Шибирган 41
Ширгази-бий 21
Шир-Гази, хивинский хан 66
Шугай-бек 51, 129

—Э—

Эмир Кулаль, гробница 95

—Ю—

Юзы, племя 83, 84
Юлдуз бахадур 13
Юсуф караулбеги, катаган 126

—Я—

Я'куб кутваль 51, 54—56, 58, 59
Мулла Я'куб 49
Яр Мухаммед ишик-ака-баши, минг 78, 79, 81
Яр Мухаммед-хан 13, 118
Яукашти мирахур, сарай, сын Гаиб Назар аталыка 82, 100, 126, 132
Яукашти туксаба 126
Яфет, сын Ноя 13
Ях'я ходжа шейх ул-ислам 66, 133

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

История Абулфейз-хана

[Начало истории Абулфейз-хана] 13
О предании смерти его величества Убайдулла-хана-мученика 14
Упоминание о вступлении на престол его величества Сейида Абулфейз баха-дур-хана 17
О набеге узбеков 45
Возвращение послов 76
Прибытие приближенных державы из Хазора 89
О достижении [его величеством] государем отмеченной благом [крепости] Хазора 98
О прибытии вражеского войска из-за реки [Зарафшан] 107
О возвращении его величества [хана] из района Гишты в город [Бухару] . . 117
О выступлении именитых эмиров из города [Бухары] в сторону Вабкенда для отражения врагов 121
О битвах, которые произошли между этими [бухарскими и неприятельскими] войсками 124
Примечания 139
Указатель 167

Редактор Издательства *Т. М. Назарянц*
Технический редактор *З. П. Горьковая*
Корректор *Т. К. Карпенко*

Р03040. Сдано в набор 12/XII—58 г. Подписано к печати 24/II—59 г. Бумага $70\times92^{1}/_{16}=5{,}5$. Бум. 12,87 л. Печ. л. Изд. л. 11,0 Тираж 2000. Цена 8 р. 60 к.

Типография Издательства АН УзССР, Ташкент, 1958 г. Заказ № 1198.
Адрес Издательства: ул. Куйбышева, 15.